

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск VIII

Материалы научной конференции
Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
ИКСА РАН
(Москва, 17 апреля 2023 г.)

Москва
ИКСА РАН
2023

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)
И90

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИКСА РАН*

Рецензенты:

д.и.н. В.Г. Дацышен; к.и.н. А.О. Виноградов

Редакционная коллегия:

д.и.н. Н.Л. Мамаева (отв. ред.), А.Л. Верченко, Т.Г. Герасимова (отв. секр.)

И90 Исторические события в жизни Китая и современность. Выпуск VIII. Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН (Москва, 17 апреля 2023 г.) / отв. ред., сост. Н.Л. Мамаева. — М.: ИКСА РАН, 2023. — 218 с.

ISBN 978-5-8381-0469-4

DOI: 10.48647/ICCA.2023.33.32.001

Сборник статей, подготовленный на базе материалов научной конференции ЦНИКР ИКСА РАН (17 апреля 2023 г.), продолжает серию исследований под рубрикой **Исторические события в жизни Китая и современность**. Опираясь на характерный для российского китаеведения комплексный подход к изучению истории и текущих проблем, учитывая фактор множественности направлений исследований в рамках основной научной темы Центра — Китай: история и современность, — выделяем несколько разделов. Особо отметим, что современная политика Компартии Китая представлена авторами в исторической ретроспективе, что усиливает доказательную базу оценок и выводов при освещении раздела, **посвященного идеологическим, политико-правовым и управленческим аспектам в деятельности Компартии Китая**. Раздел **Политическая история Китая через призму восприятия и в деятельности выдающихся личностей Китая** отражает и продолжает данное направление, активно формируемое и в китайской историографии. Раздел **Исторические события в Китае периодов новой и новейшей истории: история и историография** включает как традиционную тематику, так и недостаточно освещенные тенденции и события. Подчеркнем возросший интерес исследователей к изучению российско-китайских отношений как на этапе зарождения отечественного китаеведения, так и в связи с подписанием и реализацией Соглашения между правительствами РФ и КНР от 24 ноября 1992 г. о военно-техническом сотрудничестве. В поле зрения историков находится недостаточно изученная китайская и англоязычная историография идеологии и политики лагеря китайских реформаторов (с конца XIX в.). Характерно стремление к углубленному изучению заслуг Кан Ювэя как ученого, привлечение к исследованию философских критериев, новых источников и историографии проблемы. Освещается движение против бинтования ног женщин в Цинском Китае конца XIX в., представленное глубоко и тщательно. Движение правомерно рассматривается как часть более масштабных событий, направленных на эмансипацию китайских женщин. Увидели также свет статьи о революционном движении в Китае 1920-х годов, опыте парламентаризма в Китайской Республике периода антияпонской войны, культуре Китая в отечественной историографии, особенностях и проблемах Тайваня. В целом дана широкая картина жизни китайской истории и современного Китая. Дальнейшее развитие демонстрирует введение в научный оборот архивных материалов.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Соглашение между РФ и КНР о военно-техническом сотрудничестве, Коммунистическая партия Китая, Чжан Вэньтянь, Чжоу Эньлай, Кан Ювэй, модернизация системы государственного управления, реформа Госсовета, борьба с коррупцией, верховенство права.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением редакционной коллегии.

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)

© Мамаева Н.Л., составление, 2023

© ИКСА РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-8381-0469-4

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal State-Funded Institution of Science
Institute of China and Contemporary Asia
(ICCA RAS)

Center for Contemporary History of China
and its Relations with Russia

HISTORIC EVENTS IN THE LIFE OF CHINA AND MODERNITY

Issue VIII

*Materials of the Scientific Conference of the Center
for Contemporary History of China and Its Relations with Russia ICCA RAS
(Moscow, April 17, 2023)*

Moscow
ICCA RAS
2023

Recommended for publication by the Scientific Council of ICCA RAS

Reviewers:

Dr.sc. (Hist.) V.G. Datsyshen, PhD (Hist.) A.O. Vinogradov

Editorial Board:

N.L. Mamaeva, Dr.Sc. (History), (editor-in-chief), A.L. Verchenko,
T.G. Gerasimova (executive secretary)

Historic Events in the Life of China and Modernity. Problems of Modern and Contemporary History of China. Issue VIII. Materials of the Scientific Conference of the Center for Contemporary History of China and Its Relations with Russia ICCA RAS (Moscow, April 17, 2023): Ccollection of Articles / comp., ex. ed. N.L. Mamaeva. — M: ICCA RAS, 2023. — 218 p.

The collection of articles, prepared on the basis of the materials of the scientific conference of the Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia ICCA RAS (April 17, 2023), continues the series of studies under the heading **Historical Events in the Life of China and Modernity**. They are based on the comprehensive approach to the study of history and current problems, which is characteristic for the Russian Sinology. Taking into account the factor of the multiplicity of research within the framework of the main scientific theme of the Center — **China: History and Modernity** let us single out several sections. The modern policy of the Communist Party of China is presented by the authors in historical retrospect, which strengthens the evidence base for assessments and conclusions, being covered in the section devoted to the **ideological, political, legal and managerial aspects of the activities of the Communist Party of China**. The section of **Political History of China through the prism of perception and in the activities of the prominent persons of China** continues this direction, which is actively being formed in the Chinese historiography as well. The section **Historical events in China during the periods of modern and contemporary history: history and historiography** includes both traditional topics and insufficiently covered trends and events. We emphasize the increased interest of researchers in the study of Russian-Chinese relations, both at the stage of the emergence of domestic Chinese studies, and in connection with the signing and implementation of the Agreement between the governments of the Russian Federation and the People's Republic of China of November 24, 1992 on military-technical cooperation. Historians are focusing on the insufficiently studied Chinese and English-language historiography of the ideology and politics of the camp of Chinese reformers (since the end of the 19th century). Characteristic is the desire for an in-depth study of Kang Youwei's merits as a scientist, involvement in the study of philosophical criteria, new sources and historiography of the problem. The movement against women's footbinding in late 19th-century Qing China is covered, being presented in depth and thoroughly, including Kang Youwei's significant role in its implementation. The movement is rightly seen as part of larger developments aimed at the emancipation of Chinese women. Also published were articles on the revolutionary movement in China in the 1920s, the experience of parliamentarism in the Republic of China during the Anti-Japanese War, Chinese culture in Russian historiography, and the characteristics and problems of Taiwan. In general, a broad picture of life in the Chinese history and modern China is given in this collection. Further development is demonstrated in the field of introduction of archival materials into scientific circulation.

Keywords: Xi Jinping, agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China on military-technical cooperation, Communist Party of China, Zhang Wentian, Zhou Enlai, Kang Youwei, modernization of the public administration system, reform of the State Council, fight against corruption, rule of law.

The articles reflect the author's point of view, which does not necessarily coincide with the opinion of the editorial board.

© N.L. Mamaeva, compilation, 2023

© ICCA RAS, 2023

© Team of authors, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАРТИИ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Смирнов Д.А.* XX съезд КПК: идейно-политические аспекты 9
- Мамаева Н.Л.* Модернизация системы государственного управления КНР как специфическая черта содержания «новой эпохи» Си Цзиньпина 20
- Еришов А.В.* Реформа Госсовета 2023: финансовый и социальный вопросы реформирования государственных органов КНР 35

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ И В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ КИТАЯ

- Верченко А.Л.* Деятельность Чжоу Эньляя в период пребывания в СССР в 1939—1940 гг.: цели, содержание, оценки 49
- Пожилков И.Е.* О роли Чжан Вэньтяня в стратегическом повороте китайской Красной армии от гражданской войны к сопротивлению японской агрессии 60

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КИТАЕ ПЕРИОДОВ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- Саркисова Г.И.* Из истории отечественного китаеведения: журнальные записки учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781) как источник сведений о Китае 69
- Горбачев Б.Н.* Соглашение между правительствами РФ и КНР о военно-техническом сотрудничестве от 24 ноября 1992 г. и его значение для развития российско-китайских отношений 85
- Смирнова Н.В., Чжао Линьлин.* Оно Кадзуко о движении против бинтования ног в Цинском Китае конца XIX в. 97
- Мартынов Д.Е.* Интеллектуальная эволюция Кан Ювэя в первые десятилетия XX в.: тенденции в историографии 105

<i>Юркевич А.Г.</i> «Мятеж» или превентивная операция? К вопросу о трактовках причин, обстоятельств и последствий событий октября 1924 г. в Гуанчжоу	114
<i>Сотникова И.Н.</i> Опыт парламентаризма в Китае в период антияпонской войны. Национальный политический совет	133
<i>Герасимова Т.Г.</i> Культура Китая в отечественной историографии (по материалам издания «КНР: политика, экономика, культура» 2009—2014 гг.)	149

ТАЙВАНЬ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

<i>Волошина А.В.</i> Межбереговые отношения в преддверии президентских выборов на Тайване (2024 г.)	175
<i>Степанова Е.Н., Смирнов Д.А.</i> Духовная традиция как часть повседневной жизни тайваньца	187

CONTENTS

IDEOLOGICAL AND POLITICAL-LEGAL ASPECTS IN THE ACTIVITIES OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA: HISTORY AND MODERNITY

- D.A. Smirnov.* XX CPC Congress: ideal and political aspects 9
- N.L. Mamaeva.* Modernization of the public administration system
of the PRC as a specific feature of the content of the “new era”
of Xi Jinping 20
- A.V. Ershov.* State council reform 2023: financial and social issues
in the reform of PRC government bodies 35

POLITICAL HISTORY OF CHINA THROUGH THE PRISM OF PERCEPTION AND IN THE ACTIVITIES OF PROMINENT PERSONS OF CHINA

- A.L. Verchenko.* Activities of Zhou Enlai during the stay
in the USSR in 1939—1940: goals, content, assessments 49
- I.E. Pozhilov.* About the role of Zhang Wentian in the strategic
turn of the Chinese red army from the civil war to resistance
to Japanese aggression 60

HISTORICAL EVENTS IN CHINA DURING THE PERIODS OF MODERN AND CONTEMPORARY CHINESE HISTORY: HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- G.I. Sarkisova.* From the history of Russian Sino studies:
journal notes of the students of the 6th Russian Spiritual mission
in Beijing (1771—1781) as a source of information on China 69
- B.N. Gorbachev.* Agreement between the governments of the RF
and the PRC on military-technical cooperation of November 24,
1992 and its importance for the development
of Russian-Chinese relations 85
- N.V. Smirnova, Zhao Linlin.* Kazuko's Ono on the movement
against footbinding in Qing China in the late 19th century 97
- D.E. Martynov.* The Intellectual evolution of Kang Youwei
in the first decades of the XX century: trends in historiography 105

<i>A.G. Yurkevich.</i> “Mutiny” or preventive operation? On the question of interpretations of the causes, circumstances and consequences of the events of October 1924 in Guangzhou	114
<i>I.N. Sotnikova.</i> The Experience of parliamentarism in China during the Anti-Japanese war. National political council	133
<i>T.G. Gerasimova.</i> China culture in domestic historiography (based on materials from the publication “PRC: politics, economics, culture” 2009—2014)	149

TAIWAN: FEATURES AND PROBLEMS

<i>A.V. Voloshina.</i> Cross-strait relations ahead of the presidential elections in Taiwan (2024)	175
<i>E.N. Stepanova, D.A. Smirnov.</i> Spiritual tradition as a part of a Taiwanese’s everyday life	187

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАРТИИ КИТАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.48647/ISSA.2023.60.74.002

Д.А. Смирнов

XX СЪЕЗД КПК: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-политические аспекты работы XX съезда КПК. Как видно из материалов съезда, основные направления идеологической и внутриполитической работы партии в общем остаются неизменными, но в них усилены акценты на китаизацию марксизма с целью максимального учета специфики Китая в ходе выполнения долгосрочных задач развития и совершенствования сформировавшейся там после победы революции 1949 г. политико-экономической системы в рамках претворения в жизнь разрабатываемого под руководством Си Цзиньпина и связываемого с его именем курса на дальнейшее построение социализма с китайской спецификой новой эпохи. При этом сохраняется преемственность идейно-политической платформы партии, проявляющаяся в том числе в признании заслуг прежних поколений партийных лидеров. Усилен акцент на партийное строительство, укрепление партийного руководства во всех сферах, на строительство правового государства и проведение идейно-политического воспитания под лозунгом служения партии народу и обеспечения социальной справедливости. Особое внимание уделяется совершенствованию системы партийно-государственного управления как, можно сказать, ключевому фактору реализации стратегических планов социально-экономического развития при обеспечении стабильности в стране. Усилен акцент на проблему обеспечения всесторонней безопасности страны, включая поддержание социальной стабильности в обществе и продолжение бескомпромиссной борьбы с коррупцией. Повышается роль политики в области культуры, традиционная китайская культура, китайская мудрость рассматриваются в каче-

стве важной составной части китайской модели развития на современном этапе и продвижения «мягкой силы» Китая в мире.

Ключевые слова: КПК, Си Цзиньпин, китаизация марксизма, государственное управление.

Автор: Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

D.A. Smirnov

The XXth CCP CONGRESS: IDEOLOGICAL-IDEOLOGICAL ASPECTS

Abstract. In the article there are considered ideological and political aspects of the XXth CCP Congress. As it's seen from the Congress documents, the main directions of the Party ideological and internal political work remain in general unchangeable, but in them there are strengthened the accents on Marxism sinicization for the aim of the maximum consideration of Chinese specifics in the process of the completion of development long-term tasks and the perfection of political-economic system formed there after the Revolution of 1949 in the frames of implementation of policy course headed for further socialism construction with Chinese specifics of a new epoch elaborated under Xi Jinping management and connected with his name. Wherein the succession of the Party ideological-political platform is preserved which showed itself in the recognition of the former Party leaders generations' deserts. There made a special accent on the Party construction, Party management strengthening in all spheres, on the legal state construction and realization of ideological-political upbringing under the slogan of devoted service to the Party and people and of social justice provision. Special attention is paid to the perfection of party/state management as, one can say, the key factor of strategic plans realization of the social-economic development under circumstances of ensured stability in the state. Also there strengthened an accent on the problem of comprehensive state security including social stability maintenance in the society and the continuation of uncompromising struggle with corruption. There growing the policy role in the cultural sphere. Traditional Chinese culture and Chinese wisdom are considered the important part of the Chinese model of development and China soft power of promotion in the world at a modern stage.

Keywords: the CCP, Xi Jinping, Marxism Sinicization, state management.

Author: Smirnov D.A, Ph D in History, leading scientific researcher of the Centre of Contemporary History of China and its relations with Russia of the Institute of China and Contemporary Asia, RAS. E-mail: smirnov_da@inbox.ru

Состоявшийся в октябре 2022 г. XX съезд КПК стал очередным этапом в разработке и реализации проводимого под руководством пришедшего к власти в 2012 г. генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина

курса на всестороннее построение модернизированного социалистического государства, получившего официальное название «Идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи» [Си Цзиньпин].

На съезде были утверждены следующие направления идеологической и организационно-политической работы КПК. Как и на предыдущем, состоявшемся в 2017 г. XIX съезде КПК, на первый план были вынесены задачи в области партийного строительства, партийной (в условиях современного Китая фактически государственной) идеологии и государственного управления. Как отмечалось в отчетном докладе съезду, за период, прошедший между двумя съездами, Центральным комитетом партии было проведено семь пленумов, на которых были приняты важные решения по внесению поправок в Конституцию КНР (в том числе об отмене ограничений по срокам пребывания на должности председателя КНР, что по существу открыло путь и для избрания Си Цзиньпина на третий срок в должности генерального секретаря ЦК КПК), по вопросам углубления реформы партийных и государственных органов, модернизации системы и повышения потенциала государственного управления, по выдвиганию долгосрочной двухэтапной программы социально-экономического развития, по обобщению столетнего исторического опыта КПК и другим вопросам. Решения пленумов разрабатывались с учетом общих тенденций глобального развития и в русле задач по реализации провозглашенной в 2012 г. концепции «китайской мечты».

Как подчеркивается в докладе съезду, «в течение прошедших пяти лет мы неизменно усиливали всестороннее руководство со стороны КПК и единое централизованное руководство ЦК партии», исходя из того, что «сущностная особенность социализма с китайской спецификой», равно как и «наиважнейшее преимущество социалистического строя с китайской спецификой» — это руководство со стороны Компартии Китая. А отставание единого централизованного руководства со стороны ЦК КПК — это «наивысший политический принцип», требующий «наивысшей степени» идеологического, политического и практического единства всей партии вокруг её Центрального комитета [Си Цзиньпин].

Под руководством КПК был разработан стратегический план развития партии и государства в «новую эпоху» и реализации «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» путем претворения в жизнь «общей схемы пятиединого строительства» («五位一體」總體佈局 — то есть экономическое, политическое, культурное, социальное и экоцивилизационное строительство [Си Цзиньпин. Тань, с. 55]) и «четырёхаспектной всесторонней стратегической концепции» («四個全面」戰略佈局 — включает в себя: всестороннее построение среднезажиточного общества, всестороннее углубление реформ, всестороннее обеспечение законности в государственном управлении и всестороннее ужесточение внутрипар-

тийного управления [Си Цзиньпин. Тань, с. 55]). Был подтверждён «основной алгоритм» работы партии по управлению государством (фактически принятый ещё в 1990-е годы, при Цзян Цзэмине) — «поступательное движение вперед при поддержании стабильности», дополненный установкой о «едином порядке планирования работы в сфере развития и безопасности» [Си Цзиньпин] (в развитие утвержденной на XIX съезде «всеобъемлющей концепции государственной безопасности», в основу которой был положен принцип «интересы государства превыше всего», а «сохранение политической безопасности» рассматривалось как «основа основ» [Си Цзиньпин. Тань, с. 19]).

Было сформулировано основное противоречие китайского общества как «противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития» [Си Цзиньпин], что в общем отвечает современному этапу социально-экономического развития Китая, учитывая осуществленный им в последние десятилетия колоссальный подъем производительных сил и достигнутое на этой основе повышение жизненного уровня населения, позволившее выполнить задачу по избавлению от крайней бедности.

Как и на предыдущем съезде, в качестве важнейшего принципа было объявлено соблюдение партийного руководства во всех сферах государственного управления. Это означает неразрывную связь курса на превращение Китая в высокоразвитую державу — глобального лидера в соответствии с принятой партийным руководством долгосрочной программой социалистической модернизации к символическому историческому рубежу — вековому юбилею создания Китайской Народной Республики в 2049 г. — с сохранением существующей модели общественно-политического устройства, основанной на монополии КПК на власть. Это рассматривается в качестве гарантии общественно-политической стабильности, реализации принципов социальной справедливости и мобилизации всех ресурсов страны на завершение процесса социалистической модернизации. Отсюда вытекают задачи укрепления самой правящей партии (численность которой, по состоянию на 3 июля 2023 г. достигла 98,041 млн человек — [Независимая газета]) путем «всестороннего устроения» внутрипартийного управления, партийной дисциплины и внутрипартийного контроля, «твердо придерживаясь позиции “чтобы ковать железо, нужно самому быть крепким”», наращивая усилия по организационному, идеологическому строительству партии и институциональному управлению партией.

Особое внимание уделяется политическим критериям при подборе и назначении партийных кадровых работников, проведению «политического инспектирования», «формированию относительно совершенной системы внутрипартийных правовых норм», идейно-нравственному воспита-

нию членов партии, работе «в духе “забывания гвоздей”» по изживанию «четырех вредных поветрий» (формализм, бюрократизм, гедонизм и стремление к роскоши), искоренению менталитета «привилегированного положения» кадровых работников-ганьбу и решительному пресечению порочного стиля работы и коррупции. Благодаря всему этому, как констатируется в отчетном докладе съезду, «были пресечены некоторые вредные поветрия, которые нам не удавалось искоренить в течение долгого времени», и «устранены некоторые трудноразрешимые застарелые проблемы, которые оставались нерешенными на протяжении многих лет», «разрешены наболевшие проблемы», прежде всего связанные с коррупцией, и «наведён порядок в партии». Таким образом, по словам Си Цзиньпина, Коммунистическая партия Китая «нашла революционные самопреобразования (黨的自我革命) как второй вариант преодоления так называемой закономерности исторической цикличности “подъемов и падений”», что заметно повысило способность партии к самосовершенствованию и недопущению внутреннего разложения [Си Цзиньпин].

В условиях быстрого ухудшения международной ситуации, характеризующейся нарастанием внешнего давления на Китай, партия, как следует из доклада, «ставя интересы государства превыше всего», уделяет «приоритетное внимание внутренней политической обстановке». Реагируя на новые вызовы и противоречия, она освобождается от устаревших «идейных стереотипов» и «оков затвердевших интересов», идя по пути реформатирования структурно-институциональной конструкции системы управления и проведения по сути нового этапа реформ партийных и государственных органов, благодаря чему удалось добиться «заметного повышения уровня модернизации системы и потенциала государственного управления». Важной составной частью этого процесса стало проведение институционализации, регламентации и процессуализации в развитии того, что в КНР подразумевается под политическим строем социалистической демократии, в том числе развитие «социалистической консультативной демократии». Это делается в русле проведения в жизнь установки на «укрепление институциональных гарантий положения народа как хозяина страны», что направлено на обеспечение «более широкого и упорядоченного участия народа в политической деятельности», предоставление ему гарантий участия «по закону» в демократических выборах, в проведении «демократических консультаций, демократической разработке решений», в осуществлении «демократического управления и демократического контроля». Особо отмечалось проведение консультаций между КПК и демократическими партиями, на уровне собраний народных представителей, правительственных органов, народных политических консультативных советов и общественных организаций всех уровней сверху

донизу и актуальность задачи по созданию и совершенствованию разных институциональных платформ [Си Цзиньпин].

При этом во главу угла поставлена задача «сохранять и совершенствовать» основные политические институты страны, прежде всего систему собраний народных представителей всех уровней, а также институт народных политических консультативных советов, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций, играющих роль «моста и связующего звена» с народными массами, «механизмов учета мнений народа». Особое значение придается собраниям народных представителей всех уровней в процессе законотворчества, проведении контроля над административными, надзорными, судебными органами и органами прокуратуры, в поддержании тесных связей с народными массами и расширении каналов и форм осуществления демократии [Си Цзиньпин].

Была обозначена готовность партии «твердо идти по китайскому пути развития прав человека» и «содействовать делу всестороннего развития прав человека». Поставлены задачи по развитию низовой демократии, укреплению единого патриотического фронта, сохранению и совершенствованию руководимого КПК института многопартийного сотрудничества и политических консультаций. Си Цзиньпин призвал в своём докладе «всей душой и всеми помыслами опираться на рабочий класс и защищать законные права и интересы рабочих и служащих». В целях «всестороннего продвижения дела национальной сплоченности и прогресса» он потребовал отстаивать и совершенствовать институт национальной районной автономии и улучшить партийную работу в сфере национальной политики. Им также была поставлена задача «неуклонно следовать курсу на китаизацию религий» и активно направлять процесс их адаптации к социалистическому обществу [Си Цзиньпин].

По-прежнему особое внимание уделяется всестороннему соблюдению принципа верховенства закона в государственном управлении и строительстве правового государства. По словам Си Цзиньпина, «всестороннее управление государством на основе закона представляет собой глубинную революцию в области государственного управления». В рамках построения в стране правового государства особое внимание уделяется такому важному событию, как включение в Конституцию КНР положения о руководящей роли Коммунистической партии Китая в жизни страны. Си Цзиньпин призвал к усилению контроля над соблюдением Конституции и к совершенствованию созданной на её основе институциональной системы. В этой связи была подчеркнута необходимость обеспечивать исполнение административных функций на основе закона, содействовать законодательному закреплению функций, компетенций, процедур и ответственности правительственных органов, всячески способствовать нормативному и беспристрастному применению законов,

совершенствовать процедуры административного правоприменения, углублять комплексное и скоординированное реформирование судебной системы с целью обеспечения её справедливости и авторитетности, ускорить строительство правового общества, являющегося фундаментом для построения правового государства [Си Цзиньпин].

В своём докладе съезду Си Цзиньпин особый акцент сделал на задачах идеологической работы КПК. Прежде всего он подчеркнул, что партия «должна отстаивать коренной институт руководящего положения марксизма в области идеологии», продолжая при этом неуклонно придерживаться курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», руководствуясь «основными ценностями социализма» и сохраняя инновационный и творческий подход к развитию передовой социалистической культуры. Унаследуются как революционная культура, так и традиционная китайская культура; провозглашаются следующие идеи: «Поднебесная принадлежит всем»; «народ — основа государства»; «управление государством при помощи добродетели»; «отмена устаревшего и установление нового»; «назначение на должность только по способностям человека» и многие другие, полностью сохраняющие свою жизненность и актуальность [Си Цзиньпин].

Подчеркивая значение марксизма как руководящей идеологии КПК, Си Цзиньпин поставил задачу продолжить его дальнейшую «китаизацию» с учетом требований эпохи (时代化). «Китаизация» марксизма на основе соединения основных положений теории марксизма с конкретной практикой Китая была начата Мао Цзэдуном ещё в 1930—1938 гг., затем продолжена Дэн Сяопином и его преемниками во власти Цзян Цзэминем и Ху Цзиньтао. «Китаизация» марксизма признается в КПК, по существу, обязательной закономерностью процесса его творческого развития. Задаче дальнейшей «китаизации» марксизма посвящен второй раздел отчетного доклада ЦК КПК XX съезду. Отмечается роль идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, выдвинутых под руководством Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао «важных идей тройного представительства» и «научной концепции развития», что означает сохранение нынешним руководством КПК принципа соблюдения преемственности в вопросе развития идеологической платформы КПК [Си Цзиньпин].

Говоря о дальнейшем развитии «китаизации» марксизма, Си Цзиньпин сделал акцент на том, что «руководствоваться марксизмом» нужно «именно для решения проблем Китая» и что выдвижение «идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи», связанной с принятием целого ряда новых стратегий развития социализма с китайской спецификой и соответствующих новых идей и концепций, прежде всего в сфере государственного управления, «ознаменовало новый скачок в китаизации и осовременивании марксизма». Этот скачок связан с познанием «законо-

мерностей отправления власти коммунистической партией», закономерностей строительства социализма и в целом развития человеческого общества. При этом следует исходить из того, что марксизм нельзя рассматривать как неизменную догму, «выучивая наизусть и повторяя его конкретные выводы и формулировки», ведь ценность этого научного мировоззрения и методологии состоит в их практическом применении к реалиям современного Китая в ходе осуществления реформ и социалистической модернизации. Что касается методов отстаивания и развития марксизма, то осуществлять задуманное представляется возможным лишь на основе достижений традиционной китайской культуры и следования принципу «народ превыше всего», являющемуся «сущностным атрибутом марксизма» — теории, помогающей в познании и преобразовании окружающей действительности [Си Цзиньпин].

Как подчеркнул Си Цзиньпин (как в прошлом и Мао Цзэдун), путь китайской революции и социалистического строительства «был успешно открыт в результате независимых и самостоятельных поисков китайского народа под руководством партии», её теоретической и практической деятельности. Отсюда вытекает принципиальный вывод о том, что «проблемы Китая должны решать сами китайцы исходя из основных реалий страны». На нынешнем этапе развития страны перед китайским народом и правительством стоит задача сосредоточиться на новых глубинных проблемах, касающихся проведения реформ, развития и обеспечения стабильности в Китае, а также на поисках новых системных методов решения насущных вопросов международной политики, партийного строительства, исходя из общей взаимосвязи тех или иных явлений. Познание современности требует укрепления способности к всеохватывающему инновационному и правовому мышлению, умения отличать главные противоречия от второстепенных, специфическое от общего, развивая способности к перспективному мышлению, планированию с целью продвижения дела партии и государства на разных направлениях. Эти задачи Си Цзиньпин связал в своей речи с необходимостью отстаивания основополагающих принципов марксизма для правильной ориентации и недопущения ошибок, одновременно применяя инновации, поскольку они отражают характерные черты эпохи и служат ориентиром тенденций развития. Он призвал серьезно относиться к процессу познания, расширять и углублять свои знания, уверенно делать то, чего не делали предшественники, «направляя новую практику с помощью новой теории» и поставил задачу «формировать социалистическую идеологию, обладающую могучей консолидирующей и направляющей силой» [Си Цзиньпин].

Что касается основных конкретных целей и задач развития и модернизации страны, то центральной задачей остается следование по пути социализма с китайской спецификой, продолжая проведение политики

реформ и открытости, «твёрдо придерживаясь курса на независимость и самостоятельность и опоры на собственные силы», при сохранении четырёх основных принципов во внутренней политике и защите коренных интересов народа, прежде всего в плане обеспечения возможности равного и справедливого доступа народных масс к результатам развития страны и достижениям модернизации.

Общий стратегический план долгосрочного развития КНР включает в себя два этапа: с 2020 по 2035 г. «в основном осуществить социалистическую модернизацию», а период с 2035 по 2050 г. предназначается для превращения Китая в «могущественную... цивилизованную... модернизированную социалистическую державу», «которая будет лидировать в мире по совокупной государственной мощи и международному влиянию». К 2035 г. планируется возрастание ВВП до уровня среднеразвитых стран, повышение научно-технического потенциала до уровня стран-лидеров инновационного типа, что подразумевает под собой индустриальное развитие нового типа, информатизацию, урбанизацию и модернизацию сельского хозяйства. Развитие экономики связывается как с развитием общественного сектора экономики, так и с улучшением условий функционирования негосударственного сектора экономики с гарантией прав собственности и интересов предпринимателей. При этом в докладе на XX съезде обращено особое внимание на обеспечение «высококачественного развития» страны, что является «первостепенной задачей всестороннего строительства модернизированного социалистического государства». «Развитие, — подчеркнул Си Цзиньпин, — это наиважнейшая задача партии в деле управления государством и подъема страны. Без прочной материально-технической базы не может быть и речи о полном построении модернизированной социалистической державы». При этом необходимо продолжать движение вперед по пути модернизации с китайской спецификой под руководством Коммунистической партии Китая для достижения всеобщей зажиточности китайского народа; сбалансированного развития материальной и духовной культуры и гармоничного сосуществования человека и природы с перспективой создания новой формы цивилизации. Си Цзиньпин поставил задачу следовать по пути мирного развития Китая и формирования сообщества единой судьбы человечества. Одновременно с этим продолжать дело развития и совершенствования системы народной демократии, завершения построения правового государства и т. д. [Си Цзиньпин]

В завершение своего доклада Си Цзиньпин, подчеркивая самобытность развития китайского государства (политического строя социализма с китайской спецификой), сказал, что Китай был и остается социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимым рабочим классом в союзе с крестьянством. При этом важнейшими зада-

чами являются: сохранение единства партийного руководства и народных масс и верховенства закона в государственном управлении; сохранение статуса народа в полной мере как субъекта политики; внедрение в практику основных ценностей социализма и реализация программы исследования и развития теории марксизма [Си Цзиньпин].

На съезде в Устав КПК был внесен ряд дополнений, подчеркивающих роль Си Цзиньпина в разработке и претворении в жизнь стратегии построения социализма с китайской спецификой в новую эпоху, усиливающих руководящую роль КПК в реализации этой стратегии, актуализирующих принцип соединения основных положений марксизма с конкретной практикой Китая на современном этапе и значение исторического опыта КПК [Чжунго].

Таким образом, на съезде была утверждена всесторонняя программа работы партии по претворению в жизнь целей и задач дальнейшего проведения социалистической модернизации с китайской спецификой на современном этапе, характеризующимся выходом её экономического и социального развития на новый качественный уровень (в том числе и накопившихся за время проведения политики реформ и открытости в 1990-е и 2000-е годы внутренних противоречий и вызовов) на фоне серьёзного обострения противоречий с коллективным Западом. Лейтмотивом стратегии партийной работы в этих условиях становится усиление руководящей роли КПК как гаранта обеспечения социально-политической стабильности и повышения эффективности всей системы управления государством, как необходимого условия реализации всех долгосрочных планов развития, а также обеспечения комплексной безопасности страны (чему съезд также уделил большое внимание). Усиление руководящей роли партии связывается с повышением авторитета и укреплением власти генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина.

Библиографический список

Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства (Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года). URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 20.03.2023).

Чжунго гунчаньдан данчжанчэн (чжунго гунчаньдан ди эрши цы цюаньго дайбяо дахуэй буфэн сюгай, 2022 нянь 10 юе 22 жи тунго) [Устав Коммунистической партии Китая (принят 22 октября 2022 года на Двадцатом Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая)]. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ART11666788342244946.shtml> (дата обращения: 25.04.2023).

Си Цзиньпин. Тань чжиго личжэн. Ди саньцзюань (Си Цзиньпин. О государственном управлении. Том III). Пекин: Вай вэнь чубаньшэ, 2020. С. 55.

Независимая газета. 05.07.2023. Мониторинг ситуации в КНР по состоянию на 03.07.23.

References

Xi Jinping. Vysoko nesya velikoe znamya socializma s kitayskoy specifikoй, splochenno borot'sya za vsestonnee stroitel'stvo modernizirovannogo socialisticheskogo gosudarstva (Doklad na XX Vsekitayskom s'ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya 16 oktyabrya 2022 goda). URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (accessed: 20 March 2023). (In Russian)

Zhongguo gongchandang dangzhangcheng (zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibiao dahui bufen xiugai, 2022 nian 10 yue 22 ri tongguo). URL: <https://www.12371.cn/2022/10/26/ARTI1666788342244946.shtml> (accessed: 25 April 2023). (In Chinese)

Си Цзиньпин. Тан гуо лизхэн. Ди сан жуан. — Beijing: Waiwen chubanshe, 2020.

Независимая газета. 05.07.2023. Мониторинг ситуации в КНР по состоянию на 03.07.23.

Н.Л. Мамаева

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КНР КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА СОДЕРЖАНИЯ «НОВОЙ ЭПОХИ» СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. Статья посвящена изучению конкретного содержания модернизации системы государственного управления КНР, развивающейся под руководством пятого поколения руководителей во главе с генеральным секретарем ЦК КПК, лидером КНР Си Цзиньпином. Исследование проблемы модернизации системы госуправления предпринимается с позиции выявления элементов преемственности политики управления, одновременно — поиска новых подходов к проблеме функционирования властных структур в современном Китае. Прослеживается особый интерес китайского руководства к проблематике функционирования системы государственного управления как широкомасштабного процесса и как института управления страной. Центр тяжести концентрируется вокруг решения об усилении и устроении руководящей роли КПК и лично товарища Си Цзиньпина в процессе формирования системы государственного управления. Выдвигается задача поиска форм и каналов для усиления руководящей функции Компартии Китая. Если в «историческом прошлом» руководящая роль КПК осуществлялась главным образом — через определенный механизм принятия решений, многоступенчатую организационную партийную структуру, охватывающую общество сверху донизу, через кадровую и идейно-воспитательную политику, то в настоящее время этот механизм уже претерпел изменения и улучшил ситуацию: через создание правовой базы руководящей деятельности КПК, через осуществление и развитие контрольной ветви власти, на основе совершенствования координационных механизмов между партийными и государственными властными структурами и др. Думается, что есть основания считать положительным опыт реформы в сфере управления. Одновременно констатируем факт долговременного характера процесса «модернизации системы и потенциала государственного управления», сложность которого очевидна.

Ключевые слова: государственное управление, Си Цзиньпин, руководящая роль КПК, модернизация системы и потенциала государственного управления, правовая база.

Автор: Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: mamaeva_nl@mail.ru ORCID: 0000-0003-1258-9046.

N.L. Mamaeva

Modernization of the public administration system of the PRC as a specific feature of the content of the “new era” of Xi Jinping

Abstract. The article is devoted to the study of the specific content of the modernization of the public administration system of the PRC, which is developing under the leadership of the fifth generation of leaders led by the General Secretary of the CPC Central Committee, the leader of the PRC Xi Jinping. The study of the problem of modernization of the public administration system is undertaken from the position of identifying elements of continuity of management policy, at the same time — searching for new approaches to the problem of the functioning of power structures in modern China. There is a special interest of the Chinese leadership in the problems of functioning of the public administration system as a large-scale process and as an institution for governing the country. The center of gravity is concentrated around the decision to strengthen and tighten the leadership role of the CPC and personally Comrade Xi Jinping in the process of forming the public administration system. The task is being put forward to search for forms and channels to strengthen the leadership function of the Communist Party of China. If in the “historical past” the leadership role of the CPC was carried out mainly through a certain decision-making mechanism, a multi-level organizational party structure covering society from top to bottom, through personnel and ideological-educational policies, then at present it (mechanism — N.L.) has already undergone changes and improved the situation — through the creation of a legal framework for the governing activities of the CPC, through the implementation and development of the control branch of government, through the improvement of coordination mechanisms between party and state government structures, etc. It seems that there is reason to consider the experience of reform in the field of management positive. At the same time, we state the fact of the long-term nature of the process of “modernization of the system and potential of public administration,” the complexity of which is obvious.

Keywords: public administration, Xi Jinping, the leadership role of the CPC, modernization of the system and capacity of public administration, legal framework.

Author: Mamaeva Natalia L., Chief Researcher, Doctor of Historical Sciences. Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: mamaeva_nl@mail.ru ORCID: 0000-0003-1258-9046.

Богатый событиями минувший XX в. явил миру большое разнообразие государств с различным государственным устройством, политический режим которых так или иначе формировался под прямым или косвенным влиянием войн и революций. На политической карте мира уже в начале века появились новые государственные образования, в том числе республики советского типа. В силу ряда объективных и субъективных причин в своем большинстве они не смогли или не успели в должной мере реализовать свои потенциальные возможности. Между тем идея советской власти получила «второе дыхание» в деятельности некоторых государств Азии, прежде всего в Китае. И хотя в настоящее время в стране не акцентируется близость к политической системе распавшегося в 1991 г. Советского Союза, тем не менее, КНР, конституированная в Конституции 1954 г. как республика советского типа, и сегодня сохраняет признаки советской формы правления. Один из них — наиболее четко обозначившийся с приходом к власти в стране пятого поколения руководителей — непосредственно связан с функцией руководящей роли КПК в стране, которая, как представляется, развивалась изначально как институт управления страной. Именно эта сторона партийной политики была в центре внимания 4-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.), принявшего специальную резолюцию о необходимости совершенствования способности партии к управлению.

Руководящая роль КПК осуществлялась и осуществляется по многим каналам, но главным образом — через определенный механизм принятия решений, многоступенчатую организационную партийную структуру, охватывающую общество сверху донизу, через кадровую и идейно-воспитательную политику. Характерной чертой китайской партийно-политической системы выступает, по сути, функционирование двойного — партийного и государственного — управления.

Представляется целесообразным исследование проблемы модернизации системы государственного управления в КНР с позиции выявления элементов преемственности политики государственного управления, одновременно — новых подходов к проблеме функционирования властных структур в современном Китае. Обратим при этом внимание на тот факт, что преемственность носит как положительный характер, так, порою, и негативный, препятствующий принятию решений, адекватных новым реалиям. Подобный подход заставляет обратиться в первую очередь к истории проблемы.

К истории политики государственного управления

«Историческое прошлое» политических процессов, включая политику государственного управления, в значительной степени предопределяло и предопределяет вплоть до настоящего времени содержание и объем преоб-

разований в сфере управления. Отметим немаловажное для становления государственной структуры и политической системы обстоятельство создания КНР «революционным путем» [Мамаева, с. 19—20]. Революционное прошлое предопределило перенесение в политическую практику и государственное строительство военно-революционных методов, применявшихся Компартией Китая в «освобожденных районах» страны в 30-е — 40-е годы прошлого века. Существо преемственности политических институтов и государственности старого и нового Китая определялось главным образом укоренившимися в политическом сознании населения авторитарными методами управления страной со стороны правящей партии Китайской Республики Гоминьдана и опытом военно-революционной практики Компартии Китая 30—40 годов XX в. Эти обстоятельства создавали для КПК, пришедшей к власти под лозунгами «новой демократии» и «единого патриотического фронта», большие трудности при формировании нового политического устройства, государственного строительства и государственного управления в целом. Наибольшее влияние революционного прошлого Компартии Китая на формирование управленческой политики отмечалось в восстановительный период (1949—1952) и период «культурной революции».

Эмоциональный накал страстей способствовал порою отрицанию и полезного опыта, накопленного в Китайской Республике, в частности в области права. Так, согласно партийной директиве от февраля 1949 г. отменялся официальный Свод законов Китайской Республики, включая разделы о конституционном, гражданском, гражданско-процессуальном, уголовном, уголовно-процессуальном, административном праве (Люфа цюаньшу) [Гудошников, Емельянова, Степанова, с. 83].

В качестве обстоятельств, способствовавших вызреванию «культурной революции», отметим неготовность партийной элиты к адекватным решениям в области государственного управления и отставание в сфере создания законодательного базиса. «Культурная революция» прервала процесс формирования управленческих функций партии, намеченных на VIII съезде КПК (1956), подорвала партийное, политическое и государственное строительство. «Культурная революция» предопределила крайне низкую точку отсчета, с которой с конца 70-х годов XX в. начиналось партийно-политическое строительство, учитывающее предыдущие негативы в области управления. Не следует недооценивать негативное влияние последствий «культурной революции» на содержание и темпы управленческих преобразований, не всегда адекватно представленных в историографии [Мамаева, с. 32].

Бросая ретроспективный взгляд на «историческое прошлое» управленческой политики в КНР, отметим, что она формировалась на фоне практически полного отсутствия опыта в этой сфере, что способствовало

внедрению в политическое сознание управленческой практики Национальной партии Китая (Гоминьдана), значительно более авторитарной, чем Коммунистическая партия Советского Союза, которая в глазах западной политологии представляется чуть ли не главным виновником отдельных неудач КНР в управленческой сфере.

После принятия в 1954 г. Конституции, написанной по образу и подобию конституций СССР и стран народной демократии того времени, военно-административные и военно-контрольные органы власти постепенно сходили с авансены. Опыт СССР хотя и способствовал разработке общей ориентации в направлении построения механизма управления страной, однако его значения не следует переоценивать прежде всего в силу специфики партийно-политических и социальных процессов Китая, требовавших конкретных самостоятельных подходов и решений. При этом обозначим такую особенность исторического развития КПК, как способность партии к самостоятельным решениям по жизненно важным направлениям. Как показывает 100-летняя история КПК, ответы на вопрос «что делать?» вызревали внутри партийной жизни. Управленческая сфера в этом плане не исключение. Как свидетельствуют исторические источники, еще 4-й пленум ЦК КПК 16-го созыва (сентябрь 2004 г.) выдвинул на передний план проблему совершенствования государственного управления и одновременно представил Компартию Китая в качестве особого института управления страной. В подобной постановке проблемы политика в области управления воспринималась как объективно назревший процесс, прежде всего, внутреннего характера.

Основные направления преобразований в области государственного управления в 80-е — 90-е годы XX в. базировались на выступлениях и публикациях выдающегося партийного и государственного деятеля КНР Дэн Сяопина, особенно на известном выступлении на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 16 августа 1980 г. «Перестройка системы руководства партии и государства». Не решенная в свое время Мао Цзэдуном задача перестройки и совершенствования системы руководства партии и государства легла, по словам Дэн Сяопина, «на наши (китайского партийно-политического руководства. — *Н.Л.*) плечи» [Дэн Сяопин, с. 428]. По сути, в эти годы была запущена одобренная Дэн Сяопином политика, разрушавшая систему «пожизненного» занятия руководящих постов; имела место корректировка ситуации так называемого двойного управления со стороны партии и со стороны государства; осуществление политики более четкого размежевания функций партийных и государственных органов управления, формирование системы государственной службы и механизма «воспроизводства власти» или «смены созывов» партийно-политического руководства, подведение политико-юридической базы под деятельность партийных и государственных властных

структур, развитие внутривнутрипартийной демократии и «коллективности руководства».

В КНР с 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (19 ноября 2013 г.) начался отсчет нового этапа многовекторного изучения масштабной темы модернизации системы государственного управления, затрагивающей широкий спектр теоретических инноваций и характеризующейся началом внедрения новых практик в области управления.

О содержании процесса модернизации в сфере государственного управления

Усиление коррупции в системе управления на рубеже веков поставило перед правящей партией проблему срочной корректировки модели модернизации государственного управления. Несмотря на трудности, совершенствование политики и практики государственного управления в КНР, по сути, никогда не прерывалось. В качестве основной задачи в развитии управленческой системы автором монографии «О государственном управлении» товарищем Си Цзиньпином представлено совершенствование системы государственного управления, которое связывается им в первую очередь с усилением роли КПК в сфере управления. Следует отметить, что в контексте развития социализма с китайской спецификой «новой эпохи» статус Компартии Китая в политическом и государственном строительстве претерпел изменения в направлении повышения уровня, что отражено в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.)

Совершенствование системы государственного управления сопровождается созданием, чаще развитием, новых подходов в теории и практике масштабных реформ. Если в прошлом веке и в нулевых годах XXI в. имело место акцентирование «коллективного руководства» со стороны ЦК КПК, то в партийных документах и исследованиях Си Цзиньпина о проблемах государственного управления подчеркивается в большей степени, чем прежде, первостепенная важность такой функции ЦК КПК, как «централизованное руководство» со стороны ЦК КПК. Одновременно, как и в былые времена, подчеркивается, что гарантии прав народа осуществляются через демократические выборы, демократические консультации, демократическое управление и демократический контроль. Продолжают свое развитие реформы в партийных и государственных структурах, направленные на создание новых специальных координационных органов, регулирующих полномочия партийных и государственных органов власти.

До XVIII съезда КПК совершенствование политической системы и системы управления ожидалось, главным образом, на пути развития внутри- и внепартийной демократии, связывалось с усилением «коллективного руководства» и даже с заимствованием у «развитых демократий»

отдельных качеств государственной структуры, что в итоге ориентировало Китай на сближение с западными образцами политической системы, включая систему государственного управления. С приходом к власти пятого поколения руководителей «руководящие позиции КПК и устроение внутривнутрипартийного управления» закрепляются концептуально, системно и в правовом поле. Согласно поправкам к Уставу КПК ужесточается также ответственность Центральной комиссии по проверке дисциплины и местных комиссий по проверке дисциплины (ЦКПД и КПД) как контролирующих органов. Поправка № 5, внесенная в ст. 36 Конституции КНР, дополняющая ст. 1 Основного закона, демонстрирует обновленное видение места и роли Коммунистической партии Китая в политической системе страны. Внесенная поправка, согласно которой «руководящая роль Коммунистической партии Китая является самой существенной отличительной особенностью социализма с китайской спецификой» — это квинтэссенция обновленного подхода к деятельности КПК.

Осуществляется укрепление «партийного политического строительства» (*дандэ чжэньчжи цзяньшэ*), раздвигающего рамки традиционного партийного строительства и предусматривающего активизацию деятельности Центральной комиссии по проверке дисциплины.

Руководящие позиции КПК в стране, и на это мы обращаем особое внимание, были зафиксированы еще в первой Конституции КНР (1954) и во всех ее дальнейших редакциях. Однако они содержали лишь самое общее описание ее места в политической системе Китая. В конкретной сфере государственного управления руководящие позиции КПК были выражены нечетко, не имели законодательного и нормативного оформления. Характерная для социалистического лагеря тенденция замалчивания реального места компартий в политической системе и государственном строительстве формировала стереотип завуалированной формы руководящих функций правящих партий в государстве и обществе. Принятие отдельных законов и нормативных актов частично корректировало ситуацию, но было недостаточным. Тема государственного управления, демонстрировавшая особое к себе внимание исследователей и политиков, требовала развития. В западной синологии она была сильно политизирована, особенно роль КПК в управлении страной. С приходом к власти в КНР пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином совершенствование политики в сфере управления и роли Коммунистической партии Китая в этом процессе поднялось на новый уровень.

В связи с вышесказанным подчеркнем, что к важнейшим достижениям в области модернизации государственного управления можно отнести с полным основанием создание правовой базы управленческой политики. Успехи в области государственного управления десятилетнего периода после XVI съезда КПК (2002—2012), особенно периода между XIX и XX

съездами партии (2017— 2022), а также текущего периода ассоциируются прежде всего с активной деятельностью в этом направлении генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР, председателя Центрального военного совета КНР товарища Си Цзиньпина, который решительно и, как свидетельствуют его исследования о государственном управлении, убедительно отвергает неадекватные стереотипы и интерпретации, навеянные западной и англоязычной политологией. К важнейшим достижениям в области модернизации госуправления отнесем с полным основанием, как уже нами отмечалось, создание правовой базы управленческой политики: вошли в Устав КПК и получили правовой статус в Конституции КНР идеи о руководящей роли Компартии Китая в политической системе КНР. Особое внимание обращаем на тот факт, что, по сути, произошла легализация статуса КПК как руководящего ядра политической системы КНР, что позволило осуществить скачок в формировании управления государством на правовой основе. Следует отметить, что стремление к правовому обеспечению управленческой политики характерно для КПК на протяжении всей истории политического и государственного строительства, однако значительное повышение роли механизма правового регулирования в КНР произошло именно при Си Цзиньпине [Трошинский, с. 91—93]. Законотворческая деятельность, особенно по данному направлению, имела и имеет свою специфику. Центр тяжести в законо- и нормотворчестве приходился, возможно приходится и в настоящее время, на партийные структуры, которые готовят перенесение важных норм, принятых правящей партией, на уровень государственной политики. Механизм подготовки и принятия законов и нормативных актов находится в КНР в стадии совершенствования.

Важным шагом в системе правового обеспечения политики государственного управления представляется такая воплощенная в жизнь новая реальность, как создание «относительно совершенной системы внутрипартийных правовых норм» [Си Цзиньпин. Выступление]. Хотя это направление развивается не в рамках государственного законодательства, оно является весомым результатом целенаправленной деятельности партии в области права последних десятилетий, представляется адекватным специфическим характеристикам модернизации системы государственного управления, демонстрирует потенциальные возможности КПК и ее руководителей в создании новых концепций и практик в сфере управления.

Как показала практика, управление должно более активно сочетаться с контролем и не отставать от него в своем развитии. В этой связи подчеркиваем, что специфической и чрезвычайно актуальной проблемой является создание «всеохватывающей системы контроля над соблюдением норм и правил», которой занимались с полной ответственностью и предшественники Си Цзиньпина. Соответствующим образом рассматривается

и перспектива развития новой — контрольной ветви власти как масштабной реформы политической системы, которая уходит своими корнями в учение Сунь Ятсена о «трех народных принципах» и конституции пяти властей [Си Цзиньпин, с. 421—422]. Согласно теории Сунь Ятсена, Китай нуждается в пяти ветвях власти. Исполнительная, законодательная и судебная ветви власти дополняются контрольной и экзаменационной ветвями. Работа по этому чрезвычайно важному направлению продолжается.

Таким образом, как правящая партия КПК не только не утратила руководящих позиций в государстве и обществе в сложных перипетиях современного мира, но и проявляет, начиная с XVI съезда, способность к качественным нововведениям в области системы управления.

Идеи Си Цзиньпина *о социализме с китайской спецификой в «новую эпоху»*, вошедшие в *Устав КПК и получившие правовой статус в Конституции КНР*, включают множество важных креативных подходов и концепций. В значительной степени они касаются сферы государственного управления. После XIX съезда КПК (2017) Си Цзиньпин в ходе своей деятельности по руководству государственным управлением опубликовал целый ряд статей и других материалов по различным направлениям формирования и реформирования государственного управления (в том числе в форме пояснений, докладов, бесед, указаний, замечаний и т. д.). Обратим особое внимание на его монографии под названием «О государственном управлении», в которых формируется на уровне научных концепций видение обновленного содержания процесса государственного управления КНР. Публикация томов готовится и осуществляется с участием Отдела пропаганды ЦК КПК, Института истории партии и документации при ЦК КПК и Китайского управления по изданию и распространению литературы на иностранных языках [Си Цзиньпин]. Изучение темы государственного управления предпринимается автором на базе комплексного подхода, что выводит исследования на новый уровень и отличает современные подходы от предшествовавших практик.

Неясность в области конкретного содержания руководящей функции КПК в условиях мирного строительства, отсутствие вплоть до недавнего времени собственных разработок в области системы управления и определения каналов взаимодействия партии с государственными органами и общественными организациями, наряду с другими факторами — ростом бюрократизма, правовой незащищенностью, практически полным отсутствием нормирования административных процессов, социально-экономическими трудностями, — создавали значительные трудности при разработке теории и практик совершенствования системы управления.

Современные реалии в области управленческой политики демонстрируют некоторые принципиально важные изменения и дополнения. Отметим при этом, что управление государством со стороны партии интер-

претиривалось в начале XXI в. по-разному: помимо прямого управления со стороны правящей партии в перспективе допускалось сведение руководящей функции КПК исключительно к рамкам контрольной и воспитательной работы [Мамаева, с. 159—160].

Параллельно с вышеназванными мероприятиями и событиями в сфере управления развивалась тенденция ужесточения внутри- и внепартийного контроля и нового возрождения политики совмещения высоких руководящих постов в партийных и государственных органах. Вместе с тем имела место большая, чем в СССР «застойного» времени, готовность партийно-политической элиты к адаптации системы управления страной к новым реалиям. Как показала история, стремление политической элиты к переменам и в целом человеческий фактор играли и играют более значительную роль в модернизации страны, чем предполагалось ранее.

Упомянутые выше события и направления носили принципиальный характер. Они заложили основу модернизации системы управления, которая как бы сделала выбор и получила дальнейший стимул для развития согласно требованиям времени. Упрочение и совершенствование системы государственного управления сопровождается созданием новых акцентов и подходов к характеристике специфики социализма с китайской спецификой в новую эпоху, что подтверждается как реальным изменением статуса партии, так и нюансами в политике государственного управления. Повышение уровня «модернизации системы и потенциала государственного управления» правомерно связывается с формированием институциональных рамок во всех сферах, взаимодействующих с системой государственного управления. Продвижение вперед осуществляется, как отмечает Си Цзиньпин, также по мере завершения нового раунда реформы в партийных и государственных органах, направленной на выявление и сохранение равновесия между партийными и государственными структурами управленческого характера.

Фундаментальной основой Коммунистической партии Китая выдвигается укрепление «партийного политического строительства» (*даньдэ чжэньчжи цзяньшиэ*), соответствующего новой эпохе, что обозначено в материалах XIX съезда КПК (2017), 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва (март 2018 г.), подтверждено на XX съезде КПК (октябрь 2022 г.) Таким образом традиционное партийное строительство, формировавшееся еще в 1920-х годах под влиянием и с помощью РКП(б)/ВКП(б), раздвигает свои рамки. Политическое строительство партии объявляется важной инновацией в области партийного строительства, подразумевает наличие у членов КПК более широкого кругозора и расширение сферы деятельности, активное участие КПК в политической жизни, предусматривает выработку четкой политической ориентации, углубленное понимание социалистического строительства с китайской спецификой, активизацию дея-

тельности по формированию политической дисциплины и политической ответственности, осуществляемой под руководством авторитетной в КНР Центральной комиссии по проверке дисциплины.

К важнейшим достижениям современного Китая в области государственного управления, начиная с XVI съезда КПК, можно отнести следующие:

— подведение правовой базы под идеи генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху, что позволило осуществить скачок в формировании государственного управления;

— усиление всестороннего руководства со стороны КПК;

— создание системы внутривнутрипартийных правовых норм;

— выдвижение руководящей роли марксизма в идеологии;

— развитие способности партии к самоочищению;

— призыв к выдвижению новых концепций и подходов в области партийного политического строительства;

— поставлена задача развития сложившегося в КНР политического строя с китайской спецификой;

— осуществление принципа верховенства закона в системе государственного управления рассматривается в сочетании с наличием у управленцев нравственных норм поведения как обязательных для успеха строительства модернизированной системы государственного управления;

— создание атмосферы поддержки авторитета ЦК КПК и усиление единого централизованного руководства со стороны Политбюро и ЦК КПК» [Си Цзиньпин, с. 141—143];

— «устроение внутривнутрипартийного управления», ст. 3 Устава КПК [Устав КПК];

— активизация деятельности парткомов всех уровней и дисциплинарных комиссий;

— перед членами КПК и кадровыми работниками поставлена задача изучения истории КПК и Китая в целях «наследования красного гена и революционной крови».

В партийных документах подробно рассматривается злободневная тема борьбы с коррупцией. Как прописано в Уставе Компартии Китая, опасность коррупции и других негативных явлений встает перед КПК все острее. Позиция КПК определяется четко: провозглашается позиция нулевой терпимости в борьбе с коррупцией. Углубление борьбы с коррупцией предусматривается в сферах, характеризующихся концентрацией властных полномочий, капиталоемкостью и изобилием ресурсов.

Особое место в процессе модернизации системы государственного управления занимают проблемы воспитания у членов КПК высоких нравственных качеств на пути повышения требований к самим себе, а также

сохранению в партии сильной жизненной энергии, изначально характерной для китайских коммунистов. Говоря о необходимости соблюдения внутривнутрипартийной дисциплины, Си Цзиньпин неоднократно обращается к урокам истории, к политической практике Мао Цзэдуна в революционный период истории КПК, продемонстрировавшей преданность партии коммунистическим идеалам и четкое следование коммунистов дисциплинарным нормам.

Особый интерес вызывает тема углубления реформ государственного управления, тем более что в 80-х — 90-х годах XX в., а также в нулевые годы XXI в. эта тема была весьма актуальной. Имели место некоторые интересные наработки по ряду направлений, к примеру по вопросам взаимодействия различных властных структур. Выдвигалась идея совместной деятельности и единовременного реформирования в сферах управления партийных органов, Собраний народных представителей, правительства, судебно-прокурорской системы, привлечения к участию общественных и неправительственных организаций. Преемственность и углубление прежних подходов продемонстрировал 3-й пленум ЦК КПК 19-го созыва. Как отмечалось в решениях пленума, «система функций партийных и государственных органов является важной составной частью социалистического строя с китайской спецификой, а также важной гарантией государственного управления [Коммюнике]. Си Цзиньпин, обращаясь к теме углубления реформ партийных и государственных органов, особо подчеркивает необходимость достижения координации в работе партийных и государственных управленческих структур [Си Цзиньпин. Выступление].

Си Цзиньпин констатирует также тот факт, что устроение внутривнутрипартийного управления после XVIII съезда КПК и дальнейшее постепенное внедрение и издание нормативных предписаний имело положительный эффект в деле государственного управления и продемонстрировало продвижение на пути укрепления единого централизованного партийного руководства. Построение системы внутривнутрипартийных правовых норм, по нашему мнению, свидетельствует о результативности партийно-политического строительства и способствует дальнейшей разработке правовой системы с китайской спецификой как важной части процесса оптимизации системы государственного управления.

Внимание к кадровой политике — одна из важных характеристик системы государственного управления. Подтверждается принцип «партия управляет кадрами». Ставится вопрос о совершенствовании кадровой политики [Си Цзиньпин, с. 174]. Заметим, что в этой области наиболее четко прослеживается тенденция создания законодательной основы в управлении государством. Отметим также, что в текущий период усиле-

ние правового статуса управленческой деятельности КПК осуществляется преимущественно в рамках принятых партийных нормативов.

Особое внимание лидера партии и страны Си Цзиньпина к китайским традициям, опыту КПК в революционный период и в эпоху мирного строительства помогает не только адекватно оценить современную ситуацию в системе управления, но и облегчить населению восприятие мероприятий, направленных на модернизацию политики управления государством. Так, Си Цзиньпин приводит высказывание на тему исследования писателя и философа-конфуцианца династии Южная Сун Люй Цзуня: «Если в Поднебесной нет процветания, то наступает упадок; если в Поднебесной не осуществляется должное управление, то наступает регресс» [Си Цзиньпин, с. 169].

Исходя из принципов сохранения национального суверенитета и на основе выборочного подхода китайская сторона строит свою политику в области заимствования опыта в сфере управления у других стран. В книге представлена точка зрения автора об использовании опыта Советского Союза в области государственного управления. Как отмечает Си Цзиньпин, в период социалистического строительства у СССР были заимствованы многие полезные практики для построения государственного строя и системы государственного управления КНР.

В заключение подчеркнем отдельные специфические моменты, характеризующие процесс модернизации системы управления, а именно: усиление и ужесточение руководящей роли партии в системе управления как центрального звена новых подходов; упрочение силы духа КПК как гарантию её устойчивости в революционный период и в период мирного строительства.

Подытожим, что, подобно тому, как в 20-х — 40-х годах XX в. формировалась под руководством Мао Цзэдуна стратегия национальной революции с китайской спецификой, в настоящее время формируется система модернизированного государственного управления с китайской спецификой. Думается, что есть основания считать положительным опыт реформы в сфере управления. Одновременно констатируем факт длительного характера процесса «модернизации системы и потенциала государственного управления», сложность которого очевидна.

Библиографический список

Гудошников Л.М., Емельянова Т.М., Степанова Г.А. Эволюция политической системы // КНР 50 лет. Политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2004. 495 с. С. 82—113.

Дэн Сяопин. Перестройка системы руководства партии и государства» (16 августа 1980 г.) // Избранное. Т. II. Пекин: Вайвэн чубаньшэ. 1995. 553 с. (На рус. яз.).

Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 19-го созыва. URL: // <https://china-uz-friendship.com/?p=1443110> (дата обращения 15.05.2022). (На кит. яз.).

Конституция КНР. Принята на 5-й сессии ВСНП пятого созыва 4 декабря 1982 года, с поправками от 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004, 11.03.2018. (На кит. яз.).

Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: «Русская панорама», 2007. 232 с.

Си Цзиньпин. Выступление Генерального секретаря ЦК КПК на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. Пекин, 1 июля /Синьхуа/ // URL: https://e.mail.ru/attach/16252988571166004479/0%3B1/?x-email=mamaeva_nl%40mail.ru&folder-id=0 (дата обращения 04.01.2022). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. III. Пекин: Вайвэн чубаньшэ. 2021. 838 с. (На рус. яз.).

Троцкий П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949—2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018. 184 с. (На рус. яз.).

Устав Коммунистической партии Китая (принят с частичными поправками XVIII Всекитайским съездом КПК 14 ноября 2012 г. // XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация. № 7. М.: ИДВ РАН, 2012. (На рус. яз.).

References

Gudoshnikov L.M., Yemel'yanova T.M., Stepanova G.A. Evolyutsiya politicheskoy sistemy [Evolution of the political system] // KNR 50 let. Politika, ekonomika, kultura. М.: IFES RAS, 2004- 495 p. P.82—113. (In Russian).

Den Syaopin. Perestroyka sistemy rukovodstva partii i gosudarstva» (16 avgusta 1980 g.) [Deng Xiaoping. Restructuring the Leadership System of the Party and the State” (August 16, 1980)] // Izbrannoye. Т. II. Beijing: Waiwen chubanshe. 1995. 553 с. (In Russian).

Kommyunike 3-go plenuma TSK KPK 19-go sozyva [Communiqué of the 3rd Plenum of the 19th CPC Central Committee]. URL: <https://china-uz-friendship.com/?p=1443110> (дата обращения 15.05.2022) (In Chinese).

Mamaeva N.L. Partiya i vlast': Kompartiya Kitaya i problema reformy politicheskoy sistemy [Party and power: The Communist Party of China and the problem of reform of the political system]. М.: «Russkaya panorama», 2007. 232 s. (In Russian).

Si Tszin'pin. Vystupleniye General'nogo sekretarya TSK KPK na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya KPK [Speech by the General Secretary of the CPC Central Committee at the solemn meeting on the occasion of the

100th anniversary of the founding of the CPC]. Beijing, 01.07.2021 /Синьхуа/ URL: https://e.mail.ru/attach/16252988571166004479/0%3B1/?x-email=matayeva_nl%40mail.ru&folder-id=0 С. 8 (дата обращения 04.01.2022). (in Chinese).

Xi Tszin'pin. О gosudarstvennom upravlenii tom III [The Governance of China Volume III]. Beijing. Waiwen chubanshe. 846 p. (In Russian).

Troshchinskiy P.V. Evolyutsiya pravovoy sistemy Kitayskoy Narodnoy Respubliki (1949—2018 gg.): istoriko-pravovoy aspekt (s perechnem deystvuyushchikh zakonov KNR). [The evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949—2018): historical and legal aspect (with a list of current laws of the PRC)]. M.: Izdatel'skiy dom VKN, 2018. 184 s. (In Russian).

Ustav Kommunisticheskoy partii Kitaya (prinyat s chastichnymi popravkami XVIII Vsekitayskim s"yezdom КПК 14 noyabrya 2012 g. // XVIII s"yezd Kommunisticheskoy partii Kitaya (8—14 noyabrya 2012 g.). [Charter of the Communist Party of China (adopted with partial amendments by the XVIII National Congress of the CPC on November 14, 2012 // XVIII Congress of the Communist Party of China (November 8—14, 2012). Express information. No. 7. M.: IDV RAN, 2012. (In Russian).

А.В. Ершов

РЕФОРМА ГОССОВЕТА 2023: ФИНАНСОВЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КНР

Аннотация. Очередной этап реформ органов государственного управления КНР направлен на глубокую трансформацию финансового и банковского секторов в первую очередь. Важное значение также придается преобразованию системы управления наукой, повышению эффективности научно-технических разработок, усилению защиты интеллектуальной собственности. Работа с большими данными и ИИ, дальнейшее продвижение цифровых технологий, социальные вопросы, взаимоотношения между Госсоветом и местными правительствами также нашли свое отражение в изменении функций существующих ведомств и создании новых органов управления.

Ключевые слова: реформа, органы государственного управления, Госсовет, финансы, банки, инвестиции, наука и техника, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, большие данные, цифровые технологии, цифровой суверенитет.

Автор: Ершов Александр Валерьевич, научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: alexandre.erшов@gmail.com

A.V. Ershov

STATE COUNCIL REFORM 2023: FINANCIAL AND SOCIAL ISSUES IN THE REFORM OF PRC GOVERNMENT BODIES

Abstract. Next stage of PRC public administration reforms is aimed at the financial and banking sectors re-shaping. Great attention is paid also to the science management system transformation, increase in the efficiency of scientific and technical developments and strengthening intellectual property protection. Working with big data and AI, further promoting digital technologies, social issues, relationship between State Council and local governments are also reflected in the changing functions of existing departments and creation of new government bodies.

Keywords: reform, public administration, State Council, finance, banks, investments, science and technology, intellectual property, artificial intelligence, big data, digital technologies, digital sovereignty.

Author: Aleksandr V. Ershov, Researcher, Center for Modern History of China and China-Russia Relations, Institute of China and Contemporary Asia RAS. E-mail: alexandre.ershov@gmail.com

В марте 2023 г. начался очередной этап реформы органов государственного управления. В фокус реформы попали следующие сферы: финансовые и банковские вопросы; технологические (цифровизация, «умные» города) и социальные задачи; традиционные для китайской системы управления административные аспекты (взаимоотношение, вес и значимость местных [региональных] правительств и центра). 7 марта 2023 г. был опубликован план институциональной реформы Госсовета; после одобрения на «двух сессиях» 20 марта он был опубликован на официальной странице правительства КНР [Гоуюань].

В ходе пленарного заседания 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 14-го созыва ответственный секретарь Госсовета Сяо Цзе представил депутатам пояснения по плану реформирования ведомств высшего исполнительного органа КНР [Мао Шоулун]. План реформы включает в общей сложности 13 различных аспектов реформирования, в том числе реорганизацию Министерства науки и технологий, Народного банка Китая (НБК), создание Государственного управления по финансовому надзору. Как отмечается китайскими официальными лицами, план реформы поможет улучшить координацию правительственных органов, соответствие должностным компетенциям, повысить эффективность работы правительства. Данная цель красной нитью проходит через все преобразования органов госуправления начиная с 1982 г. и каждый раз бывает продиктована решением наиболее актуальных и злободневных экономических и социальных задач [Ершов].

Один из представителей на съезде ВСНП, Цзян Юаньсюнь, в оценке текущей реформы Госсовета отметил: «Программа реформ ставит на более значимое место усиление их системной интеграции, что способствует комплексному продвижению реформ в земельной сфере, системе управления, в области прав собственности, защиты инвесторов, развития институциональных механизмов интеграции и развития городских и сельских районов» [Вэй цюаньянь цзяньшэ].

Данная реформа не приведет к изменению числа министерств Госсовета; традиционное сокращение количества сотрудников центрального аппарата составило 5 %. В заявлении по поводу нового этапа реформы Госсовета было особо отмечено, что деятельность существующих 26 министерств в целом целесообразна и эффективна (что, видимо, не исключает их точеч-

ной подстройки). Отметим при этом, что с момента создания системы больших министерств («дабучжи») в 2008 г. не было кардинальных изменений структуры правительства, каковые наблюдались в период 1980-х — 2000-х годов, а имеет место их оптимизация, перераспределение полномочий между различными ведомствами. Представляется, что это отнюдь не случайный процесс. Не будем забывать, что все реформы структур государственного управления в КНР исходили из практических задач содействия реформе экономической системы; по мере трансформации социально-экономической модели требовались и соответствующие изменения органов управления — с целью максимально приблизить их функционал и задачи к существующей социально-экономической реальности. Стабилизация структуры правительства нам может говорить и о том, что, претерпев значительную трансформацию (изначально отталкиваясь от государственной плановой модели 1970-х годов), социально-экономические условия в стране стабилизировались и значительных трансформаций с конца 2000-х годов не происходило. Оптимальный баланс организации правительства был найден, что, разумеется, не сняло с повестки необходимости дальнейших последовательных его реформ, особенно учитывая глобальные геополитические, финансовые и технологические факторы.

За прошедшие с прошлой реформы Госсовета (и финансового сектора) пять лет (2018) мы видим, что в экономике КНР не возникло новых отраслей и секторов, зато есть необходимость в актуализации существующих направлений.

В первую очередь значительные вопросы в последние годы вызывает финансовый сектор. Большое количество злоупотреблений в нем уже переросло в системное правило; у некоторых крупных финансистов сложилось ощущение собственной «неприкасаемости» [Frank Tang, China anti-corruption]. В целях оздоровления финансовой системы, с одной стороны, и усиления контроля государства — с другой, было принято решение о создании Главного управления по финансовому надзору (ГУФН) (учреждено 17 мая 2023 г.). Управление заменило Комиссию по регулированию банковской и страховой деятельности Китая («иньбао цзяньхуэй», Комиссия по регулированию банковской деятельности, создана в 2003-м, слита с Комиссией по страховому рынку в ходе реформы Госсовета 2018 г.) [Бутрин]. Данное изменение отнюдь не рядовое событие, не формальная «смена вывески». ГУФН будет отвечать за надзор за финансовыми учреждениями, не относящимися к рынку ценных бумаг, координировать защиту прав потребителей в финансовом секторе и расследовать правонарушения¹. Ранг Управления повышается до министерского уровня («чжэнбуцзи цзигоу»).

¹ Часть функций Народного банка Китая (надзор за финансовыми холдингами и защита прав потребителей финансовых услуг) и Комиссии по регулированию рынка ценных бумаг (защита прав инвесторов) отошла к Управлению.

Китайские источники сообщают, что реформирование приведет к дальнейшему укреплению «научного и упорядоченного финансового регулирования». Реформа укрепит институциональный и функциональный надзор, эффективноотрегулирует обязанности центрального правительства и местных органов власти по финансовому надзору, стандартизирует порядок работы финансовых рынков, поддержит финансовые инновации и обеспечит контроль за финансовыми рисками. Продолжится дальнейшее совершенствование реальной экономики финансовых услуг; произойдет унификация правил выпуска облигаций и повышение эффективности финансирования рынка капитала, что поможет ускорить совершенствование многоуровневой системы рынка капитала в Китае и эффективно увеличить долю прямого финансирования. Произойдет последующее усиление защиты прав и интересов инвесторов, «нормативное управление богатством» [Цзиньжун цзяньгуань].

Для понимания глубины и значимости изменений следует отметить следующий факт: все работники финансового надзора становятся *государственными служащими* (чего не было ранее), на них будет распространяться сетка вознаграждения для гражданских служащих. Это означает конец банковской «вольницы», сверхдоходам и огромным дивидендам, которые крупный менеджмент назначал по своему усмотрению; фактически это ликвидация самостоятельной системы управления кадрами в финансовой сфере и практики весьма крупных вознаграждений топ-менеджменту. Иначе говоря, происходит национализация финансового сектора, тесно связанного (фактически неразделимого) с глобальными международными финансовыми институтами. Корни такого решительного наступления на могущество финансистов следует искать в том числе в кадровых перестановках по результатам XX съезда КПК, значительно упрочивших власть Си Цзиньпина и его команды.

В рамках реформы в финансовом секторе упор сделан на углубление реформы региональной системы финансового надзора и контроля. То есть это не только реформирование центрального аппарата, но, что важнее, региональных органов управления. Безусловно, это задача весьма непростая, и здесь следует отметить несколько моментов. В первую очередь, понятно, что местный финансовый надзор будет работать в интересах центральной власти (а не местной); при этом на данный момент не было сделано конкретных изменений в определении полномочий центральных и местных органов (что необходимо для практической деятельности и регулирования)². Во-вторых, местные органы власти по-преж-

² 31 декабря 2021 г. Народный банк Китая опубликовал циркуляр о публичном запросе комментариев по «Правилам местного финансового надзора и управления (проект)». Сотрудники Народного банка Китая обобщают полученные комментарии и вносят соответствующие коррективы. По результатам могут быть введены в действие правила финансового надзора и регулирования (в конституционном виде).

нему несут ответственность за территориальное финансовое регулирование, главным образом означающее, что местные органы финансового надзора несут ответственность за региональный финансовый надзор (при этом более не берут на себя содействие финансовому развитию и привлечению инвестиций). Таким образом, было обеспечено разведение функций региональных финансовых регуляторов, отвечающих за *регулирование* и за *развитие*. В-третьих, филиалы центрального банка в уездах (городах) будут расформированы, часть персонала филиалов НБК скорее всего будет направлена в качестве кадрового усиления (как имеющая соответствующую квалификацию) в территориальные представительства Главного управления по финансовому надзору (ГУФН) [2023 лянхуэй].

По существующей практике дублирования партийных и государственных органов создается Центральная финансовая комиссия (ЦФК), что усилит партийный контроль за финансовой сферой. Ожидается, что ЦФК возглавит председатель Си Цзиньпин. Комиссия заменит Комитет по финансовой стабильности и развитию (орган Госсовета) в качестве главного планировщика финансовой системы Китая [Frank Tang, China's financial overhaul]. Пока не вполне понятна роль ЦФК, круг её полномочий и сфера разграничения с другим важным финансовым органом — Центральной комиссией по финансово-экономическим вопросам — ключевым органом, принимающим экономические решения, также возглавляемым Си Цзиньпином. Надзорные комитеты КПК будут созданы во всех государственных финансовых учреждениях и регулирующих органах.

За последние несколько лет темпы роста экономики КНР значительно замедлились; очевидно, что она не может развиваться так быстро, как в период начала 1980-х — 2000-х годов (годовой прирост ВВП в данный период составлял около 10 % [ВВП Китая]), одновременно с этим сбор налогов становится все более сложным. Для усиления конкурентоспособности китайской экономики в качестве стимулирующего средства, помимо повышения производительности труда, выступает снижение налогов и социальных выплат.

Комиссия по регулированию ценных бумаг (КРЦБ, «чжэньцзяньхуэй», создана в 1992 г.) также преобразована в орган, непосредственно подчиненный Госсовету; Комиссия играет важную роль в управлении и регулировании сектором частных инвестиций (ЧИ) КНР, который насчитывает около 15 тыс. венчурных и частных компаний, которые управляют 10,62 трлн юаней (по состоянию на конец августа 2020 г.). Этот сектор вырос с нуля примерно за 20 лет благодаря усилиям страны по либерализации рынков капитала и реструктуризации систем публичного листинга [Управление]. В 2022 г. частные инвестиции достигли 31 трлн юаней, что примерно в два раза больше 15,4 трлн юаней в 2012 г. В 2022 г. частные инвестиции выросли на 0,9 %, что составляет 54,2 % от общего объема

инвестиций. Роль объемов и темпов роста частных инвестиций в общем экономическом положении очевидна, поэтому полная мобилизация частных инвестиций стала одним из важных факторов в проведении финансовых преобразований [Чжу Цюньюй]. На данный момент ключевая проблема заключается в отсутствии единого закона, который бы регулировал деятельность всего рынка ЧИ (есть отдельные законы и корпоративное законодательство, между которыми существуют противоречия и пробелы). Текущая логика финансовых реформ следует дальнейшей поэтапной перестройке системы финансовых органов, созданию общей системы регулирования ценными бумагами, банковскими активами, инвестиционным рынком (в том числе учитывая опыт последних скандалов и махинаций в банковском секторе) [Банковский скандал].

Комплексное продвижение реформ включает в себя упразднение девяти региональных отделений Народного банка (перейдут в подчинение ГУФН), отделов управления операциями (головной офис); дополнительно открыты отделения НБК в 31 провинции и пяти городах [Тунчоу туйцзинь]. Как отмечается в сообщениях, проводимая реформа Народного банка укрепляет координацию и сотрудничество с местными органами власти, помогает повысить эффективность кредитно-денежной политики, лучше поддерживать реальную экономику и способствует дальнейшему совершенствованию системы финансового регулирования с китайской спецификой. Реорганизованный центральный банк сосредоточится на функциях денежно-кредитной политики. Это также является неизбежным выбором, основанным на финансовой поддержке развития реальной экономики. Первоначально Комиссия по регулированию банковской деятельности была отделена от НБК; в ходе текущего этапа реформ его надзорные функции переданы Государственному управлению по финансовому надзору. Таким образом, формируется более специализированная система органов финансового управления и надзора.

И Народный банк, и Комиссия по ценным бумагам сохраняют свои международные связи. Финансовые регуляторы Китая активно участвуют в глобальном финансовом управлении и координации экономической макрополитики, в том числе в «Группе двадцати» и БРИКС, плотно участвуют в работе международных финансовых учреждений (к примеру, Базельское соглашение). Китай по международному образцу поэтапно формирует полицентричную систему финансового регулирования, состоящую из: реорганизованного НБК, Комиссии по регулированию ценных бумаг и вновь образованного Государственного управления по финансовому надзору. Очевидно, в будущем КНР станет еще активнее участвовать в глобальном финансовом управлении, в том числе в деле кредитования развивающихся стран [2023 лянхуэй].

По мере увеличения в передовых отраслях доли изобретений, сделанных внутри Китая, вопросы интеллектуальной собственности становятся все более важными. КНР уже не столько важно копировать иностранные технологии (практически все, что нужно, уже давно скопировано и производится на территории страны), сколько защищать и продвигать свои собственные технологии, изобретения и патенты. Для решения данных задач повышается уровень государственного управления по интеллектуальной собственности (ИИ), оно перешло в *прямое подчинение* Госсовету КНР (ранее подчинено Государственному управлению по регулированию рынка). Очевидна значимость вопросов ИИ в текущей политике государства, и изменение статуса Управления тому прямое подтверждение. Налицо необходимость укрепления самостоятельности Китая в науке и технологиях, укрепления финансового надзора за инновациями, защиты прав интеллектуальной собственности.

По мере усиливающегося противостояния с США необходимость усиления научно-технического потенциала становится для КНР все более актуальной задачей. За последние годы *наука и техника* стали двумя областями, в которые требуется внести ряд изменений. Реформа аппарата Госсовета расширяет функции Министерства науки и технологий; оно получает возможность прямого участия в оптимизации новой системы управления всей цепочкой научно-технических инноваций. Это поможет укрепить исследовательский потенциал ключевых технологий и повысить уровень независимых инноваций в Китае. Министерство науки и технологий было реорганизовано, с одной стороны, для оптимизации управленческих функций, а с другой стороны, для оптимизации ключевых моментов научно-технологического развития, усиления *макроуправления* (стратегическое планирование, системная реформа, координация всех наличных ресурсов, законодательная политика, надзор и инспекция). Отмечается, что министерство будет играть более важную роль в построении новой системы мобилизации нации для технологических прорывов, в оптимизации научно-технических инноваций, содействии применению научно-технических достижений и координации науки и технологий с экономическим и социальным развитием. То есть наука должна быть поставлена на службу задачам развития государства и общества, содействию решения текущих проблем в отрасли, на практической основе, в том числе коммерциализации части технологий в гражданской сфере, производстве. Для оперативного курирования научного направления в 2023 г. создан новый партийный орган — *Центральная комиссия по науке и технологиям* (ЦКНТ), что позволит КПК установить прямой контроль над реализацией научно-технологических задач (офис расположен в Министерстве науки и технологий).

Следует отметить также следующий интересный аспект: департамент по привлечению иностранных специалистов будет передан от Министерства науки и технологий *Министерству кадров и социальной защиты*, последнему также придали функции Государственного управления по делам иностранных экспертов. В предшествующую эпоху развития привлечение иностранных специалистов было крайне важной задачей для инновационно-технологического развития КНР. Сейчас по ряду геополитических причин привлечение новых кадров отчасти стало невозможным (стратегических специалистов западные страны в Китай так легко, как ранее, не отпустят), отчасти потеряло свою актуальность (нужные специалисты уже работают на китайскую науку), поэтому в данных условиях вопрос с иностранными специалистами, скорее, перетекает в социально-кадровую плоскость.

Для комплексного решения задач следующего этапа развития, более активного использования цифровых инструментов, совместного использования, разработки и применения цифровых ресурсов и данных создан новый регулятор управления данными — *Государственное бюро данных* (ГБД). Бюро будет управлять Госкомитет по развитию и реформам (ГКРР, он же «малый Госсовет», в задачи которого входят вопросы стратегического планирования, а не только госуправления). Бюро будет отвечать за развитие «фундаментальных институтов», связанных с данными, а также за построение цифрового Китая, цифровой экономики и цифрового общества. Значимость цифровых технологий для каждой общественной сферы, развития промышленности и торговли, а также их независимость от влияния западных стран (США в первую очередь) формирует ключевую задачу по обеспечению цифрового суверенитета³.

Согласно плану, представленному Госсоветом ВСНП, Государственное бюро данных берет на себя задачи по формуле «5+4», то есть: принимает задачи от Канцелярии Центрального комитета по кибербезопасности и информатизации («*чжунван синьбань*»)⁴. От ГКРР принимает следующие четыре направления деятельности: координация развития цифровой экономики, организация и реализация национальной стратегии «больших данных», содействие созданию системы элементов данных, содействие созданию «макета цифровой инфраструктуры». Очевидно, что в совре-

³ Это актуально не только для Китая, но и для России, для всех стран ШОС, БРИКС, а также всех государств, не желающих попасть под технологический диктат США.

⁴ Изучение и разработка программы строительства цифрового Китая, координация содействия информатизации государственных услуг и социального управления, координация содействия строительству умных городов, координация развития, использования и обмена важными национальными информационными ресурсами и содействие межсекторальной взаимосвязанности информационных ресурсов.

менном обществе цифровые ресурсы и цифровая экономика играют фундаментальную роль в социально-экономическом развитии, в то же время обеспечивая конкурентные преимущества любой развитой державы. Региональные органы управления данными были созданы в ряде регионов, таких как провинции Гуандун, Фуцзянь, Чжэцзян и Гуйчжоу.

Еще один орган, чья роль в системе органов Госсовета была повышена до органа прямого подчинения, — это *Государственное бюро писем и визитов*. Как отмечено в официальных сообщениях, «в целях реализации массовой линии партии в новую эпоху, укрепления и совершенствования работы по письмам и визитам людей и лучшей защиты фундаментальных интересов народа» [Гоцзя синьфанцзюй].

Одна из давних проблем в истории государственного реформирования КНР — взаимоотношения между центром и регионами. Фактически проблема восходит еще к концу 1950-х годов [Ершов, С. 328—340], политике «большого скачка», курсу «трех красных знамен», ее усугубление произошло при разрушении системы органов государственного управления в период «культурной революции». Определенные диспропорции также возникли в ходе региональных экономических экспериментов и опытов 1980-х — 1990-х годов. Разумеется, текущая реформа не могли миновать и этой до конца не решенной проблемы. Отмечено, что «реформа поможет отрегулировать отношения между центральным правительством и местным самоуправлением и найти способ реализации обеих инициатив, исходящих от них». Впрочем, такого рода комментарии можно заметить в ходе начала каждого пятилетнего цикла реформ госуправления. Думается, и в этот раз все противоречия не удастся разрешить, поскольку их корни лежат не столько в области государственного управления, сколько в существующей социально-экономической модели. Уже понятно, что в 2020-х годах она будет кардинально пересмотрена, процесс уже начался, и мы имеем возможность наблюдать его развитие. Будущее взаимоотношений между центром и регионами (что в области управления, что в области финансов) будет зависеть от последующих принимаемых экономических решений, а те в свою очередь — от глобальной финансовой и геополитической конъюнктуры. Иными словами, дадут ли регионам больше экономической свободы или же, наоборот, ограничат инициативу, — вопрос пока открытый и решен до конца он едва ли когда-либо будет; скорее, можно будет говорить лишь о достижении некоего компромисса между местными властями и центральным правительством на конкретном историческом отрезке времени.

Социально-экономическое развитие и решение насущных социальных проблем («*топнь гуицзяньчжань*») занимает важное место во внутренней политике КНР, особенно после прихода к власти Си Цзиньпина [Ершов, С. 207.]. В феврале 2021 г. было создано Государственное управ-

ление по возрождению сельских районов; по прошествии двух лет, в ходе мартовских реформ госуправления, Управление было реорганизовано и включено в состав Министерства сельского хозяйства с формулировкой «дополнительной координации и выполнения задачи “трех сельских районов”». Ключевая его задача в составе министерства будет прежней: общий мониторинг ситуации в сельских районах, оказание помощи в предотвращении «возврата к бедности», содействие развитию сельских общественных услуг и социальных инициатив.

Кроме того, требуется адаптация работы соответствующих органов к демографической ситуации в стране (старение населения, снижение рождаемости) и совершенствование работы с пожилыми людьми в разных сферах общественной жизни. Отмечается, что передача соответствующих функций Министерству гражданской администрации поможет решить проблему ухода за пожилыми людьми. С учетом высокой безработицы среди молодежи Китая — порядка 20 % [Чжунго] — направление молодежи на работу в социальную сферу позволит несколько снизить напряженность в данном вопросе, и этой возможностью без сомнения будут пользоваться. С другой стороны, самый высокий процент безработицы молодежи в сегменте 16—24 года, и здесь есть значительные трудности в трудоустройстве, связанные с низкими коммуникативными навыками этой страты (которые весьма необходимы для социального взаимодействия). Кроме того, трудоустройство молодых людей в социальную сферу также вызовет дополнительное давление на бюджет, что должно компенсироваться увеличением его доходов как за счет роста экспорта и внутреннего потребления, так и за счет увеличения производительности труда. В любом случае, клубок сложившихся социально-экономических проблем будет сложно решить «одним взмахом меча»; скорее, здесь потребуются скоординированная, последовательная политика на несколько десятилетий вперед (ведь существующие проблемы тоже копились не одно десятилетие).

В ходе очередного этапа реформирования системы управления КНР в первую очередь был сделан упор на реорганизацию финансовой сферы, ужесточение партийного и государственного контроля за финансовым и банковским секторами, создание и оптимизацию управленческих и контрольных структур партии и правительства. Важными аспектами стали: научно-техническая сфера, совершенствование базовой системы государственных услуг, дальнейшее продвижение информационных технологий, работа с большими данными и ИИ, вопросы народного благосостояния, взаимоотношения центра и регионов. Реформирование Госсовета должно будет завершиться к концу 2023 г., к тому времени будут созданы и начнут реально функционировать вновь образованные органы, произойдет перестройка внутренних связей между ведомствами правительства.

Библиографический список

Банковский скандал в Китае: как вкладчики лишились миллионов юаней, почему местные чиновники пытались подавить протесты и при чем здесь covid-19. URL: <https://www.mn.ru/smart/bankovskij-skandal-v-Kitae-kak-moshenniki-lishili-vkladchikov-millionov-yuanej-pochemu-mestnye-chinovniki-pytalis-podavili-protesty-i-pri-chem-zdes-borba-s-covid-19> (дата обращения: 24.07.2023). (на рус. яз.).

Бутрин, Д. Два с половиной пика: чем займется Национальная администрация финансового регулирования при Госсовете КНР. URL: <https://www.kommer.sant.ru/doc/5999190> (дата обращения: 24.07.2023). (На рус. яз.).

ВВП Китая по годам: 1980—2023. URL: <http://global-finances.ru/vvp-kitaya-po-godam/> (дата обращения: 24.07.2023). (На рус. яз.).

Ершов А.В. Влияние идеологии и экономических задач на практику государственного строительства КНР. URL: <https://www.orientalistica.su/jour/article/view/705> (дата обращения: 24.07.2023). (На рус. яз.).

Ершов А.В. История органов государственного управления КНР // Исторические события в жизни Китая и современность: Сборник статей. К 100-летию Коммунистической партии Китая. Выпуск VI. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2021. С. 183—212.

Ершов А.В. Трансформация системы органов государственного управления КНР в период 1958—1965 гг. С. 328—340 // «Исторические события в жизни Китая и современность»: Сборник статей. Выпуск V. М., 2019.

Мао Шоулун. Реформа аппарата Государственного совета КНР повысит эффективность работы правительства. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/03/09/c95181-10219543.html> (дата обращения: 24.07.2023). (на рус. яз.).

Управление китайским рынком частных инвестиций объемом 1,6 триллиона долларов URL: <https://prc.today/upravlenie-kitajskim-rynkom-chastnyh-investiczij-obemom-16-trilliona-dollarov/> (дата обращения: 24.07.2023). (На рус. яз.).

Frank Tang. China anti-corruption probe targets top banks, SOEs as Beijing races to defuse financial risks (Антикоррупционное расследование в Китае нацелено на ведущие банки и госпредприятия, поскольку Пекин стремится снизить финансовые риски). URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3215136/china-anti-corruption-probe-targets-top-banks-soes-beijing-races-defuse-financial-risks?module=inline&pgtype=article> (дата обращения: 24.07.2023). (На англ. яз.).

Frank Tang. China's financial overhaul brings more power to the party, with US\$58 trillion in assets at stake (Финансовая перестройка Китая дает партии больше власти, на карту поставлены активы в размере 58 триллионов долларов США.) URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3213938/chinas-financial-overhaul-brings-more-power-party-us58-trillion-assets-stake?module=inline&pgtype=article> (дата обращения: 24.07.2023). (На англ. яз.).

2023 лянхуэй цзеду: цысы цзигоу гайгэ вэйхэбэйшоу гуаньчжу (две сессии 2023 года: почему эта институциональная реформа привлекла большое внима-

ние?). URL: <http://mysoe.tju.edu.cn/info/1379/3613.htm> (дата обращения: 24.07.2023). (на кит. яз.).

Вэй цюаньмянь цзяньшэ шэхуэйчжуй сяньдайхуа гоця тигун юли баочжан — сецзай Гоуюань цзигоу гайгэ фаньянь тунгочжици (Обеспечить надежную гарантию всестороннего строительства современного социалистического государства — комментарии в связи с принятием программы институциональной реформы Государственного совета) / отв. ред. Ван Мэнмэн. URL: http://m.news.cn/2023-03/11/c_1129427207.htm (дата обращения: 24.07.2023). (На кит. яз.).

Гоуюань гуаньюй цзигоу шэчжи дэ тунчжи (Уведомление Госсовета об организационной структуре). URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2023-03/20/content_5747309.htm (дата обращения: 24.07.2023). (На кит. яз.).

Гоця синьфанцзюй тяочжэнвэй Гоуюань чжишу цзигоу (Государственное бюро писем и визитов преобразовано в орган прямого подчинения Госсовета) / Отв. ред. Чжао Вэньхань. URL: http://www.news.cn/2023-03/07/c_1129419168.htm (дата обращения: 24.07.2023). (На кит. яз.).

Тунчоу туйцзинь Чжунго жэньминь иньхан фэньчжи цзигоу гайгэ (Координация реформы филиалов Народного банка Китая) / отв. Ред. У Юнлин. URL: http://www.news.cn/politics/2023-03/07/c_1129419124.htm (дата обращения: 24.07.2023). (на кит. яз.).

Цзиньжун цзяньгуань тиси гайгэ шифанла насе чжэнцэ синхао? (Какие политические сигналы дала реформа системы финансового регулирования?) URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/612822585> (дата обращения: 24.07.2023). (На кит. яз.).

Чжу Цюньюй. Шанбаньянь минцзянь тоуцзы тунбисяцзян 0,2%, жухэ тичжэнь синьсинь? (В первом полугодии частные инвестиции снизились на 0,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, как укрепить уверенность?) URL: <https://www.yinsfinance.com/article/469959.shtml> (дата обращения: 31.07.2023). (На кит. яз.).

Чжунго гоця тунцицзюй хуэйин циньяньжэнь шиелюй шаншэн: цзян чжэндуйсин банфу (Государственное статистическое управление Китая отреагировало на рост безработицы среди молодежи: помощь будет адресной) URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/jyysr/jysrsbxf/202305/t20230530_1356762.html (дата обращения: 24.07.2023). (На кит. яз.).

References

Banking scandal in China: how depositors lost millions of yuan, why local officials tried to suppress protests and what does COVID-19 have to do with it. URL: <https://www.mn.ru/smart/bankovskij-skandal-v-kitae-kak-moshenniki-lishili-vkladchikov-millionov-yuanej-pochemu-mestnye-chinovniki-pytalis-podavili-protesty-i-pri-chem-zdes-borba-s-covid-19> (date of access: 07/24/2023). (In Russian).

Butrin, D. Two and a Half Peaks: What the National Financial Regulatory Administration under the State Council of China will do. URL: <https://www.kommer.sant.ru/doc/5999190> (date of access: 07/24/2023). (In Russian).

Ershov A.V. The Influence of Ideology and Economic Tasks on the Practice of PRC State Building. URL: <https://www.orientalistica.su/jour/article/view/705> (date of access: 07/24/2023). (In Russian).

Ershov A.V. PRC government bodies history // *Historical events in the life of China and the present*: Collection of articles. To the 100th Anniversary of the Communist Party of China. Issue VI. M: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 183—212. (In Russian).

Ershov A.V. PRC system of public administration transformation in the period 1958—1965. P. 328—340 // *Historical events in the life of China and the present*: Collection of articles. Issue V. M., 2019. (In Russian).

Mao Shoulun. People's Republic of China State Council apparatus reform will improve the efficiency of the government. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0309/c95181-10219543.html> (date of access: 07/24/2023). (In Russian).

Managing China's \$1.6 Trillion Private Investment Market URL: <https://prc.today/upravlenie-kitajskim-ryнком-chastnyh-investiczij-obemom-16-trilliona-dollarov/> (accessed: 07/24/2023). (In Russian).

Frank Tang. China anti-corruption probe targets top banks, SOEs as Beijing races to defuse financial risks URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3215136/china-anti-corruption-probe-targets-top-banks-soes-beijing-races-defuse-financial-risks?module=inline&pgtype=article> (accessed 24.07.2023). (In English. lang.).

Frank Tang. China's financial overhaul brings more power to the party, with US\$58 trillion in assets at stake URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3213938/chinas-financial-overhaul-brings-more-power-party-us58-trillion-assets-stake?module=inline&pgtype=article> (accessed 24/07/2023). (In English. lang.).

2023 lianghui jiedu: cici jigou gaige weihe beishou guanzhu (Two sessions in 2023: Why has this institutional reform received so much attention?). URL: <http://my.soe.tju.edu.cn/info/1379/3613.htm> (accessed 24.07.2023). (In Chinese).

Guowuyuan guanyu jigou shezhi de tongzhi (Notice of the State Council on the organizational structure). URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2023-03/20/content_5747309.htm (accessed 24.07.2023). (In Chinese).

Guojia xinfangju tiaozheng wei Guowuyuan zhishu jigou (The State Bureau of Letters and Visits was transformed into a body of direct subordination to the State Council) / Editor-in-chief *Zhao Wenhan*. URL: http://www.news.cn/2023-03/07/c_1129419168.htm (Accessed: 07/24/2023). (In Chinese).

Jinrong jianguan tizhi gaige sifang le naxie zhengce xinhao? (What political signals did the reform of the financial regulatory system give?) URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/612822585> (Accessed: 07/24/2023). (In Chinese).

Tongchou tuijin Zhongguo renmin yinhang fenzhi jigou gaige (Coordination of the reform of branches of the People's Bank of China) / Editor-in-chief *Wu Yongling*.

URL: http://www.news.cn/politics/2023-03/07/c_1129419124.htm (accessed: 07/24/2023). (In Chinese).

Wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia tigong youli baozhang — xiezai Guowuyuan jigou gaige fang'an tongguozhiji (To provide a reliable guarantee for the comprehensive construction of a modern socialist state — comments in connection with the adoption of the institutional reform program of the State Council) / Ed. ed. Wang Meng. URL: http://m.news.cn/2023-03/11/c_1129427207.htm (accessed: 07/24/2023). (In Chinese).

Zhu Qiongyu. Shangbannian mingjian touzi tongbixiajiang 0.2 %, ruhe tizhen xinxin? (In the first half of the year, private investment decreased by 0.2 % compared to the same period last year, how to build confidence?) URL: <https://www.yinsfinance.com/article/469959.shtml> (Accessed: 07/31/2023). (In Chinese).

Zhongguo guojia tongjiju huiying qingnianren shiyelv shangsheng: jiang zheng-duixing bangfu (State Bureau of Statistics of China responded to rising youth unemployment: help will be targeted) URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/jyysr/jysrsbxf/202305/t20230530_1356762.html (date of access: 07/24/2023). (In Chinese).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ И В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ КИТАЯ

DOI: 10.48647/ISSA.2023.45.13.005

А.Л. Верченко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЖОУ ЭНЬЛАЯ В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ В СССР В 1939—1940 гг.: ЦЕЛИ, СОДЕРЖАНИЕ, ОЦЕНКИ

Аннотация. В 1939—1940 гг. Чжоу Эньлай совмещал лечение в СССР по поводу перелома руки с работой в Коминтерне в качестве члена его Исполкома и представителя китайской компартии. Он приехал в СССР в сложнейший для Китая и КПК период. Часть членов правительства и правящего Гоминьдана проявляли тенденцию к капитуляции перед Японией и к посредничеству западных держав. Чжоу Эньлай видел свою задачу в том, чтобы прояснить позицию Коминтерна относительно Компартии Китая, а также убедиться, что, как отмечал Мао Цзэдун, СССР не одобряет капитуляцию и будет продолжать предоставлять поддержку Китаю. С другой стороны, он намеревался донести до Коминтерна линию КПК, состоящую в поддержке единого антияпонского национального фронта, объединения нации в войне сопротивления японской агрессии до победы, а также проинформировать об изменениях ситуации на фронтах, в отношениях между КПК и Гоминьданом, в состоянии единого фронта. За время пребывания в Москве Чжоу Эньлай подготовил для Исполкома Коминтерна доклад «О положении в Китае», опубликовал в журнале «Коммунистический Интернационал» статью «Против опасности раскола и капитуляции в Китае», принял участие в работе кадровых комиссий Коминтерна, решал финансовые вопросы КПК.

Ключевые слова: КПК, ВКП(б), СССР, Коминтерн, Чжоу Эньлай

Автор: Алла Леонидовна Верченко, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: veailan@yahoo.com

Alla L. Verchenko

ZHOU ENLAI'S ACTIVITIES DURING HIS STAY IN THE USSR IN 1939—1940: OBJECTIVES, CONTENT, EVALUATIONS

Abstract. In 1939—1940, Zhou Enlai combined treatment in the USSR for a broken arm with the work at the Comintern as a member of the Executive Committee of the Comintern and a representative of the Chinese Communist Party. He came to the USSR during the most difficult period for China and the CCP. Some members of the government and ruling Kuomintang tended to capitulate to Japan and seek Western mediation. He saw his task as to clarify the position of the Comintern towards the CCP, according to Chinese authors, was seeking «the understanding and support of the CCP by the Comintern and the Soviet Communist Party in the Resistance War». On the other hand, he intended to convey to the Comintern the CCP's position of maintaining a united anti-Japanese national front, uniting the nation in the war of resistance to Japanese aggression until victory; and to inform of changes in the situation on the fronts, inter-party (CCP and Guomintang) relations and united front. During his stay in Moscow Zhou Enlai prepared a report «About the Situation in China» for the Executive Committee of the Comintern, published an article «Against the Danger of Splitting and Capitulation in China» in «Communist International», solved some financial matters of CPC etc.

Keywords: VKP(b), CCP, USSR, Komintern, Zhou Enlai.

Author: Alla L. Verchenko, Senior Researcher of the Center for Modern History of China and China-Russia Relations, Institute of China and Contemporary Asia RAS. E-mail: veailan@yahoo.com

В сентябре 1939 г. Чжоу Эньлай в сопровождении супруги Дэн Инчао, врача, охранника Ли Шиин и сотрудницы секретариата ЦК КПК Сунь Вэйши¹ приехал в СССР. Это был его третий визит, и он провел в Москве пять месяцев. В июле 1939 г. в Яньани Чжоу Эньлай упал с лошади и получил сложный перелом локтя правой руки. Секретариат ЦК КПК 1 августа 1939 г. обратился лично к И.В. Сталину и Г. Димитрову с просьбой прислать хирурга и необходимое оборудование или принять его на лечение в Москве [ВКП(б), с. 286]. Было принято решение лечить Чжоу Эньлая в Москве.

Чжоу Эньлая сразу по прилету определили в Кремлевскую больницу. Операция прошла успешно, но, по мнению консилиума, восстановить полностью функции руки было невозможно, хотя сгибание локтя было

¹ Сунь Вэйши — приемная дочь Чжоу Эньлая и Дэн Инчао.

достигнуто большим, чем предполагалось. Выписавшись из больницы, Чжоу Эньлай сразу приступил к работе. Он говорил, что работа важнее лечения, и его деятельность в Коминтерне это наглядно продемонстрировала. Перед отъездом в Китай он снова был госпитализирован для обследования, и только после этого врачи дали разрешение на его отъезд. Чжоу Эньлай вернулся в Яньань 25 марта 1940 г.

Чжоу Эньлай приехал в СССР в самый сложный для Китая период, в сентябре 1939 г. Шел третий год войны сопротивления Японии. Часть членов правительства и правящего Гоминьдана была деморализована, обсуждалась возможность ведения переговоров с Японией, рассматривался вариант посредничества западных держав на пути достижения мира². Япония перешла от активных боевых действий к затяжной войне, в то же время использовала политические манипуляции и искала поддержки у предателей в Китае. В декабре 1938 г. бежал из временной столицы Китая Чунцина и открыто перешел на сторону японцев Ван Цзинвэй, в то время заместитель председателя Гоминьдана. Предательство Ван Цзинвэя еще больше обострило положение в стране и партии, привело к появлению капитулянтских настроений и опасности разрыва единого фронта КПК и Гоминьдана. В Коминтерне также видели серьезность положения в Китае: «Обстановка в Китае, внешняя и внутренняя, крайне обострилась. Усилились “мирные” происки японцев, росли капитулянтские тенденции, и нарастала угроза срыва сотрудничества КП Китая с Гоминьданом» [ВКП(б), с. 289—290].

Как член Исполкома Коминтерна (с 1935 г.) Чжоу Эньлай, как только позволило состояние здоровья, приступил к работе в организации. Будучи партийным работником высокого ранга, он был прекрасно осведомлен о положении в стране, на фронтах, о содержании переговорного процесса КПК с Гоминьданом, в котором он непосредственно участвовал. Чжоу Эньлай видел свою задачу в прояснении позиции Коминтерна в отношении поддержки КПК; по мнению китайских авторов, искал «понимания и поддержки КПК со стороны Коммунистического Интернационала и ВКП(б) в войне сопротивления» [Лю Сяохуа, с. 38]. С другой стороны, он стремился донести до руководства Коминтерна самую свежую и достоверную информацию о Китае, о положении на фронтах, о межпартийных отношениях и состоянии единого фронта. Чжоу Эньлай разъяснял политику КПК, которая состояла в поддержке единого фронта и объединении нации в борьбе с японским агрессором. КПК решительно опровергала сомнения правящих кругов в целесообразности продолжения войны, на переговорах с Гоминьданом доказывала необходимость оказания сопро-

² В этот период и позже Чжоу Эньлай подчеркивал, что нация должна самостоятельно решать все вопросы, связанные с антияпонской войной, и отбросить все иллюзии относительно американского посредничества.

тивления агрессору, разоблачала антикоммунистические и антинародные действия Чан Кайши на страницах газеты «Синьхуа жибао» (新华日报) — легального органа ЦК КПК, журнала «Цюнчжун» (群众) — легального органа Чанцзянского бюро ЦК КПК, в Национальном политическом совете (НПС) — консультативном органе власти Китайской Республики [Цзян Юньлун]. Чжоу Эньлай был уверен, что все эти шаги необходимы для мобилизации нации на антияпонскую войну, и коммунисты должны показывать пример в борьбе против Японии, выступать за проведение демократических реформ в государственной и общественной жизни. По мнению Чжоу Эньлая, нация должна самостоятельно решать все вопросы, связанные с антияпонской войной, и отбросить все иллюзии относительно американского посредничества [Чжоу эньлай чжэн, с. 261]. Позицию ЦК КПК в отношениях с Гоминьданом Чжоу Эньлай отразил в ряде подготовленных в Москве для Коминтерна документов и выступлениях в ноябре—декабре 1939 г. Он исходил из генеральной линии КПК, сформулированной в соответствии с резолюциями VI съезда партии, постановлений пленумов ЦК КПК, решений VI и VII конгрессов Коминтерна. 29 декабря был закончен обширный доклад о положении в Китае, который 17—19 января следующего года Чжоу Эньлай и Дэн Инчао от имени делегации КПК представили на заседании президиума Исполкома Коминтерна [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 60—132]. Доклад давал всестороннюю картину положения в Китае и КПК и состоял из четырех частей: «Новый этап китайско-японской войны»; «Антияпонский национальный единый фронт и сотрудничество КПК с Гоминьданом»; «Работа партии и работа 8-й и 4-й армий»; «VII съезд компартии Китая и подготовительная работа». Ранее, 8 января 1940 г., он представил Меморандум по китайскому вопросу [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 1—59]. Дэн Инчао также подготовила доклад «Состояние Национально-политического совета», членом которого она была. Выступая перед Президиумом Исполкома Коминтерна, Чжоу Эньлай отмечал, что в отношении Чан Кайши и гоминьдановского правительства КПК придерживалась трех принципов: поддержка Чан Кайши в руководстве антияпонской войной; признание руководящего положения Гоминьдана во власти и его армии во всей стране; признание программы антияпонской войны в «строительстве государства» Сунь Ятсена как политической линии в мероприятиях национального правительства [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 73]. После падения Гуанчжоу и Ханькоу Чжоу Эньлай видел самую большую опасность в угрозе роста капитулянтских тенденций и опасности разрыва сотрудничества КПК и Гоминьдана в едином фронте. Он отмечал узкие моменты единого фронта, который не имел официального оформления, определенной общей программы и общей организации входящих в него партий. Как подчеркивал Чжоу Эньлай, с юридической стороны по-

лучалось, что единый фронт не существовал, хотя фактически имел широкий масштаб и богатое содержание. Ответственные работники КПК и Гомиьндана могли общаться, но при этом последний арестовывал коммунистов, периодически наносил удары по коммунистическим войскам. Чжоу Эньлай адекватно оценивал личность Чан Кайши: «Выступал за союз с СССР, но против коммунистов; за союз с КПК, но за то, чтобы переработать КПК; ему нужны массы, но для того, чтобы над ними господствовать. Гомиьндан считает, что единство и сплоченность нации — это есть подчинение единому руководству Гомиьндана, и не хочет признавать, что сотрудничество есть развитие единого фронта» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 69]. По мнению Чжоу Эньлая, Китай переживал «великий исторический период развития всенационального антияпонского единого фронта, созданного по инициативе КПК», в то же время период еще большего сплочения и развития КПК [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309. Л. 130]. Доклад был одобрен Президиумом Исполкома Коминтерна в соответствующей резолюции.

Чжоу Эньлай составил для Коминтерна краткие политические характеристики окружения Чан Кайши. Важно, что он выделил сторонников продолжения антияпонской войны: Сунь Кэ (孙科), Фэн Юйсяна (冯玉祥), Юй Южэня (于右人), Шао Лицзы (邵力子); шишаньцев Чжан Цзи (张继) и Линь Сэня (林森). Чжоу Эньлай участвовал в обсуждении дел Ли Дэ³ и Чэнь Юя⁴ на кадровых комиссиях Коминтерна.

В период пребывания в Москве Чжоу Эньлай вместе с Жэнь Биши занимался вопросами подготовки к созыву VII съезда КПК. Их работа в целом была одобрена ЦК КПК [1939 нянь]. На съезде предполагалось выступление Чжоу Эньлая по вопросу о едином фронте. Однако обстановка в стране и отсутствие средств не позволили созвать съезд в намеченные сроки. Он состоялся в Яньани лишь в 1945 г.

Кроме всего, Чжоу Эньлаю было поручено решить в Коминтерне вопросы финансирования КПК и его армий, а также проведения очередного съезда КПК. Гомиьндан постоянно нарушал договоренность с СССР, на основании которой он должен был выделять часть предоставленной Советским Союзом помощи на содержание коммунистических армий. Коминтерн выделил средства, и Чжоу Эньлай доставил их в Китай. Размер этой помощи неизвестен [Чэнь Кайкэ, с. 162].

Большое значение имела опубликованная в 1940 г. в журнале «Коммунистический Интернационал», органе Исполнительного комитета Ко-

³ Ли Дэ — Отто Браун (1900—1974) — немецкий революционер-коммунист, военный советник при ЦК КПК (1932—1939).

⁴ Чэнь Юй — видный партийный и государственный деятель КНР, впоследствии министр топливной, угольной промышленности КНР, губернатор, секретарь комитета КПК пров. Гуандун (1957).

минтерна, статья Чжоу Эньлай «Против опасности раскола и капитуляции в Китае». В ней автор проводил идеи Мао Цзэдуна, закрепленные в решении ЦК КПК в октябре 1939 г.: «В современной обстановке опасность капитуляции, раскола и движения вспять в едином антияпонском фронте по-прежнему остается главной опасностью». Партия видела задачу в сплочении нации, в мобилизации масс на ведение войны, в отстаивании сплочения, недопущении раскола, чтобы подготовить силы для контрнаступления [Мао Цзэ-дун, с. 375]. Чжоу Эньлай был уверен, что одержать победу в антияпонской войне можно только, объединив нацию, подняв сотни миллионов патриотов на сопротивление врагу.

Чжоу Эньлай указывал на капитулянтство и антикоммунизм как на главную опасность. Одна из задач публикации его статьи состояла в том, чтобы разъяснить в СССР особенность момента, его переломный характер и главное — подтвердить готовность КПК возглавить нацию на борьбу против японской агрессии и решимость и способность ее вооруженных сил, в первую очередь 8-й и Новой 4-й армий, вести войну до победного конца.

Он подчеркивал, что борьба народа Китая против японских захватчиков под руководством КПК набирала силу, антияпонское сопротивление приобретало общенародный характер, в нем все ярче проявлялась растущая организующая роль китайской компартии. Расширение районов антияпонского сопротивления создавало все более серьезную угрозу для японской армии и на фронте, и в тылу. Япония прибегла к изменению стратегии своих действий. Чжоу Эньлай отмечал, что она ослабила давление на гоминьдановскую армию и перенесла центр тяжести атак на коммунистические Новую 4-ю, 8-ю армии и пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся (陕甘宁边区). После 5-го пленума ЦИК Гоминьдана 5-го созыва (январь 1939 г.) Гоминьдан переключился с антияпонской политики на антикоммунистическую и принял ряд документов, ограничивавших деятельность КПК, хотя всего годом раньше соглашался на совместное участие в едином национальном антияпонском фронте и допускал легальную деятельность КПК. Его стратегия теперь состояла в ослаблении или даже ликвидации Коммунистической партии военным путем, в стремлении отбросить коммунистические войска к северу от Хуанхэ, в организации «карательных походов» против них. Война принимала затяжной характер. Чжоу Эньлай писал: «Затяжной характер войны влияет на Японию и на Китай» и «Кто дольше продержится, тот завоюет победу», — однако он был убежден в победе народа под руководством КПК.

Стала очевидна конкретная цель, к достижению которой стремились японские правящие круги и прояпонски настроенные силы в Китае. Мао Цзэдун на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва (1938) отмечал: «Мы и раньше говорили, что люди, страдающие японобоязнью

(恐日病), пытаются поколебать решимость правительства вести войну сопротивления и выступают за так называемый мирный компромисс» [Мао Цзэдун, с. 592]. Эти люди пытались расколоть единство нации и склонить Китай к капитуляции, чего КПК не могла допустить и должна была постепенно прийти к пересмотру отношений с Гоминьданом.

Перед отъездом на родину, 23 января 1940 г. он обратился к Сталину с просьбой «уделить хотя бы очень немного времени для свидания» с ним, выражая уверенность, что сам факт встречи с «уважаемым великим вождём» даст положительный импульс «китайской компартии, китайской освободительной борьбе и единому фронту» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2. Л. 213]. Встреча не состоялась. 25 марта Чжоу Эньлай вернулся в Яньань, завершив свою миссию в СССР.

Чжоу Эньлай начал играть видную роль в советско-китайских отношениях в 1920-е годы. Три его визита в нашу страну, совершенные до образования КНР, проходили в крайне сложной международной политической обстановке. Официальных контактов с КПК Советский Союз и ВКП(б) не могли иметь, и они совершались нелегально, а Чжоу Эньлай вынужден был фигурировать под псевдонимом. Кроме того, все командировки Чжоу Эньлая в СССР состоялись в сложные для КПК периоды, когда партия должна была принимать важные решения, связанные с ее политическим курсом, и Чжоу Эньлай принимал участие в согласовании позиций Коминтерна и КПК. Даже находясь на лечении в 1939 г., Чжоу Эньлай напряженно работал, тесно взаимодействовал с руководством Коминтерна, подготовил важные документы. С одной стороны, он информировал Коминтерн о самых последних изменениях в обстановке в Китае, с другой — услышал позицию этой организации, которая заключалась в поддержке антияпонской войны и КПК. Таким образом, Чжоу Эньлай убедился, что в тот момент позиция Коминтерна и КПК совпадали.

В заключение стоит привести некоторые оценки деятельности Чжоу Эньлая в исследуемый период. С.Л. Тихвинский, будучи сотрудником Посольства СССР в Китае (в Чунцине), имел возможность наблюдать за работой Чжоу Эньлая, отмечал его умение быстро схватывать существо того или иного обсуждавшегося вопроса; характеризовал его как славного сына китайского народа, «большого и искреннего друга нашей страны» [Тихвинский, с. 461]. Как отмечали в Коминтерне, Чжоу Эньлай был очень осторожный и точный в работе, вне зависимости от обстановки подходил к проблемам глубоко и всесторонне, самоотверженно работал, был предан партии, активно работал в период блока КПК с Гоминьданом [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2. Л. 239]. А. Волохова относит его к «выдающимся руководителям китайской революции» [Волохова. С. 117].

Высоко оценивали аналитические способности Чжоу Эньлая и гоминьдановские переговорщики. В самый сложный период истории, когда

единый антияпонский фронт находился под угрозой развала, Чжан Чун (张冲) в ноябре 1939 г. писал Чжоу Эньлаю в Москву: «Вы старались и стараетесь для нашей страны, и Ваш талант известен всему миру» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп.74. Д. 313. Л. 2]. Чжан Чун занимал должность начальника отдела Военного комитета гоминьдановского правительства, отвечавшего за работу с иностранными военными советниками, абсолютное большинство которых составляли советские военные⁵. Поэтому он находился в контакте и с советским послом А.С. Панюшкиным, и с Чжоу Эньлаем, который занимал должность заместителя начальника отдела, был представителем 8-й армии. Чжан Чун мог судить о работе Чжоу Эньлая не только как военного, но и как партийного деятеля, с которым встречался на межпартийных переговорах о едином фронте, где Чжан Чун представлял Гоминьдан, а Чжоу Эньлай — КПК в качестве главы представительства партии (он возглавлял организованное в Чунцине Южно-Китайское бюро ЦК КПК).

Китайские авторы отмечают глубокое понимание и всесторонний анализ положения в Китае в период антияпонской войны, данный Чжоу Эньлаем и основанный на знании политической и военной ситуации внутри страны, а также международных условий и отношений между имевшими отношение к конфликту государствами [Ху Вэй]; подчеркивают его целеустремленность, волю, высокие моральные качества. Научный сотрудник Института истории и документальных материалов КПК ЦК КПК Ли Пин (力平) в изданной в 2006 г. монографии «Чжоу Эньлай в молодости» отмечает, что он был одним из самых активных участников революционного движения, целью которого были коренные изменения в Китае.

Племянник Чжоу Эрлю вспоминал о разумно взвешенном подходе Чжоу Эньлая к работе и выделял в его мышлении такую особенность, как взятый из древнекитайской философии постулат «Стремление к общему при сохранении различий», который, по его мнению, «крайне богато и разнообразно осуществлялся Чжоу Эньлаем на практике» [Чжоу Эрлю, с. 118]. Исходя из этого принципа, Чжоу Эньлай строил позицию компартии на переговорах с Гоминьданом не только в период антияпонской войны, но и в другие периоды времени. После Освобождения благодаря его усилиям на сторону новой власти перешли многие видные гоминьдановцы, приложившие усилия для строительства нового Китая.

В оценках современных китайских исследователей признается важная роль Чжоу Эньлая в истории КПК: он всегда находился у руля партийного корабля, преодолел авантюризм и догматизм, обеспечил коорди-

⁵ Чжан Чун (张冲). URL: [https://zh.m.wikipedia.org/zh-hans/%E5%BC%B5%E6%B2%96_\(1904%E5%B9%B4\)](https://zh.m.wikipedia.org/zh-hans/%E5%BC%B5%E6%B2%96_(1904%E5%B9%B4)) (обращение: 24.01.2023) (На кит. яз.).

нацию действий КПК и Коминтерна, на практике руководил китайской революцией, помог партийному кораблю избежать опасных мелей [Не Хунцинь]; несмотря на наличие серьезных разногласий, внес «огромный и выдающийся» вклад в обеспечение участия в войне против японских захватчиков как Гоминьдана, так и КПК и в то, что компартия в чрезвычайно сложных условиях смогла продолжить сопротивление врагу [Лю Сюоуа].

Другой племянник Чжоу Эньлая Чжоу Эрцзюнь называет дядю «суперзвездой современности и бессмертным знаменем китайских коммунистов» [Чжоу Эрцзюнь, с. 6].

Исследование деятельности Чжоу Эньлая в короткий промежуток времени, на рубеже 1939—1940 гг., лишний раз дает основание для вывода о том, что историю делают люди. Такие люди, как Чжоу Эньлай — один из самых ярких и влиятельных деятелей Китая, искренний патриот своей родины, внесший значимый вклад в политику КПК и развитие революционного процесса в Китае 1920-х — 1940-х гг., завершившегося в 1949 г. победой демократической революции под руководством Компартии Китая.

Библиографический список

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Гос. Изд. 1930. 503с. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т.V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 752 с.

Волохова А. Чжоу Эньлай и дипломатия Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 1988(4):117—127.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. В 4 т. Т. 2. 609 с.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1309.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 313.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 139. Ч. 2.

Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898—1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Восточная литература РАН, 1996. 575 с.

Чжоу Биндэ. Мой дядя Чжоу Эньлай. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2008. 366 с.

Чжоу Эрлю. Чжоу Эньлай — мой седьмой папа. М.: Изд. Шанс, 2021. 479 с.

Чэнь Кайкэ. Финансовая и военная помощь Советского Союза КПК в период антияпонской войны // *Исторические события в жизни Китая и современность*. М.: ИДВ РАН, 2021. 296 с. С. 156—170. DOI:10.48647/s2727-5017-ч.

1939 нянь чжоу энлай сулянь чжи бин моши (Вся история лечения Чжоу Энлая в Советском Союзе в 1939 году). URL: <https://news.sina.cn/sa/2004-03-10/detail-ikkntiak9677372.d.html> (дата обращения: 21.01.2023) (На кит. яз.).

Лю Сяоха. Канжи шици чжоу энлай пу су ляо шан цидзянь цзай гунчань гоци ходун дэ лиши каоча (Историческое исследование деятельности Чжоу Энлая в Коминтерне в период его лечения в СССР во время антияпонской войны). *Дан дэ вэньсянь.* 2016(2—173):38—44. (На кит. яз.).

Мао Цзэдун. Канжи миньцзу чжаньчжэн юй канжи миньцзу туньи чжаньсянь фачжань дэ синь цзедуань. 1938 нянь 10 юэ 12 жи чжи 14 жи цзай чжунгун кода дэ лю чжун цюаньхуэй дэ баогао. Чжунгун чжуньян дансяо чубаньшэ, 1991. Ди 11 цэ. Ди 592 е. (Новый этап развития национальной антияпонской войны и антияпонского национального единого фронта. Доклад на 6-м расширенном пленуме ЦК КПК. 12—14 октября 1938 г.). Пекин: Чжунгун дансяо чубаньшэ, 1991. Т. 11. 890 с.

Не Хунцин. Лю да цянь хоу дэ чжоу энлай юй гунчань гоци (Чжоу Энлай и Коминтерн до и после VI съезда КПК). URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0129/c409117-32016033.html> (дата обращения: 21.12.2022). (На кит. яз.).

Ху Вэй. Ляньхэ чжи ди: чжоу энлай гуаньюй канжи чжаньчжэн дэ луньшу (Общими силами обуздаем врага: рассуждения Чжоу Энлая о войне сопротивления Японии). *Хуайинь шифань дасюэ сюэбао — Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбао.* 2022(5):446—450. (На кит. яз.).

Чжоу Энлай чжэн лунь сюань (Избранные политические сочинения). Пекин: Чжуньян вэньсянь чубаньшэ, 1993. 952 с. (На кит. яз.).

Чжоу Эрцзюнь. Бай нянь бу сю цин — во юй бофу чжоу энлай сянчу дэ жицзы (Непроходящая любовь — дни, проведенные с моим дядей Чжоу Энлаем). Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2022. 432 с. (На кит. яз.).

References

VKP(b), Comintern and China: Documents / T.V. VKP(b), the Comintern and the CCP during the Anti-Japanese War. 1937 — May 1943. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 752 p.

Volokhova A. Zhou Enlai and China's Diplomacy // *Far Eastern Problems.* 1988(4):117—127.

Mao Ze-dong. Selected works. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1969. In 4 vol. Vol. 2. 609 p.

RGASPI. F. 495. Op. 18. D. 1309.

RGASPI. F. 495. Op. 74. D. 313.

RGASPI. F. 495. Op. 225. D. 139. Ch. 2

Tikhvinsky S.L. China's path to Unification and Independence. 1898—1949: Based on the Biography of Zhou Enlai. M., 1996. 575 p.

Zhou Bingde. My uncle Zhou Enlai. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2008. 366 p.

Zhou Erlu. Zhou Enlai is my seventh dad. M.: Publishing House Chance, 2021. 479 p.

Chen Kaike. Financial and Military Assistance of the Soviet Union to the CCP during the Anti-Japanese War // Historical events in the life of China and the Modernity. M.: Institute of Far Eastern Affairs, 2021. 296 p. C. 156—170. DOI: 10.48647/s2727-5017-u.

1939 nian zhouenlai sulian zhi bing moshi the full story of Zhou Enlai's medical treatment in the Soviet Union in 1939. URL: <https://news.sina.cn/sa/2004-03-10/detail-ikkntiak9677372.d.html> (accessed: 21 January, 2023). (In Chinese).

Liu Xiaohua. Kangzhan shiqi zhou enlai pu sulian liao shang qijian zai gongchan guoji huodong huodong de lishi kaocha [Liu Xiaohua. Historical investigation of Zhou Enlai's activities in the Communist International during the Anti-Japanese War]. *Dang de wenxian*. 2016(2—173):38—44. (In Chinese). DOI: 1005-1597(2016)02-0038-07.

Mao Zedong. Kangri zhanzheng yu kangri minzu tongyi zhanxian fazhan de xin jieduan. 1938nian 10yue 12 ri zhi 14 ri zai zhonggong kuoda de kiy Zhong quanhui de baogao (A new stage in the development of the Anti-Japanese National War and the Anti-Japanese National United Front. Report of the enlarged Sixth Plenary Session of the Communist Party of China from October 12 to 14, 1938). Beijing: Zhonggong dangxiao chubanshe. 1991. Vol. 11. 890 p. (In Chinese).

Nie Hongqin. Liu da qianhou de zhou enlai yu gongchan guoji [Nie Hongqin. Zhou Enlai and the Communist International before and after the CCP Sixth Congress]. URL: <http://zhouenlai.people.cn/n1/2021/0129/c409117-32016033.html> (accessed: 21 December, 2023). (In Chinese).

Hu Wei. Lianhe zhi di: zhou enlai guanyu kangri zhanzheng de lunshu [Conquering the Enemy Together: Zhou Enlai's Discussion on the War of Resistance against Japan]. *Huayin shifan daxue xuebao-Zhexue shehui kexuebao*. 2022(5):446—450. (In Chinese).

Zhou Enlai zheng lun xuan: shang ce [Selected political Works of Zhou Enlai. Vol. 1]. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 1993. 952 p. (In Chinese).

Zhou Erjun. Bai nian bu xiu qing — wo yu bofu zhou enlai xiangchu de rizi [A Hundred Years of Love — The days I spent with my uncle Zhou Enlai]. Beijing: Zhongxin chubanshe, 2022. 432 p.

И.Е. Пожилов

О РОЛИ ЧЖАН ВЭНЬТЯНЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ КИТАЙСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ ОТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К СОПРОТИВЛЕНИЮ ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ

Аннотация. Предшествующий Войне сопротивления Японии период (1935—1936) — в силу своей сложности и событийного напряжения — прошел в КПК, только что завершившей Великий поход, под знаком поиска ответов на вызовы резко меняющейся обстановки в стране. От правильного решения проблемы проблем — продолжать классовую борьбу или встать в авангарде отпора агрессору — зависела сама судьба партии.

В статье, основанной на ряде впервые вводимых в научный оборот отечественной историографии некоторых источников и документов, исследуются роль и место вновь избранного исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК КПК Чжан Вэньтяня в смене стратегического курса партии и ее вооруженных сил, повернувшихся лицом к самому жгучему вопросу, стоявшему перед китайским обществом, — спасению родины от иностранного порабощения. Актуальность темы не подлежит сомнению, поскольку важнейшую на то время идею ортодоксально-официозная литература КНР, как правило, приписывает Мао Цзэдуну, равно как и большинство ее дериватов, включая давно назревшее устремление к формированию единого национального антияпонского фронта «снизу» и т. д. В огромной мере выдвижение концепта перехода Красной армии к войне с внешним врагом было обусловлено коллективистским стилем руководства партией, которому всегда следовал Чжан Вэньтянь.

Ключевые слова: Чжан Вэньтянь, коллегиальность принятия решений в КПК, Декларация об агрессии японского империализма и продажной политике Чан Кайши, Восточный поход Красной армии.

Автор: Пожилов Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: pozhilov1@yandex.ru

I.E. Pozhilov

ON THE ROLE OF ZHANG WENTIAN IN THE STRATEGIC TURN OF THE CHINESE RED ARMY FROM THE CIVIL WAR TO RESISTANCE AGAINST JAPANESE AGGRESSION

Abstract. The period preceding the Japanese Resistance War (1935—1936) — due to its complexity and eventful tension — passed in the CCP, which had just completed the Long March, under the sign of a search for answers to the challenges of the harshly changing situation in the country. The very fate of the party depended on the correct solution of the problem of problems — to continue the class struggle or to stand in the vanguard of rebuffing the aggressor.

The paper, based on some sources and documents introduced into scientific circulation for the first time in Russian historiography, examines the role and place of the newly elected Acting General Secretary of the CCP Central Committee Zhang Wentian in changing the strategic course of the party and its armed forces, which turned their faces to the most burning issue placed in front of Chinese society — the salvation of the motherland from foreign enslavement. The relevance of the matter is beyond doubt, since the orthodox-official literature of the PRC, as a rule, attributes the most important idea at that time to Mao Zedong, as well as its derivatives, including the long overdue desire to form a united national anti-Japanese front “from below”, etc. To a large extent, the promotion of the concept of the Red Army’s transition to war with an external enemy was due to the collectivist style of leadership of the party, which Zhan Wentian always followed.

Keywords: Zhang Wentian, collective decision-making in the CCP, Declaration on the Aggression of Japanese Imperialism and Chiang Kai-shek’s Selling Policy, Eastern Campaign of the Red Army.

Author: Pozhilov Igor E. PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of China and contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow). E-mail: pozhilov1@yandex.ru

С завершением Великого похода 1-го фронта китайской Красной армии, проходившего на заключительном этапе под несколько истертыми лозунгами борьбы против японской агрессии и создания широкого национального альянса сопротивления захватчикам, важнейшей задачей партийного руководства во главе с Чжан Вэньтянем (Лю Фу) — едва ли не исключительно по настоянию и благодаря вразумительной аргументации исполняющего обязанности генерального секретаря ЦК¹ — стала на-

¹ Чжан Вэньтянь избран и. о. главы партии (中共中央负总的责任) 5 февраля 1935 г. на совещании ЦК в местечке Цзимин на стыке провинций Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань.

стоящая, энергичная подготовка вооруженных сил КПК к стратегическому повороту от гражданской войны к войне с внешним врагом². «Номинальный» секретарь и «догматик, не способный руководить партией», как за глаза о нем отзывались некоторые партийцы³, оказался первым в КПК, кто предложил, а затем детализировал эту чрезвычайно своевременную идею⁴. Потому люди из близкого окружения Чжан Вэньтяня (их было немного, поскольку он не привык к живому общению с коллегами), напротив, величали вождя⁵ «просвещенным правителем (明君), постоянно державшим руку на пульсе партийного организма»⁶ [Хэ Фан тань, с. 245].

Между тем официозная литература КНР, словно не замечая очевидного (тогда, наверное, всякий знал, за кем всегда оставалась инициатива в генерировании новых, порой парадоксальных для партийных масс замыслов и планов), продолжает закреплять мифы в сознании читателя и присваивает авторство оригинальных концептов Мао Цзэду, называя его «реальным руководителем и главным идеологом КПК после Цзуньши» [Ша Цзяньсунь, с. 77]. В его талантах и дарованиях сомневаться не приходиться, но тогдашние позиции будущего Председателя в партийном политикуме были не очень прочны, а авторитет — далеко не столь высок, как кому-то хотелось бы думать («подручный Чжан Вэньтяня, да и только» [Хэ Фан тань, с. 238]⁷. Мао, чего не замечают исследователи, с советских времен позиционировал себя и воспринимался другими в первую очередь

² Новый курс не встретил поддержки партийного и армейского большинства, выступавшего за то, чтобы «взять оперативную паузу, сделать передышку, провести упорядочение сил и средств, а потом действовать по обстановке» [Чжан Вэньтянь яньцзю, с. 192—193].

³ Ни в Цзуньши, ни в Цзимине Чжан Вэньтянь не имел поддержки в ЦК; отрицательно к его кандидатуре отнеслись и в ИККИ. Только благодаря настойчивости Мао Цзэдуна, которого все и прочили в генеральные секретари, его формальное избрание все-таки состоялось [Хэ Фан, с. 6—7].

⁴ Делегация КПК в Коминтерне летом 1935 г. опубликовала «Манифест 1 августа», где в самых общих чертах дала разъяснения относительно единого антияпонского фронта. Однако в это время Красная армия еще осуществляла перебазирование и связь с Москвой не имела.

⁵ Вождями (領袖) до *чжэньфэна* называли в КПК всех членов Политбюро и Секретариата ЦК.

⁶ Одним из ярких свидетельств того, что Чжан Вэньтяня никто из трезвомыслящих партийных руководителей «номинальным» секретарем не считал, является телеграмма Чжан Готао от 26 сентября 1936 г., в которой он требовал: «Пусть Ло Фу от имени ЦК руководит нами и далее». Следом послание такого же плана передал и Жэнь Биши [Хэ Фан, с. 13].

⁷ Даже после ухода Чжан Вэньтяня на обследование деревни в 1938 г. Мао Цзэду, чувствуя свою неготовность возглавить партию, не стал принимать на себя обязанности генерального секретаря, а переложил бремя руководства на Жэнь Биши.

как «человек военный», а не политик и стратег [Шобуцзиньдэ, с. 134]. Благодаря как раз этому, неплохо освоенному ремеслу «верховного военачальника»⁸, помноженному на солидный политический багаж и незаурядные познания в теории марксизма генерального секретаря еще в Великом походе, сложился и просуществовал несколько лет действенный руководящий тандем Чжан—Мао при безусловно ведущей роли партийного лидера⁹.

Занавес, скрывавший проект стратегической смены курса КПК, Чжан Вэньтянь слегка приоткрыл 22 октября 1935 г. на заседании Политбюро в д. Удичжэнь (Северная Шэньси). В своем выступлении он отметил, что с прибытием в здешний советский район «завершился последний этап старой истории и начинается новый исторический период для каждого бойца Красной армии, который характеризуется иными серьезными задачами; эти задачи сводятся к защите и укреплению северошэньсийской опорной базы, а также превращению войны за аграрную революцию в подлинно национальную революционную войну» [Чжан Вэньтянь вэньцзи, с. 1].

Через месяц напряженной работы над «иной» стратегией генеральный секретарь уже в Ваяобао созвал совещание членов ЦК, где более определенно сформулировал алгоритм действий партии, подчеркнув, что она отныне сводится к «мобилизации масс, отражению наступления внутреннего врага, к готовности вести боевые действия против японского империализма» [Чэнь Чжунъюань, с. 9]. 13 ноября по итогам совещания ЦК КПК обнародовал два важных документа: «Декларацию об агрессии японского империализма в Северном Китае и продажной политике Чан Кайши» и «Решение о развертывании антияпонского и античанкайшистского движения». В документах излагалась общая политика единого фронта и содержался «призыв ко всем гражданам Китая и вооруженным силам, выступающим против Чан Кайши, объединиться и, используя все формы борьбы, дать отпор японским агрессорам и реакционному Гоминьдану». При этом и в «Декларации», и в «Решении» руководящая роль в едином фронте закреплялась за КПК, которой предстояло обзавестись надежными союзниками в первую очередь в лице «патриотически настроенных милитаристов, заключив с ними соответствующие соглашения» (имеются в виду Чжан Сюэлян и Ян Хучэн. — *И.П.*). Кроме того, в обеих бумагах констатировалась необходимость «использовать любые доступные возможности для обретения новых союзников, готовых муже-

⁸ Такой пост 最高统帅 ввел в военную иерархию Чжан Вэньтянь специально для Мао Цзэдуна.

⁹ Практически все распорядительные документы ЦК, а они в основном имели военно-политическое содержание, отправлялись в партийные организации и войска за подписями Чжан Вэньтяня и Мао Цзэдуна, что в том числе и позволяет историкам-пропагандистам «наградать» их единоличным авторством последнего.

ственно сражаться против японских агрессоров и потакающих им предателей-гоминьдановцев» [Чжунгун, с. 164].

Из масштаба и трудности выдвинутых задач, а также «безотрадных уроков» недавнего прошлого (утрата Центрального советского района) вытекала насущная потребность в организационной перестройке системы управления вооруженными силами, в особенности ее высшего звена. Последовательный сторонник внутрипартийных свобод, коллективного руководства партией и коллегиального принятия решений, Чжан Вэньтянь в условиях доминирования военно-оперативных факторов принимает ряд существенных мер такого характера по «упорядочению армейских структур». Тем более к этому подталкивал опыт планирования боевых действий и командования войсками Бо Гу и Ли Дэ, в недавнем прошлом сосредоточивших в своих руках всю военную власть и «затыкавших рты несогласным даже по мелочам». Генеральный решительно потребовал осудить порочную практику и внедрить принцип коллективного руководства Красной армией: «...Все важные военные вопросы должны обсуждаться на Военном совете; оппоненты имеют равные права с большинством и, ничего не опасаясь, высказывают и отстаивают собственные мнения» [Чжан Вэньтянь. Няньпу, с. 185].

Наряду с выдвижением различных форм коллегиальности в армейских верхах Чжан Вэньтянь настоял и на выборности кадров высшего командно-политического состава. Правда, «выборность», как свидетельствуют источники, касалась разве что Мао Цзэдуна (других примеров не найдено), причем его персональную карьеру курировал лично партийный лидер. Так, по его рекомендации Мао, являвшийся после Цзуньи «помощником Чжоу Эньлая по военным вопросам», сначала был избран политкомиссаром фронта, а затем вошел в «руководящую военную тройку». Ян Шанкунь (в то время политкомиссар 3-й армейской группы) вспоминает: «5 февраля прибыли в Цзимин; здесь постоянный комитет [Политбюро] постановил избрать Чжан Вэньтяня исполняющим обязанности генерального секретаря ЦК. ...Это избрание позволило тов. Мао Цзэдуну неизменно находиться у руля военного руководства» [Чжан Вэньтянь яньцзю, с. 177; Лю Ин, с. 24]. В ноябре 1935 г. глава партии предложил учредить Северо-Западный революционный военный совет, и, конечно же, на пост председателя представил кандидатуру Мао (позднее, после совещания в Лочуани, орган преобразован в Реввоенсовет ЦК КПК как высшую военно-политическую инстанцию в партии, которым по-прежнему руководил его протеже). И, таким образом, Мао Цзэдуну выпало стать облеченным всеми prerogативами верховного главнокомандующего вооруженными силами КПК [Шаньси, с. 36]¹⁰.

¹⁰ Чжу Дэ, прибывший в Северную Шэньси с колонной 4-го фронта, некоторое время сохранял должность главкома КитРККА, а затем был назначен командующим 8-й полевой армией НРА.

Положение коммунистов в Северной Шэньси поначалу, однако, не внушало ни малейшего оптимизма: планы Чжан Вэньтяня переориентировать силы на антияпонскую борьбу и мобилизовать массы казались утопией. Более того, сложившаяся ситуация грозила полным разгромом остатков Красной армии (5—6 тыс. человек) гоминьдановскими войсками, которые были готовы в любой момент начать наступление на крохотный пятючек занятой КПК земли. Часть членов ЦК и военачальников выступали за укрепление имеющегося плацдарма и наращивание сил за счет местных источников. Генеральный, поддержанный Мао Цзэдуном, пойдя от обратного, выдвинул идею «развития вовне с целью территориального расширения опорной базы и привлечения на свою сторону широких общественных слоев, не ведавших об изменившихся целях и программе последователей коммунизма» [Чжан Вэньтянь вэньци, с. 73—79]. Идея воплотилась в операцию, известную как Восточный поход.

Форсирование Хуанхэ и прорыв Красной армии в Шаньси сулили немало выгод. Чжан Вэньтянь на декабрьском (1935) совещании ЦК провидчески заявил, что «подъем знамени антияпонской борьбы над провинцией и соседними территориями обещал: рост симпатий к КПК со стороны патриотов всего Китая; обретение сравнительно богатых источников пополнения войск и их материального оснащения; возможность основать здесь новую опорную базу ввиду того, что Янь Сишань благоразумно не станет вступать в вооруженную борьбу с компартией» [Лю Ин, с. 22]. Так оно и случилось.

С февраля по май 1936 г. главные силы Красной армии, названные антияпонским авангардом, форсировали Хуанхэ, оседлали железную дорогу Датун—Пучжоу, вплотную подошли к Тайюаню, выдвинулись к границам Хэбэя и вошли в непосредственное боевое соприкосновение с японскими силами. Успехи в походе вызвали бурный отклик по всей стране, а в гоминьдановском командовании — буквально шок. Посланные на подмогу Янь Сишаню войска не смогли совладать с крохотным «авангардом» коммунистов, уже рассеявшимся по горным районам Шаньси. Обеспокоенные судьбой родины граждане Китая, особенно молодежь, горячо приветствовали действия КПК, в различных социальных кругах укрепилась уверенность в завтрашнем дне; командование Северо-Восточной и Северо-Западной армий Чжан Сюэяня и Ян Хучэна по закрытым каналам выразило готовность к сотрудничеству с компартией; Янь Сишань разглядел в коммунистах надежных партнеров, что способствовало первенству Шаньси в формировании единого антияпонского фронта; помимо этого, Красная армия значительно пополнила свои ряды и основала в провинции вторую опорную базу. Сун Цинлин, Лу Синь, Мао Дунь и многие другие представители творческой интеллигенции, а также известные общественные деятели страны направили победителям

«письма солидарности» [Чжан Вэньтянь чжуань, с. 248]. Словом, все цели Восточного похода, задуманного Чжан Вэньтянем и осуществленного под его непосредственным руководством¹¹, были достигнуты.

Настал черед заняться еще одной проблемой, создавшей, как указывал глава партии, «немалые трудности для укрепления основной базы в Шэньси и создания зон безопасности вокруг нее по всем направлениям». С этой целью, а также в намерении проложить коридор к границам СССР и МНР, в течение мая—июля 1936 г. Красная армия предприняла Западный поход, в ходе которого были разгромлены отборные части генералов Ма Хуабиня и Ма Хункуя, блокировавшие пути на запад и на север. Одновременно войска коммунистов смели кордоны милитаристов на южном фланге, что позволило передовым отрядам 2-го и 4-го фронтов практически беспрепятственно выдвинуться в северошэньсийский советский район [Чжан Вэньтянь вэньцзи, с. 89; Чжан Вэньтянь яньцзю, с. 186—187].

В обстановке свободного высказывания суждений и коллективного руководства партийной жизнью и деятельностью, разумеется, в верхах КПК по ряду вопросов возникали и не могли не возникать разногласия, порой перераставшие в ожесточенные споры, а то и конфликты. К предметам расхождений во взглядах можно отнести и Восточный поход, и тактику ведения боевых действий (партизанская или маневренная война), и формулирование позиции КПК в Сианьском инциденте, и стратегию действий в создававшемся едином антияпонском фронте (независимость и самостоятельность либо согласованная с правительственным центром военно-политическая линия), и др. Если Мао Цзэдун, как правило, решал дискуссионные вопросы давлением вышестоящего лица, то Чжан Вэньтянь всегда стремился и всегда добивался единства логикой анализа, исчерпывающим знанием фактов и безупречным их толкованием¹², а также точным прогнозом развития обстановки, порождаемым природным даром предвидения. Сказанное совсем не означает, что лидер не ошибался, но его высоко ценимым всеми достоинством являлась способность публично признавать просчеты [Хэ Фан тань, с. 233].

Вместо заключения следует отметить, что актуализация мыслительной и организационной деятельности Чжан Вэньтяня в 1935—1936 гг. дает основания полагать его заглавным автором и проводником идеи стратегического поворота вооруженных сил и партии в целом от войны с классовым врагом к вооруженной борьбе с японским агрессором. Имея в

¹¹ Чжан Вэньтянь накануне похода разослал указание, в котором потребовал, чтобы все без исключения члены Политбюро и Секретариата ЦК находились в войсках или обеспечивали их снабжение в ближайшем тылу.

¹² Чжан Вэньтянь имел привычку лично бывать на местах, регулярно выезжать в войска, глубоко вникать во все вопросы принципиальной значимости, включая военные [Чжан Вэньтянь чжуань, с. 261].

виду чрезвычайные сложности и трудности процесса, переоценить эту и многие другие заслуги генерального секретаря в рассматриваемый период не представляется возможным.

Библиографический список

Лю Ин. Цзай дабяньдундэ няньдай ли (В эпоху великих перемен) // *Синьхуа вэньчжай*. 1991. № 12. С. 21—29.

Хэ Фан. Данши бицзи — цун Цзуньши хуэйи дао Яньань чжэнфэн (Дневник партийной истории: от совещания в Цзуньши до чжэнфэна в Яньани). Сянган: Сянган чэнши дасюэ, 2020. 622 с.

Хэ Фан тань шии жэнь (Хэ Фан об исторических личностях). Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2010. 390 с.

Чжан Вэньтянь вэньцзи (Сочинения Чжан Вэньтяня). Т. 2. Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1993. 311 с.

Чжан Вэньтянь цзай 1935—1938. Няньпу (Чжан Вэньтянь в 1935—1938 гг. Биографическая хроника). Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1997. 446 с.

Чжан Вэньтянь чжуань (Биография Чжан Вэньтяня). Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ, 1993. 580 с.

Чжан Вэньтянь яньцзю вэньцзи (Исследовательские материалы по Чжан Вэньтяню). Пекин: Чжунгун данши чубаньшэ, 1993. 378 с.

Чжунгун данши цанькао цзыляо (Справочные материалы по истории КПК). Т. 3. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1979. 288 с.

Чэн Чжуньюань. Чжан Вэньтянь дэ цзюньши ходун (Военная деятельность Чжан Вэньтяня) // *Цзюньши лиши*. 2002. № 3. С. 5—11.

Ша Цзяньсунь. Чжунго гунчаньдан юй канжи чжаньчжэн (КПК и Война сопротивления Японии). Т. 1. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2005. 449 с.

Шаньси канчжань коушу ши (Устная история Войны сопротивления Японии в Шаньси). Т. 3. Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 2005. 287 с.

Шобуцзинь дэ Мао Цзэдун: байвэй сюэчжэ минжэн фантаньлу [О Мао Цзэдуне всего не скажешь: интервью ста ученых и известных деятелей]. Т. 1. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1995. 534 с.

References

Liu Ying. Zai dabian dongde niandaili [In an era of great change] // *Xinhua wenzhai*. 1991. No. 12. P. 21—29. (In Chinese).

He Fang. Dangshi biji — cong Zunyi huiyi dao Yanan zhengfeng [Party history diary: from Zunyi conference to zhengfeng in Yan'an]. Xianggang: Xianggang chengshi daxue, 2020. 622 p. (In Chinese).

He Fang tan shiyi ren [He Fang about historical figures]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2010. 390 p. (In Chinese).

Zhang Wentian wenji [Zhang Wentian's writings]. Vol. 2. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 1993. 311 p. (In Chinese).

Zhang Wentian zai 1935—1938. Nianpu [Zhang Wentian in 1935—1938. Biographical chronicle]. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 1997. 446 p. (In Chinese).

Zhang Wentian zhuan [Biography of Zhang Wentian]. Beijing: Dangdai zhongguo chubanshe, 1993. 580 p. (In Chinese).

Zhan Wentian yanjiu wenji [Research materials on Zhan Wentian]. Beijing: Zhonggong dangshi chubanshe, 1993. 378 p. (In Chinese).

Zhonggong dangshi cankao ziliao [Reference materials on the CCP' history]. Vol. 3. Beijing: Renmin chubanshe, 1979. 288 p. (In Chinese).

Cheng Zhongyuan. Zhang Wentian de junshi huodong [Military activities of Zhang Wentian] // *Junshi lishi*. 2002. No. 3. P. 5—11. (In Chinese).

Sha Jiansun. Zhongguo gongchandang yu kangri zhanzheng [CCP and Japanese resistance war]. Vol. 1. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2005. 449 p. (In Chinese).

Shanxi kangzhan koushu shi [The oral history of Japanese resistance war in Shanxi]. Vol. 3. Taiyuan: Shanxi renmin chubanshe, 2005. 287 p. (In Chinese).

Shuobujinde Mao Zedong: baiwei xuezhe mingzheng fangtanlu: байвэй сюэчжэ минжэн фантаньлу [You can't say everything about Mao Zedong: interview with a hundred scientists and famous figures]. Vol. 1. Shenyang: Liaoning renmin chubanshe, 1995. 534 p. (In Chinese).

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В КИТАЕ ПЕРИОДОВ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.48647/ISSA.2023.32.13.007

Г.И. Саркисова

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ: ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ УЧЕНИКОВ 6-й РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ (1771—1781) КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КИТАЕ

Аннотация. Статья основывается на интересном архивном источнике: журнальных записках учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781), которые содержат сведения о различных областях жизни Цинской империи и касаются вопросов религии, социальных отношений, природных явлений и их последствий, а также демонстрируют интерес китайцев к России. Все эти данные о соседнем с Россией государстве были ценным вкладом в русское китаеведение.

Упоминания о данном источнике в той или иной степени встречаются в историографии, начиная с XIX в. Существует и публикация текста журнальных записок. В ней документ снабжен примечаниями, но воспроизведен не полностью без объяснения причин сделанной выборки, хотя не вошедшие в нее главы не менее интересны опубликованных.

Данная работа посвящена изучению журнальных записок, сохранившихся в фонде «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в их полном объеме с целью определения степени значимости для отечественного китаеведения содержащихся в этом источнике исторических фактов.

Ключевые слова: журнал, российские ученики, 6-я Российская духовная миссия, Цинская империя.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SINOLOGY: JOURNAL NOTES OF THE STUDENTS OF THE 6TH RUSSIAN ORTHODOX MISSION IN BEIJING (1771—1781) AS A SOURCE OF INFORMATION ON CHINA

Abstract. The article is based on an interesting archival source: the journal notes of the students of the 6th Russian Orthodox Mission in Beijing (1771—1781). The notes contain information about various areas of life of the Qing Empire including religion, social relations, natural phenomena and their consequences. They also demonstrate Chinese interest in Russia. This data about a neighboring country made a valuable contribution to the knowledge of Russian sinology.

The notes as a source of information are mentioned to different extent in historiography, starting from the 19th century. The journal notes have been published along with the comments, however their text is not reproduced in full and the criteria for selection is not explained. At the same time the chapters not included in the publication are no less interesting than the included ones.

This work is devoted to the study of journal notes in their entirety, preserved in the fund “Relations between Russia and China” in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI), in order to determine the significance of the historical facts contained in this source for Russian Sinology.

Keywords: Journal, Russian students, 6th Russian Orthodox Mission, Qing Empire.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Центром становления русского китаеведения в XVIII в. стала Российская духовная миссия, обосновавшаяся в Пекине, по одним сведениям, с апреля 1715 г., по другим — с конца 1715 — начала 1716 г. [Бантыш-Каменский, с. 81; Бэй-гуань, с. 24] — времени прибытия в столицу Цинской империи ее первого состава во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). Официальный статус Российской духовной миссии был закреплен V статьей Кяхтинского трактата (1728), признавшей пребывание в Пекине русских священников и разрешившей обучение в цинской столице китайскому и маньчжурскому языкам шести русским ученикам [Русско-китайские договорно-правовые акты, с. 44].

Развитие русско-китайских отношений усиливало интерес к Цинской империи, сведения о которой постепенно накапливались благодаря раз-

личным источникам, возникавшим в результате деятельности посольств и дипломатических курьеров¹, личных впечатлений и наблюдений приставов и членов духовных миссий, курьеров².

Коллегия иностранных дел была заинтересована в получении от Пекинской духовной миссии информации «о каких-либо в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах, образующих их мысли, поведение и действия правительства»³. Столь целенаправленное внимание ко всем проявлениям китайской действительности способствовало в итоге обогащению русских миссионеров значительным фактическим материалом. Он создавал источниковую базу, изучение которой в дальнейшем содействовало формированию научных представлений об истории, культуре, народонаселении Китая.

В связи с этим несомненный интерес представляют журнальные записки учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781). Упоминания о данном источнике в той или иной степени встречаются в историографии, начиная с XIX в. [Адоратский, гл. X.] Существует и публикация текста журнальных записок, находящихся в приложении к составленному И. Колосовым (1839) «Продолжению дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами с 1764 по 1796 год». «Продолжение...» хранится в Российской государственной библиотеке в отделе рукописей в фонде К.А. Скачкова [Восточная коллекция. № 1. 2003, с. 68—76]. Текст журнала в публикации снабжен примечаниями [Тертицкий, с. 77], но воспроизведен не полностью без объяснения причин сделанной выборки, хотя не вошедшие в нее главы (3—6, 8, 9, 12—15, 17—19) не менее интересны опубликованных. Таким образом, эта публикация не может дать полного представления о содержании журнальных записок и их ценности для российского китаеведения.

Данная работа посвящена изучению журнальных записок, сохранившихся в фонде «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в их полном объеме с целью определения степени значимости для отечественного китаеведения содержащихся в этом источнике исторических фактов.

¹ «Роспись» И. Петлина (1619), «Статейный список» посольства Ф.И. Байкова (1654—1657), статейные списки посольств Н. Спафария (1675—1678), С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725—1729), журнал пребывания в Пекине курьера В.Ф. Братищева (29 августа—4 октября 1757 г.), журнал курьера И.И. Кропотова (1762—1764).

² «Осведомление или некоторое поверение вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине».

³ Такое наставление содержала инструкция Коллегии иностранных дел начальнику 7-й Российской духовной миссии (1781—1794) архимандриту Иоакиму (Шишковскому). См.: *Адоратский Н.* История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887. Глава XI.

В ноябре 1771 г. в Пекин прибыла сопровождаемая приставом В. Игумновым⁴ 6-я Российская духовная миссия во главе с архимандритом Николаем (Цветом)⁵. В составе миссии находились четыре ученика. Трое из них учились в Тобольской духовной семинарии: Агафонов Алексей Семенович (1746—1792), 21 года, и Бакшеев Федор Иванович (1749?—1787), 20 лет, изучали философию, а Парышев Алексей Никитич (1751?—1809), 18 лет, изучал риторiku. Именно эти ученики, «исполняя верность к Отечеству своему, всеми силами старались о разведывании секретных действий и намерений» китайской стороны, «какая имеет о окрестных государствах, а особливо о России» [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 652]. Кроме того, ведением журнальных записок ученики выполняли секретное предписание Коллегии иностранных дел, в соответствии с которым через них пристав В. Игумнов должен был разведывать о здешних происшествиях и секретах [АВПРИ, л. 652]. В начале журнала ученики сообщили об источниках своих известий, почерпнутых в основном из дружеских бесед с китайцами и маньчжурами, поскольку «как ласкотою, так и подарками» приобрели русские миссионеры многих друзей, которые открывали им тайнства, касавшиеся «особливо до государства» [АВПРИ, л. 655 об.]. Кроме того, плодотворным для добывания новых сведений учениками было и посещение Лифаньюаня⁶, куда они каждое первое число месяца приходили за получением кормового жалованья.

В итоге, используя различные способы собирания информации от обычных разговоров с китайцами до выведывания «через великия подарки», ученики создали «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве, с 1772 до 1782 года веденой» [АВПРИ, л. 653—688] и передали его приставу Игумнову для отправления в Коллегию иностранных дел. Нельзя не отметить, что данный источник имеет ряд особенностей. Его название⁷, предполагающее изложение материала в определенном порядке по хронологии или тематике, не вполне соответствует этим критериям. Если бы ученики вели регулярную запись или восстанавливали факты по памяти, то события в журнале были бы изложены в хронологической последовательности. Однако в большинстве случаев этот принцип не соблюдается. Не связаны и тема-

⁴ Игумнов Василий Константинович (1729?—1803) — один из наиболее ярких представителей династии Игумновых, члены которой несли службу на русско-китайской границе на протяжении всего XVIII в.

⁵ Николай (Цвет) (?—1784) — священнослужитель Русской православной церкви.

⁶ Лифаньюань (*кит.*) (Палата, Трибунал внешних сношений, Трибунал по делам «зависимых» территорий, Мунгальский приказ) — центральное учреждение Цинской империи.

⁷ Журнал (*фр.* Journal) — дневник, поденная запись.

тически все 19 глав документа. На основании этого можно предположить, что журнал был создан в результате выполненного произвольным образом соединения разрозненных записей его составителей.

В самом начале своих заметок ученики отметили отсутствие каких-либо перемен в жизни Цинской империи с момента их приезда в ее столицу. Однако вскоре все изменилось: возобновилась война с народом *мяо* (называемым по-китайски «*миоудзы* или *мянь-дзы*» [АВПРИ, л. 653]), проживавшим в основном в горных областях Южного Китая. Война с этим народом, по сведениям учеников, затихала и начиналась вновь несколько раз, и во время пребывания 6-й Российской духовной миссии в Пекине китайский император⁸ трижды тщетно направлял по 100 тыс. воинов на борьбу с *мяо*. Только когда императорскую армию возглавил китайский военачальник Агуй (1717—1797), ситуация изменилась в ее пользу. Авторы журнала подробно описали, как хитростью и с помощью предателя Агуй победил непокорный народ [АВПРИ, л. 653 об—654]. Но особую ценность в повествовании об этой войне представляет рассказ непосредственного участника событий майора Телдунче, посетившего российский Посольский двор в ноябре 1780 г. Его сведения подтвердили ту информацию, которая уже была известна ученикам. Майор Телдунче отметил, что территория расселения восставшего народа была стеснительна для военных действий: «высокия стремнистья и к проходу неудобныя горы», по которым, однако, местные жители бегали быстро, как по ровному месту [АВПРИ, л. 658]. «И когда оне увидят нашу армию, — поведал он, — то все, збежав на превысокия горы, и оттоле из ружья стреляют и камнями из пращей мечут. Кроме тово, еще скатывают превеликия камни сверху на нашу армию, от коих весьма мало остается живых людей. И потому с оным народом наша армия не находила других пристойных способов к сражению как только для пальбы употребляли орудья и луки, а пушки никаким способом на толь высокия горы втаскивать невозможно было» [АВПРИ, л. 658—658 об.]. И далее майор Телдунче сообщил о том, как эта проблема была решена военачальником Агуем, приказавшим каждому воину взять с собой в горы по куску меди, из которой на месте изготовили пушки, решившие исход сражений в пользу императорской армии [АВПРИ, л. 658 об.].

По сведениям, полученным от офицера Церемониальной коллегии, потери китайской армии в этой войне были таковы: «чиновных и простых солдат пало на баталии 80 000 человек» [АВПРИ, л. 655]. Несомненного внимания заслуживает сообщение учеников о составлении по распоряжению цинского императора португальским иезуитом Феликсом да Роша

⁸ Имеется в виду император Хун Ли (1711—1799). Девиз годов правления Цяньлун (1736—1795).

(1713—1781) карты и описания завоеванной земли [АВПРИ, л. 654 об.]. Феликс да Роша уже имел хороший опыт такой работы, совершив совместно с другим иезуитом, Хосе Эспинья (1722—1788), в 1756 г. географическое изучение и картографирование присоединенных Цинской империей территорий Джунгарского ханства. При этом «карты и описания по съемкам Роша—Эспинья сразу по завершении работ португальских иезуитов попали в Россию» [Постников, с. 82].

Благодаря тесному общению как с китайцами, так и с маньчжурами ученики в какой-то мере ознакомились с историей Китайского государства. Их новые друзья подробно рассказывали, «что прежде падения Китайского царства происходило, не скрывали и то, как Маньчжурское царство настало, не утаивали и то, что вперед происходить будет» [АВПРИ, л. 655 об.]. Однако упоминавшиеся ими исторические факты основывались, по их словам, на пророчествах даосского священника Ли Те-гуая⁹ и были связаны с именами верно предсказанных им правителей «новоначинаемой» столицы Китайского государства — Пекина¹⁰ [АВПРИ, л. 656]. Таким образом, полученное учениками представление об истории Китая было очень поверхностным.

Череду исторических событий, связанных с народными волнениями, в журнале продолжили повествования о происшедшем в 1777 г. в Цинской империи бунте в пров. Шаньдун [АВПРИ, л. 673—677] и «великом» бунте и нападении на пров. Ганьсу саларских татар¹¹ в мае 1781 г. [АВПРИ, л. 659—660]. Восстание 1777 г., как видно из описанных событий, имело антиманьчжурскую направленность и было стихийным [АВПРИ, л. 674 об.—675]. Из фактов, приведенных авторами журнала, следовало, что к поражению восставших, которых было «тысещ до четырех» [АВПРИ, л. 677], привело главным образом отсутствие организации и военного опыта. В результате все они были казнены.

Выступление саларских татар могло быть связано, по слухам, приведенным учениками, как с религиозными разногласиями, так и с недовольством местной властью [АВПРИ, л. 659—659 об.]. Последнее обстоятельство, названное на допросе мятежниками и указывавшее на то, что «тамошних начальников обиды им несносны стали», было, по мнению составителей журнала, наиболее правдоподобным [АВПРИ, л. 659 об.]. Однако восстание 1781 г. было следствием конфликта между сторонниками «нового» и «старо-

⁹ Б.Л. Рифтин полагал, что «образ Ли Те-гуая сложился, видимо, к XIII в. на основе преданий о различных бессмертных — хромцах». См.: Духовная культура Китая. М., 2007. Т. 2. С. 498.

¹⁰ В начале XV в. Пекин стал столицей Китайской империи.

¹¹ Тюрко-язычный народ в Китае. «Саларская татара имеют свое место блиско губернии Ганьсу за Калганской стеной на западе и за рекой Хуан Хо» [АВПРИ, л. 659].

го» учения¹² в мусульманской общине Китая, приведшего к вмешательству правительственных войск для его урегулирования. При этом маньчжуры защищали сторонников «старого» учения. Пытаясь освободить арестованного цинскими властями основателя ордена «джахрия» (обычно называемого «новым» учением) Ма Минсиня¹³, восставшие дошли до центра пров. Ганьсу г. Ланьчжоу, где были разбиты правительственным войском (40 тыс. человек), возглавленным военачальником Агуем [АВПРИ, л. 660].

Интересные особенности, касавшиеся религиозных представлений в Цинской империи, отметили ученики, повествуя о приезде в Пекин по приглашению цинского императора в 1780 г. тибетского Панчен-ламы¹⁴. «Как манжуры, так и мунгала говорят, — записано в журнале, — что сей лама уже на свете живет семнатцатой век. А хотя иногда и умирает, то оное значыт — не умирает, но перерождается и знает семнатцати веков все случившиеся дела, чему манжуры и мунгала весьма верят и за что его почитают аки настоящего жываго Бога» [АВПРИ, л. 677]. Подробно описанный учениками прием Панчен-ламы цинским императором Цяньлуном свидетельствует, с одной стороны, о традиционных китайских взглядах на контакты с зависимыми государствами (каковым был Тибет) и их представителями¹⁵, а с другой стороны, показывает уважительное отношение императора к самому Панчен-ламе¹⁶. Последнее было связано в значительной степени с тем, что сам император Цяньлун исповедовал тибетский буддизм, получивший небывалый подъем в период его правления [Успенский, с. 25]. В журнале упоминается храм, воздвигнутый императором к приезду Панчен-ламы [АВПРИ, л. 678].

¹² «Новое» учение выступало за чтение Корана вслух, а «старое» — за чтение про себя. См.: История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М., 2014. С. 124.

¹³ Ма Минсинь (1719—1781) — мусульманский вероучитель. После 16-летнего обучения в Мекке и Йемене возвратился в Китай в 1761 г., основал орден «джахрия» [URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/253330>].

¹⁴ Имеется в виду Панчен-лама VI Лобсанг Палден Еше (1738—1780). Панчен-лама — это титул второго (после Далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 799.

¹⁵ В журнале отмечается тот факт, что цинский император, узнав от своего старшего сына, встретившего Панчен-ламу на границе, о семидесятитысячной свите приглашенного, «просил ламу, чтоб оставил излишних ламов на дороге». Панчен-лама, «не споря о сем, оставил многих, а сам поехал некак в малой свите в Пекин». См.: Ф. Соношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 677 об.

¹⁶ Отмечено, что в Жэхэ, летней резиденции императора, Панчен-лама «свиделся с государем без всякой уничиженности, но аки равный прибыл к равному». Ученики также написали, что цинский император оказывал Панчен-ламе такое почтение, «какое прилично есть и государю по примеру азиатскому, только единого не доставало до чести государевой, что на престол его не садил». — АВПРИ, л. 678.

Насколько сильна была вера императора и его окружения в сверхчеловеческие способности Панчен-ламы, демонстрируют несколько эпизодов, приведённых в журнале. Так, старший сын императора обратился к Панчен-ламе с просьбой об излечении заболевшего сына. «Видя ...неотступное прошение царевичево», как написано в журнале, Панчен-лама «не сказал, что ето не в ево власти состоит и не может учынить, чтоб он вдруг выздоровел», но дал лекарство. Больной его выпил и вскоре умер [АВПРИ, л. 678 об.]. Отец умершего еще надеялся на его оживление Панчен-ламой, который, однако, «некакого средства и ответа не находил, а давал только сему царевичу двести лан серебра» [АВПРИ, л. 678 об.].

Не получил ответов от Панчен-ламы на свои вопросы и император Цяньлун. Не узнал он, «сколько еще веков манжуры будут Китайским обладать государством», поскольку Панчен-лама «сказал, что я обо всем знаю, иначе сказать нельзя» [АВПРИ, л. 679]. А относительно просьбы императора о даровании ему бессмертия Панчен-лама «говорил, что ето удобно, но поелику ты теперь обовязан мирскими делами, и всегда ты много грешышь, когда ты оставишь свой престол и препоручышь другому царю, то есть сыну своему, тогда можно доспеть безсмертным. Точию в сем веку ты еще прожыви сорок лет» [АВПРИ, л. 679—679 об.].

Неожиданная болезнь Панчен-ламы и быстрая кончина (от оспы) повергли императора в смятение. Он плакал над мертвым и в недоумении вопрошал: «...я тебя будто бы для тово и просил, чтоб ты здесь у меня умер. Но скажы, чево ради ты так учынил, или я тебя чем прогневал, или что противное кто тебе учынил?» [АВПРИ, л. 679 об.]. Император воздал умершему последние почести «и опять ево с великою церемониею и честию назад проводил» [АВПРИ, л. 680].

Не оставили без внимания российские ученики и события в жизни Цинской империи, связанные с природными катаклизмами. 1779 г. был ознаменован такими стихийными явлениями, как падение метеорита и сильный пожар. Метеорит летел с северо-запада через столицу. Как записано в журнале, «от летущей оной метеоры искры сыпались преужасной гущны, а свет от оной казался как от пламени горящаго». О месте падения метеорита неизвестно, слышен был лишь такой гул, «как от выпала из превеликой пушки» [АВПРИ, л. 680 об.]. Авторы журнала отметили отношение китайцев к этому происшествию как к плохому предзнаменованию. И действительно, в скором времени произошел пожар в Пекине, в котором сгорело много купеческих лавок и домов столичных жителей [АВПРИ, л. 680 об.]. Но этим событием беды китайцев не закончились. По представлению учеников, в 1780 г. «в летних средних месецах дождь лил несколько дней безпрестанно». Многие дома в Пекине и во всем государстве, построенные «на глине без извеки», во время этого дождя

размокли и развалились [АВПРИ, л. 681]. Кроме того, «вытопило» и посеянный хлеб, что вызвало голод среди населения. Император приказал «на всякую душу в месяц по семи давать мерок из казенных анбаров в зимнее время» [АВПРИ, л. 681 об.]. Но даже эти меры не могли полностью решить проблему народного голода.

Очень ценные известия относительно приостановки по приказанию китайского императора в 1778 г. российско-китайской торговли в Кяхте получили ученики от китайского чиновника из Лифаньюаня в июне 1779 г. Он показал им рапорты ургинских пограничных управителей императору, в которых они выражали недовольство действиями «одново российскова майора» [АВПРИ, л. 662 об.]. Речь шла, по всей видимости, о пограничном комиссаре майоре С.Ф. Власове¹⁷, проявлявшем не устраивавшую китайскую сторону твердость и несговорчивость при решении разнообразных пограничных вопросов. Помимо этого обстоятельства, приостановка кяхтинского торгового дела была связана, по добытым авторами журнала из другого источника сведениям, со стратегическими планами самого китайского императора. В ответ министрам, отметившим определенную выгоду этого торгового дела для Китайского государства в цене на мягкую рухлядь¹⁸, император сказал: «Я стараюсь о том, чтоб кяхтинская рухлядь по времени была для нас дарова» [АВПРИ, л. 663 об.]. А достижение этой цели представлялось ему таким образом: «...Часто буду кяхтинский торговый двор отворять и запираить и тем самым приобучать Россию, и когда часто будет так делатца, то Россия неотменно запертые границы будет почитать за обыкновенное дело и для охранения их мест для нас не будет готовить войска, и когда Россия, приобывнув, не будет предостерегаться, тогда мы удобно можем получить те места, откуда в Россию рухлядь выходит» [АВПРИ, л. 663 об.—664]. Узнав такой «секрет», русские ученики намеревались уведомить о нем российское правительство через людей, отправлявшихся в Кяхту. Но не отважились сделать это, опасаясь того, чтобы их послание не попало бы в Лифаньюань [АВПРИ, л. 665].

Следует отметить, что подобный способ давления на Россию, как прекращение с ней торговых отношений для достижения своих целей, Цинская империя во второй половине XVIII в. использовала неоднократно. Только с 1744 по 1792 г. кяхтинская торговля 10 раз приостанавливалась цинскими властями: «в 1744 г. (на 17 дней), 1747 г. (на 2 дня), 1751 г. (на 1 день), 1753 г. (на 5 месяцев и 3 дня), 1756 г. (на 1 месяц и 7 дней), 1759 (на 11 дней), 1762 г. (на 6 лет), 1775 г. (на 3 дня), 1778 г. (на 2 года и

¹⁷ О нем подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Некоторые аспекты формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам). // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* М., 2014. Вып. XIX. С.364—367.

¹⁸ Мягкая рухлядь — пушнина, меха.

13 дней) и в 1785 г. (на 7 лет)» [Новая история Китая, с. 64]. Это обстоятельство не способствовало в тот период укреплению отношений между двумя государствами.

Вместе с тем в журнале отражена и важная информация о состоянии китайского войска на границе во время приостановки кяхтинского торгога в 1765 г. Об этом ученики узнали от двух солдат (маньчжура и монгола), ненадолго приехавших в Пекин с границы в январе 1776 г. По их словам, в 1765 г. их лагеря были переведены поближе к границе, и в каждый лагерь, по распоряжению императора, предписывалось «кроме старых сорока тысяч, из разных родов, яко-то из манжуров, мунгалов и солонов набрав, прибавить по сороку тысяч человек, кои також-де все приведены были к границам. И в то время такая была строгость, что перемененно одна половина воинства всегда была в военном наряде и в стройной готовности, а другая половина отдых имела, и во время несогласия нашей армии фельдмаршал со дню на день о вступлении в баталию ожидал повелительнова указа» [АВПРИ, л. 667—667 об.].

После возобновления русско-китайской торговли в Кяхте в 1768 г. дополнительные войска с китайской границы были возвращены на свои прежние места, а основной пограничный контингент остался, рассредоточившись лагерями в четырех местах: первый — напротив Нерчинска, второй — напротив Кяхты, третий — между Кяхтой и Усть-Каменогорской крепостью, четвертый — на р. Или. Каждый лагерь, как рассказали солдаты российским ученикам, отстоял от границы на 300 верст и состоял из сорока тысяч человек: по десять тысяч маньчжур и китайцев и двадцать тысяч монголов, сгруппированных в трех куренях¹⁹. В каждом курене строго пресекалось нарушение дисциплины: «чтобы мунгалы безпричинно не имели вход в китайской курень, а китайцы — в манжурской», нельзя было без ведома за версту отходить от лагеря, хотя, по мнению солдат, все эти ограничения были излишни из-за отсутствия на тот момент ссор и несогласий между их государствами [АВПРИ, л. 666 об.—667]. Так, авторам журнала удалось в некоторой степени ознакомиться и с состоянием дел на границе.

Интересными сведениями различного характера наполнены в записках беседы учеников с солонами²⁰, которые в ноябре 1780 г. приезжали с нерчинской границы на «смотр пред государя и для повышения в чыны», а «между досугами» заходили на российский Посольский двор. От них

¹⁹ Курень (*торк.*) — войсковое подразделение и его жилое помещение.

²⁰ Солоны — этнографическая группа эвенков. «Таежные солоны и дауры бассейна Нонни и Сунгари были приписаны к восьми знамёнам в ходе экспансии Цинской империи в конце XVII в. Они были подчинены особому наместнику (*цзунгуань*) с резиденцией в Бутэха к северу от Цицикара». См.: Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 75.

ученики услышали почтительные отзывы о русских воинах: «Мастера от неприятеля отбиваться и употребляют на баталии ружья, пушки и в пальбе очень поспешны» [АВПРИ, л. 682 об.]. Кроме того, ученикам стало известно и похвальное мнение солонов старшего поколения относительно русских: «китайцы всию то могут доспеть²¹, что на яву увидят, а русские не только то могут доспеть, что увидят на яву, но что и во сне видят, то доспеть в состоянии» [АВПРИ, л. 682 об.—683].

На проявленный авторами журнала интерес к тому, «имеются ли рудники золотые и серебряные» на территории Маньчжурии, солоны ответили отрицательно. Но при этом они сообщили, что «в Манжурию каждой год государь из Пекина аки бы на жалование отпускает серебра седм тысяч девять сот телег, котораго серебра малая часть выходит на жалование тамошних людей, а остатне, кое залишком, на сохранение для предков кладут в анбары. И онаго серебра многие уже анбары наполнены» [АВПРИ, л. 683]. Не обсуждая степень достоверности этого известия, ученики вместе с тем отметили, что на самом деле «слыхали от многих здешних китайцов и манжур, что в тамошних местах есть всякая руда, но государь здешний не велит оных открывать» [АВПРИ, л. 683].

Помимо сведений о природных запасах, ученикам в дружеской беседе удалось получить некоторое представление о воинских обязанностях солонов и их повседневной жизни. Воинский долг солонов состоял в несении караульной службы, которая осуществлялась караулами по сто человек в каждой смене. Члены караулов не только стояли на своих постоянных постах, но и ездили в объезд «безпрерывно». За свою работу они получали из казны «по лане на месец». Кроме того, тем из них, кто не пахал пашню, выдавался из казны провиант по мешку в месец. Солоны также добывали себе еду охотой, а поскольку в тех местах покупать было нечего, их жалованье не расходовалось. В целом, по заключению солонов, они были всем довольны [АВПРИ, л. 683 об.].

Военные планы Цинской империи относительно России солонкам были не известны. Однако они сообщили, что «для всякой опасности» у них «в солонском месте приготовлено артиллерии или военного орудия очень довольно, но не только чтоб пушки, ружья были, да еще и материалу для вылития разных орудий» [АВПРИ, л. 683 об.]. Удовлетворили солоны и любопытство русских учеников по поводу их экипировки во время сражений с неприятелем, когда все они получали «панцыри»: «инным железные, инным на бумаге хлопчатой толсто стеганные, инным на шелковых червей кошелках стеганные» [АВПРИ, л. 684]. По замечанию солонов, железные панцири надевали далеко не все из-за того, что после них болели руки и грудь.

²¹ Доспеть — дозреть, дойти, соорудить.

Получили авторы записок и ответ на вопрос об организации китайского войска во время сражений. Выяснилось, что маньчжуры, китайцы и монголы «наблюдают стройность и порядок», а о себе солоны сказали: «Бегаем около неприятельской армии, бьем неприятельскую силу» [АВПРИ, л. 684]. Само же войско строилось в определенном порядке: впереди всегда были китайцы, за ними монголы, за монголами — маньчжуры. Солоны же во время сражений на ровной местности бились на конях, в других случаях — пешими.

Вместе с тем журнальные записки зафиксировали и интерес китайцев к русским и России. В частности, как в них отмечено, китайский император получил от русских перебежчиков прошение с изложением причин их бегства из России. Одна из этих причин состояла в том, что «в Российском государстве старая вера переменилась, и в изображении креста не так слагают персты, как деды и прадеды их слагать научали» [АВПРИ, л. 669 об.]. Император повелел своим подданным собрать сведения о том, «как то вера переменилась, и что то значит изображение креста» [АВПРИ, л. 669 об.]. Причем необходимую информацию по ханскому секретному указу получали двумя путями: офицер из придворной канцелярии выяснял эти вопросы у российского ученика, призванного в Лифаньюань, а в то же самое время другой офицер опрашивал учеников «о вере и о кресте» на Посольском дворе «для большаго удостоверения». Ответы, полученные офицерами, были одинаковые. О них доложили императору [АВПРИ, л. 669 об.— 670].

С таким же пристрастием два придворных офицера по секретному распоряжению китайского императора выясняли, посетив российский Посольский двор, какое кожаное платье, что «оружейная пуля не берет», надевают русские воины во время сражений. Их интересовало, «какова зверя ета кожа, и где етот зверь живет» [АВПРИ, л. 665 об.]. «Едва от смеху удержавшись», ученики, тем не менее, постарались дать правдивый ответ: «Етот зверь живет в Сиверном море подо льдом²², которой временем и на берега выходит, и когда выйдет, тогда ево промышленныя ловят». К тому же ученики добавили, что кожи данного зверя их государство по большей части ежегодно получает в качестве дани от «вновь покореннаго владения²³ на островах Сивернаго моря» [АВПРИ, л. 665 об.].

²² Речь идет, по всей видимости, о моржах, кожа которых очень морщинистая и толстая (на шее и плечах самцов до 10 см). Например, у чукчей наиболее распространенным был доспех из моржовой кожи как наиболее дешевый // *Нефёдкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 48.

²³ По-видимому, речь идет об Алеутских островах, которые со времени Второй Камчатской экспедиции В.И. Беринга (1741) до середины XVIII в. постепенно были открыты русскими.

Глубоким сожалением о покинутой ими «изобильной России» были проникнуты речи двух калмыков, встреченных русскими учениками в Лифаньюане. Калмыки приходили туда, по их словам, каждый день за резолюцией на поданную от имени соотечественников жалобу о разорении их калмыцкими ханами. Собеседники поведали авторам журнала как печальную историю их ухода из России, так и печальный итог этого ухода. «Когда Россия начинала производить баталию с турком²⁴, тогда требовано было из орды нашей в оную армию на помощь несколько тысяч человек. На что как хан наш²⁵, так и начальники ево не соглашались и от сево в нашей орде зделалось между всеми несогласие» [АВПРИ, л. 668]. Хан Убаши с единомышленниками задумал побег в Китайское государство²⁶. Но не все калмыки хотели покинуть Россию. В таком случае их принуждали силою, а многие делались послушными, боясь наказания. Оказавшись в Цинской империи, и простые калмыки, и их ханы попали под присмотр и команду «маньчжурских генералов», которые с калмыцких ханов почти грабежом собирали скот и вещи, а калмыцкие ханы возмещали свой ущерб за счет простых калмыков, пришедших от этого в «великое разорение» [АВПРИ, л. 668].

Таковы основные исторические факты, воспроизведенные учениками 6-й Российской духовной миссии в Пекине в своем журнале. Они содержат сведения о различных областях жизни Цинской империи и касаются вопросов религии, социальных отношений, природных явлений и их последствий, а также демонстрируют интерес китайцев к России. Все эти данные о соседнем с Россией государстве были ценным вкладом в русское китаеведение, в истории которого, помимо этого источника, остался след и каждого из составителей журнала в отдельности: А. Агафонова как автора нескольких переводов с маньчжурского языка, Ф. Бакшеева и А. Парышева как авторов рукописных маньчжурско-русских словарей [Скачков, с. 78—79].

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 653—688.

Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887.

²⁴ Имеется в виду русско-турецкая война 1768—1774 гг., в ходе военных действий которой принимала участие калмыцкая конница.

²⁵ Имеется в виду наместник Калмыцкого ханства, внук хана Аюки хан Убаши (1744—1774).

²⁶ В январе 1771 г. началась откочевка большей части калмыков из русского Поволжья в Джунгарию.

Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань. 1882. 565 с.

Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.: Альянс-Архео. СПб, 2006. 218 с.

Голиков А. П. О менее известных этнополитических группах в восьми знамёнах // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 69—79.

Духовная культура Китая. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. 869 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин (1644—1911). М.: Наука — Восточная литература, 2014. 886.

Нефёдкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 346 с.

Новая история Китая. М., 1972

Постников А.В. Первые шаги России в Средней Азии в первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 2 (45), 2019. С. 81—87.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689-1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

Саркисова Г.И. Некоторые аспекты формирования кадровой политики Коллегии иностранных дел на китайском направлении во второй половине XVIII в. (по архивным материалам). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2014. Вып. XIX. С.359—379.

Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. 505 с.

Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. 1038 с.

Тертицкий К.М. Журнал секретных наблюдений. Вступительная статья к публикации заметок членов Русской православной миссии в Китае в XVIII в. // Восточная коллекция. № 1. 2003, с. 66—77.

Успенский В.Л. Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644—1911) в культурно-историческом контексте эпохи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: Институт востоковедения РАН, 2004. 44 с.

References

Arhiv vneshney politicy Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*, Op. (Inventory) 62/2, 1773—1782, D. (File) 21, L. (p.) 653—688.

Adoratskiy N. (1887). *Istoriya Pekinskoy dukhovnoy missii vo vtoroy period yeye deyatel'nosti (1745—1808)* [The history of the Beijing Orthodox Mission in the second period of its activity], Kazan, Vol. 2. (In Russian).

Bantysh-Kamenskiy N. (1882). *Diplomatic collection of affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792*, Kazan. 565 p. (In Russian).

Bey-guan'. *Kratkaya istoriya Rossiyscoy dukhovnoy missii v Kitae* (2006) [Bei guan. *A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China*], Moscow: SPb, 218 p. (In Russian).

Golikov A.P. (2013). O meneye izvestnykh etnopoliticheskikh gruppakh v vos'mi znamyonakh [Golikov A.P. About lesser-known ethnopolitical groups in eight banners], *Izvestiya Vostochnogo instituta [News of the Oriental Institute]*, No.:1:(21) 69—79. (In Russian).

Dukhovnaya kul'tura Kitaya (2007) [Spiritual culture of China.], Moscow: Oriental literature, Vol. 2, 869 p. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremyon do nachala XXI veka. Dinastiya Tsin (1644—1911) (2014) [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Qing dynasty (1644—1911).], Moscow: Science— Oriental literature, Vol. VI. 886 p. (In Russian).

Nefyodkin A. K. (2003) *Voyennoye delo chukchey (seredina XVII—nachalo XX v.)* [Nefedkin A.K. Military affairs of the Chukchi (mid-17th — early 20th centuries)], SPb.: Petersburg Oriental Studies, 346 p. (In Russian).

Novaya istoriya Kitaya (1972) [New history of China], Moscow: Science, 670 p. (In Russian).

Postnikov A.V. (2019). *Pervyye shagi Rossii v Sredney Azii v pervoy polovine XIX v.* [Postnikov A.V. Russia's first steps in Central Asia in the first half of the 19th century], *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]*, No 2 (45): 81—87. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], Moscow: *Monuments of Historical Thought*, 2004. 694 p. (In Russian).

Sarkisova G.I. (2014). *Nekotoryye aspekty formirovaniya kadrovoy politiki Kollegii inostrannykh del na Kitayskom napravlenii vo vtoroy polovine XVIII v. (po arkhivnym materialam)* [Sarkisova G.I. Some aspects of the formation of the personnel policy of the Collegium of Foreign Affairs in the Chinese direction in the second half of the XVIIIth century. (based on archival materials).], *Kitay v mirovoy I regionalnoy politike. Istoriya I sovremennost. [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XIX: 359—379. (In Russian).

Skachkov P.E. (1977). *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Skachkov P.E. Essays on the history of Russian Sinology], Moscow: Science, 505 p. (In Russian).

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya (1967) [Soviet historical encyclopedia], Moscow: Soviet encyclopedia, Vol. 10, 1038 p. (In Russian).

Tertitskiy K.M. (2003). *Zhurnal sekretnykh nablyudeniy. Vstupitel'naya stat'ya k publikatsii zametok chlenov Russkoy pravoslavnoy missii v Kitae v XVIII v.* [Tertitsky

K.M. Journal of Secret Observations. Introductory article to the publication of notes by members of the Russian Orthodox Mission in China in the XVIIIth century.], *Vostochnaya kolleksiya [Oriental collection.]*, No. 1. 66—77. (In Russian).

Uspenskiy V.L. (2004). Tibetskiy buddizm v Pekine pri dinastii Tsin (1644—1911) v kul'turno-istoricheskom kontekste epokhi [*Uspenskiy V.L.* Tibetan Buddhism in Beijing during the Qing Dynasty (1644—1911) in the cultural and historical context of the era], *Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doctora istoricheskikh nauk. [Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]*, St. Petersburg: Institute of Oriental Studies RAS, 44 p. (In Russian).

Б.Н. Горбачев

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ РФ И КНР О ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ОТ 24 НОЯБРЯ 1992 г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется значение межправительственного соглашения между РФ и КНР от 24 ноября 1992 г. для развития двустороннего военно-технического сотрудничества (ВТС). Автор выделяет основные результаты ВТС для российско-китайских отношений, достигнутые в период со второй половины 1990-х годов: углубление взаимопонимания и доверия, расширение масштабов и темпов сотрудничества в различных областях (военной, экономической, научно-технической и др.), пограничное урегулирование, укрепление безопасности России и Китая и их позиций на мировой арене. В то же время отмечаются проблемные вопросы, которые возникали при реализации такого многопланового и масштабного вида внешнеэкономической и военно-политической деятельности, как ВТС: копирование китайской стороной российской продукции военного назначения (ПВН); сложности перехода от бартера к расчетам в СКВ; отдельные трудности в послепродажном обслуживании российской ПВН, поставленной в Китай; опасения российской стороны по поводу возможной конкуренции на мировых рынках ПВН и др. В статье показаны основные достижения в российско-китайском ВТС и дается оценка его современному состоянию, которое является важным показателем политического доверия в российско-китайских отношениях в нынешней сложной международной обстановке.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, соглашение между правительствами РФ и КНР, военно-техническое сотрудничество (ВТС) между Россией и Китаем.

Автор: Горбачев Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук РФ.

ORCID: 0000-0002-6553-8486. E-mail: borisgorbachev@yandex.ru

B.N. Gorbachev

**AGREEMENT BETWEEN THE GOVERNMENTS OF THE RF
AND THE PRC ON MILITARY-TECHNICAL COOPERATION
OF NOVEMBER 24, 1992 AND ITS IMPORTANCE
FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS**

Abstract. The article analyzes the significance of the intergovernmental agreement between the Russian Federation and the People's Republic of China dated November 24, 1992 for the development of bilateral military-technical cooperation (MTC). The author highlights the main results of military-technical cooperation for Russian-Chinese relations, achieved since the second half of the 1990s: deepening mutual understanding and trust, expanding the scale and pace of cooperation in various fields (military, economic, scientific and technical, etc.), border settlement, strengthening the security of Russia and China and their positions on the world stage. At the same time, problematic issues that arose during the implementation of such a multifaceted and large-scale type of foreign economic and military-political activity as MTC are noted: copying by the Chinese side of Russian military products; difficulties of transition from barter to settlements in free convertible currency; some difficulties in the after-sales service of Russian military products delivered to China; fears of the Russian side about possible competition in the world arms markets, etc. The article shows the main achievements in Russian-Chinese military-technical cooperation and assesses its current state, which is an important indicator of political trust in Russian-Chinese relations in the current difficult international situation.

Keywords: Russian-Chinese relations, agreement between the governments of the Russian Federation and China, military-technical cooperation (MTC) between Russia and China.

Author: Boris N. Gorbachev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, ORCID:0000-0002-6553-8486. E-mail: borisgorbachev@yandex.ru

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) — важнейшая составная часть отношений между Россией и Китаем. Тесно переплетаясь с военным взаимодействием, оно имеет длительную и непростую историю, отражающую объективную необходимость двух соседних государств совместно противостоять внешним угрозам, укреплять атмосферу дружбы и доверия между нашими странами и народами.

В конце 1980-х годов по мере нормализации двусторонних межгосударственных отношений СССР и КНР были созданы условия для возобновления военно-технического сотрудничества двух стран, прекратившегося в начале 1960-х годов из-за разногласий между руководителями Советского Союза и Китая.

В результате в июне 1990 г. в Москве состоялось первое заседание советско-китайской межправительственной комиссии по ВТС, на котором было подписано двустороннее соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Однако в связи с прекращением существования СССР в декабре 1991 г. оно перестало действовать.

Поэтому 24 ноября 1992 г. было подписано Соглашение уже между правительствами РФ и КНР о военно-техническом сотрудничестве, которое имело большое значение для перспектив российско-китайских отношений. По существу, это было переподписание советско-китайского межправительственного соглашения по ВТС с минимальными правками. В ходе корректировки проекта документа были устранены упоминания о возможности бартерной формы оплаты, но оставлено указание на возможность расчетов в СКВ [Гончаров, с. 86—87]. В дополнение к этому документу в ходе визита президента России Б.Н. Ельцина в Китай был подписан Меморандум о понимании между правительствами РФ и КНР о ВТС от 18 декабря 1992 г. В последующем правовая база российско-китайского ВТС была закреплена Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г., в котором были отражены основные принципы и направления двустороннего взаимодействия.

Реализация Соглашения о ВТС от 24 ноября 1992 г. позволила России и Китаю получить важные результаты для укрепления российско-китайских отношений в целом:

- ВТС, находясь в авангарде политической нормализации межгосударственных отношений, помогло углубить взаимопонимание и доверие между нашими странами и народами;

- развернулось военное сотрудничество, особенно после подписания между министерствами обороны РФ и КНР соответствующего соглашения от 11 ноября 1993 г. (визиты делегаций разного уровня, военные учения, обучение военнослужащих и др.);

- расширились масштабы и темпы сотрудничества в экономической, научно-технической и других областях;

- ускорилось пограничное урегулирование (подписаны соглашения о советско-китайской государственной границе на ее восточной (16.05.1991) и западной части (03.09.1994));

- укреплялась безопасность в России, и Китая (подписаны Меморандум о взаимопонимании по вопросам взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе границы (18.12.1992), соглашения о предотвращении опасной военной деятельности (12.07.1994) и др.;

- укреплялись позиции РФ и КНР на международной арене.

В то же время каждая сторона приобрела свой конкретный выигрыш от двустороннего ВТС. Так, российский ВПК, оказавшийся без собствен-

ного оборонного заказа, получил значительную экономическую помощь; китайские контракты способствовали сохранению научно-исследовательского и опытно-конструкторского потенциала российских предприятий; за счет выполнения китайских заказов была ликвидирована часть кредитной задолженности бывшего СССР перед Китаем; улучшилась структура внешнеэкономической деятельности РФ, российский рынок наполнялся товарами народного потребления.

Китайская сторона сумела ускорить перевооружение своей армии и модернизировать в короткие сроки многие отрасли китайского ВПК (при этом российская продукция военного назначения [ПВН] превосходила западные образцы вооружений по критерию «стоимость—эффективность» и была в 1,5—2 раза дешевле) [Каменнов, с. 213—214]; получить выгодные условия расчетов (бартер, товарные поставки, погашение задолженности), укрепить свои военно-политические позиции в регионе АТР, в том числе в отношении тайваньского вопроса [Клименко].

В такой масштабной и многоплановой деятельности, как ВТС, естественно, возникали вопросы и проблемы, взаимная неудовлетворенность отдельными аспектами работы сторон. В основном это касается периода конца 1990-х — начала 2000-х годов.

Так, российская сторона со временем посчитала невыгодным условия расчетов по бартеру. Стороны постепенно совершенствовали механизм взаиморасчетов и в 2002 г. перешли на 100%-ную оплату в СКВ без обязательств российской стороны по встречным поставкам китайских товаров [Гончаров, с. 139]. Особенно острой была проблема копирования и клонирования российской ПВН, неконтролируемого использования российских технических решений [Калинина, с. 151, 157; Барабанов, с. 187]. В связи с этим появилась необходимость укрепления механизма охраны интеллектуальной собственности в процессе ВТС. В этих целях в декабре 2008 г. стороны подписали соответствующее соглашение. В феврале 2013 г. была создана совместная рабочая группа, которая должна была заниматься защитой интересов обеих сторон в области интеллектуальной собственности [Горбачев, с. 128—129]. В контракты были введены дополнительные защитные оговорки.

Беспокоила российских экспортеров и растущая конкуренция со стороны китайских производителей на мировых рынках вооружений, особенно в странах Азии и Африки. В свою очередь, в Китае существовало мнение, что Россия в рамках своей многовекторной политики в Азиатском регионе, экспортируя свое оружие в Индию, Вьетнам и ряд других стран, преследует не только коммерческий интерес, но и усиливает региональных конкурентов Пекина [Хетагуров].

У китайской стороны возникали и другие претензии. Например, в отношении длительности сроков согласования новых проектов сотрудниче-

ства, особенно по чувствительной тематике, аннулирование подписанного в 2005 г. контракта на поставку в КНР самолетов типа Ил-76 и Ил-78, неудовлетворенность качеством отдельных видов российской ПВН, медленное послепродажное обслуживание поставленного в КНР российского вооружения [ВТС России, с. 346].

Важную направляющую роль в процессе военно-технического взаимодействия между Россией и Китаем играет Российско-Китайская межправительственная комиссия по военно-техническому развитию (далее — Комиссия ВТС), созданная в 1992 г. Она на плановой основе осуществляет координацию деятельности сторон в этой области, которая ведется на принципах равенства, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела друг друга, взаимного уважения суверенитета и учета интересов каждой из сторон. Заседания Комиссии проводятся, как правило, ежегодно поочередно в каждой из стран. За прошедший период проведено свыше 20 заседаний.

Со временем совершенствовался механизм работы Комиссии ВТС. В рамках её Постоянной рабочей группы была создана подгруппа по послепродажному обслуживанию, которая принимает меры по своевременному решению возникающих вопросов, что даёт возможность совершенствовать обслуживание, ремонт и эксплуатацию российской ПВН в течение всего жизненного цикла вооружений, включая доработку и модернизацию.

С середины 1990-х годов *Китай является одним из главных импортеров российских вооружений*. Масштабы и динамика ВТС в разные годы носила неравномерный характер. Так, в период с 1993 по 2000 г. доля Китая составляла в среднем 40—45 % российского оружейного экспорта, а в 2000 г. она составила около 60 %. В 2002 г. зафиксирован максимальный уровень предыдущих лет — 2,7 млрд долл. В период с 2004 г. начался спад закупок, особенно готовой продукции. В 2011 г. объем закупок составил около 0,5 млрд долл. В 2012 г. на Китай пришлось уже только 12 % от общего объема экспортных поставок России [Барabanов, с. 137—138, 183].

В 2013 г. последовали переговоры о закупке у России новых изделий: истребителей Су-35, ЗРС С-400, авиационных двигателей и вертолетов, — что свидетельствовало о новом этапе и активизации российско-китайского военно-технического сотрудничества. В 2016 г. объем реализованных поставок ПВН в Китай превысил 3 млрд долл., что составило примерно 20 % российского оружейного экспорта, а общий портфель китайских заказов составил около 8 млрд долл. [Габуев]

Основным сегментом российской ПВН, экспортированной в КНР, являлась авиационная техника. В период с 1992 г. в Китай поставлено более 300 различных самолетов типа Су-27 (включая лицензионного производства), а также Су-30МКК, Су-30МК2, Су-35, Ил-76. Экспортировано свыше 600 вертолетов типа Ми-8, Ми-171, Ка-28, Ка-31, Ка-32А11ВС,

«Ансат» и других типов и модификаций [Барабанов, с. 139—140; Китай продолжает].

Наиболее крупные программы сотрудничества приходятся на тематику поставки, модернизации и разработки авиадвигателей типа АЛ-31 разных модификаций, АЛ-41Ф-1С, РД-93 и Д-30КП2 для китайской авиационной промышленности и ВВС НОАК. Дополнительно в 2021—2022 гг. в Китай поставлено около ста турбовальных двигателей ВК-2500ПС-03 для вертолетов [Китай продолжает].

В качестве средств ПВО Китай закупил у России свыше 150 пусковых установок ЗРК С-300 различных модификаций и шесть батарей войсковой ЗРС «Тор-М1». В 2018—2020 гг. была поставлена современная ЗРС С-400 [Горбачев, с. 167, 209].

Поставки военно-морской техники и вооружений для ВМС включали в себя 12 дизельных подводных лодок, четыре эскадренных миноносца проекта 956Э и 956ЭМ с мощным ракетным и зенитным вооружением, оборудование для наземных объектов флота [ВТС России. с. 344].

Кроме того, в Китай поставлялась некоторая продукция для сухопутных войск, выполнены заказные и совместные НИОКР в интересах вооруженных сил и военной промышленности. Все это, безусловно, оказало существенное влияние на укрепление боевой мощи НОАК и развитие оборонно-промышленного комплекса КНР.

В свою очередь, экспортные заказы в 1990-х и начале 2000-х годов имели большое значение для российского ОПК, так как давали возможность российским предприятиям получить полную загрузку на определенный период времени, выделить средства на НИОКР для дальнейшего усовершенствования собственной продукции и создания ее новых образцов и модификаций.

Важным импульсом для российско-китайского ВТС стал переход двусторонних отношений на новый уровень глобального стратегического партнерства. Этому способствовали сходные с Китаем позиции Москвы по важным внешнеполитическим проблемам и поддержка её Пекином в условиях нараставшей антироссийской компании, развернутой Западом. Новый формат стратегического партнерства заметно углубил сотрудничество в военной и военно-технической сфере.

В то же время в связи с высоким уровнем развития собственного оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Китай стремился к приобретению не столько конечной ПВН или ее копированию, сколько к получению связанных с ней передовых технологий и оборудования для модернизации собственных оборонных предприятий. В этих условиях между Россией и Китаем произошла активизация сотрудничества в области НИОКР.

В 2020—2022 гг. ограничения из-за распространения пандемии COVID-19, по существу, прекратили непосредственное взаимодействие

специалистов между Россией и Китаем. Контакты сторон осуществлялись преимущественно по видеоконференцсвязи, затормозив реализацию ряда проектов. Возникали задержки в поступлении валютной выручки, создавая кассовый разрыв в расчетах с предприятиями кооперации [Загорская]. По мере снятия карантинных ограничений в 2023 г. ситуация стала улучшаться. Однако неблагоприятным фактором для российско-китайского ВТС остаются санкции США и других стран, особенно усилившиеся после начала СВО на Украине. Они затрудняют взаимодействие России и Китая, оказывая негативное воздействие на двустороннее сотрудничество, в том числе в сфере ВТС. Однако стороны стремятся приспособиться к складывающейся реальности, чтобы не остановить взаимодействие. Для импорта отдельных компонентов ПВН вырабатываются альтернативные источники поставок, активизируется импортозамещение за счет внутреннего производства, нарушенные логистические цепочки требуют поиска новых логистических решений по доставке готовой ПВН. Стороны разрабатывают соответствующие меры по своевременному осуществлению расчетов за поставки и услуги реализуемых контрактов¹.

С учетом нынешнего высокого потенциала ОПК КНР, целесообразным представляется превращение российско-китайского ВТС в улицу с двусторонним движением. Наступило время, когда Россия не только будет предлагать свою военную продукцию Китаю, но и закупать отдельные китайские образцы ПВН для своей армии, изделия и комплектующие для российской оборонки, а какие-то образцы и системы разрабатывать совместно с учетом достижений и преимуществ каждой из сторон.

Сторонам следует рассмотреть варианты более активного индустриального партнерства. Такое сотрудничество может стать перспективным направлением взаимодействия, особенно если оптимизировать работу российских и китайских участников ВТС, освободив ее от излишних бюрократических барьеров.

На международном военно-техническом форуме «Армия-2022» в парке «Патриот» в августе 2022 г. была развернута экспозиция продукции ВПК КНР, которая включала шесть разделов, демонстрировавших 83 экспоната реальных образцов и макетов продукции военного и двойного назначения [Тянь Бин]. По этому поводу в китайских СМИ высказывались мнения, что «наши страны должны осуществлять взаимовыгодный обмен, вместе устранять узкие места друг у друга (短板互补)». Россия

¹ Тема неплатежей за поставленную продукцию была затронута президентом РФ В. Путиным при посещении одного российского оборонного предприятия. Не называя конкретные страны, он отметил, что «некоторые наши иностранные заказчики, к сожалению, не выполняют в полном объеме своих обязательств: получили готовую продукцию, но не рассчитываются». («Независимое военное обозрение». 27 января — 2 февраля 2023 года. № 3. С. 2).

могла бы заинтересоваться китайскими разработками в области кораблестроения, БПЛА и электронной техники. А Китай заинтересован в приобретении российских авиадвигателей, вертолетов, другой современной ПВН и необходимых передовых оборонных технологий [Чжунго уци]. Полагаем, что стороны будут исходить из реальной ситуации, чтобы в ходе дальнейшего сотрудничества взаимно дополнять друг друга, не нарушая баланс интересов своих стран в общем контексте нынешней сложной мировой ситуации.

Практика двусторонних отношений говорит о том, что военное и военно-техническое сотрудничество, как и российско-китайское стратегическое партнерство в целом, имеют долговременный характер и не направлены против безопасности других государств. Россия и Китай стремятся, насколько это возможно, расширять масштабы, углублять качественное взаимодействие, создавая новые форматы сотрудничества, чтобы они соответствовали потенциалу наших стран с учетом их реальных возможностей и баланса интересов.

Залогом устойчивого российско-китайского ВТС являются тесные дружеские отношения между главами наших государств, которые придают большое значение взаимодействию наших стран в области безопасности и определяют глубину, характер и направленность сотрудничества в военной и военно-технической сферах.

В совместном заявлении от 21 марта 2023 г., подписанном Президентом России В.В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином, сказано о намерениях сторон «оказывать решительную взаимную поддержку в вопросах защиты коренных интересов друг друга, прежде всего суверенитета, территориальной целостности, безопасности и развития». Кроме того заявлено: «Стороны будут регулярно проводить совместные патрулирования на море и в воздухе и совместные учения, развивать обмены и сотрудничество, в том числе в рамках всех имеющихся двусторонних механизмов взаимодействия, углублять взаимодоверие между вооруженными силами двух стран» [Совместное].

В связи с изменением формата геополитического партнерства РФ и КНР по глобальным международным проблемам происходит переход российско-китайского ВТС на другой уровень. Оно, как и военное взаимодействие двух стран, будет вестись, полагаем, без излишней поспешности и публичности, сохраняя определенные пределы с учетом непростого, многофакторного и противоречивого баланса интересов Москвы и Пекина, а также сложной мировой обстановки, особенно в условиях острой ситуации вокруг Украины в Европе и обстановки вокруг Тайваня в АТР.

В нынешних условиях санкционное давление Запада и действий США против России и Китая еще сильнее подталкивают наши страны к углублению сотрудничества в военной области, в том числе по линии

военно-технического сотрудничества. Благоприятным фактором его развития является то обстоятельство, что после обновления в военно-политическом руководстве Китая, произошедшем на XX съезде КПК и на сессии ВСНП в 2023 г., на важных позициях остались военачальники, которые имеют значительный практический опыт ВТС с Россией. На встрече с В.В. Путиным в Москве 16 апреля 2023 г. генерал-полковник Ли Шанфу² заявил: «В последнее время сотрудничество России и Китая в военной и военно-технической областях развивается очень хорошо. Это вносит большой вклад в обеспечение безопасности глобальной и региональной... После того как я занял должность министра обороны КНР, это мой первый зарубежный визит. Я специально выбрал для этого Россию, для того чтобы подчеркнуть особый характер и стратегическое значение наших двусторонних отношений» [Встреча].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что деятельность по реализации Соглашения о военно-техническом сотрудничестве между РФ и КНР от 24 ноября 1992 г. внесла весомый вклад в развитие российско-китайских связей, которые ныне характеризуются отношениями всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Они стремятся быть независимыми от внешнего влияния, насколько это возможно. Таков стратегический выбор наших народов, основанный на национальной специфике России и Китая. Этот курс отвечает коренным интересам двух государств и их народов, соответствует современным тенденциям развития мировой обстановки.

Библиографический список

Баранов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 2013. 272 с.

Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы / под ред. Н.И.Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 283 с.

Встреча с Министром обороны КНР Ли Шанфу//Сайт Президента России. 16.04.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70941> (дата обращения: 15.05.2023).

ВТС России. Исторический очерк / под общ. ред. А.П.Исайкина. М.: Kremlin Multimedia, 2013. 432 с.

² 24 октября 2023 г. по итогам сессии Постоянного комитета ВСНП Ли Шанфу уволен с должности члена Госсовета КНР и министра обороны. Причины такого решения не сообщались (Синьхуа. 24.10.2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1780637242206067879&searchword=李尚福>). — Б.Г.

Габуев А., Кашин В. Вооруженная дружба: как Россия и Китай торгуют оружием // Московский Центр Карнеги. 02.11.2017. URL: <http://carnegie.ru/publication/s/74601> (дата обращения: 12.04.2023)

Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века (с переводом избранных фрагментов из воспоминаний генерал-полковника Лю Хуацина). М.: Ин-т вост. РАН, 2013. 312 с.

Горбачев Б. Россия — Китай: вехи военно-технического сотрудничества: книга-фотоальбом/перевод кит. части текста Гао Фэн. М.: ООО «Пента», 2019. 324 с.

Загорская О. ВТС России — 2020 год//Новый оборонный заказ. Стратегия». 2021. № 2 (67). URL: <https://dfnc.ru/vtc/vts-rossii-2020-god/> (дата обращения: 12.04.2023).

Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М.: ИДВ РАН, 2009. 224 с.

Китай продолжает покупать российские авиационные двигатели // Военно-промышленный курьер. 03.12.2020. URL: https://vpk.name/news/467825_kitai_prodolzhayet_pokupat_rossiiskie_aviacionnye_dvigateli.html (дата обращения: 21.04.2023).

Клименко А.Ф. Российско-китайское военное сотрудничество//Сахалинское информационно-аналитическое агентство. 21.10.2011. URL: <http://www.siaa.ru/?hd&id=152903&page=0&pg=2&type=3> (дата обращения: 11.04.2023).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Сайт Президента России. 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 23.03.2023).

Хетагуров А. Политика России в сфере ВТС. Китай//Рос. совет по межд. политике. 05.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/politika-rossii-v-sfere-vts-kitay/> (дата обращения: 03.09.2022).

Тянь Бин. Э фанчжан шаоигу цаньгуань «цзюньдуй -2022» луньтань чжунго фаньгу чжаньцой (Тянь Бин. Министр обороны России Шойгу посетил на форуме «Армия-2022» оборонную экспозицию Китая/Чжунго синьвэньван. 22.08.2022. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-08/22/35968921.html> (дата обращения: 30.08.2022).

Чжунго уци чжуанбэй даолэ моськэ, чжы яо э цзюнь фанся мяньцзы, цзю нэн шысянь «сяньдайхуа» (Китайское вооружение прибыло в Москву. Российская армия не может добиться «модернизации», пока не изменит своего лица)/Чжаньху чжику. 21.08.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1741782374233454410&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.08.2022).

References

Baranov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V. Oboronnaya promyshlennost I torgovlya vooruzheniyami KNR [Defense industry and arms trade of China]. М.: ros. in-strategy. issled, 2013. 272 p. (In Russ.)

Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s inostrannymi gosudarstvami: osnovny-problemy i perspektivy/ Pod red. N.I. Kalininoj. [Military-technical cooperation between Russia and foreign states: fundamentals, problems and prospects] Moscow: IMEMO RAN, 2010. 283 p. (In Russ.)

Vstrecha s ministrom oborony KNR Li Shanfu [Meeting with Chinese Defense Minister Li Shangfu]// Website of the President of Russia. 16.04.2023.

URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70941> (accessed: 15.05.2023). (In Russ.)

VTS Rossii. Istoricheskij ocherk/Pod. obshch. red. A.P. Isajkina [MTC of Russia. Historical outline] M.: Kremlin Multimedia, 2013. 432 p. (In Russ.)

Gabuev A., Kashin V. Vooruzhennaya druzhba:kak Rossiya i Kitaj torguyut oruzhiem [Armed friendship: how Russia and China trade arms]// Moscow Carnegie Center. 02.11.2017. URL: <http://carnegie.ru/publications/74601> (accessed: 12.04.2023) (In Russ.)

Goncharov S.N. Zametki o voenno-tehnicheskome sotrudnichestve Kitaya s SSSR I Rossiej vo 2-j polovine XX veka s perevodom izbrannyh fragmentov iz vospominanij general-polkovnika Liu Huaqina [Notes on China's military-technical cooperation with the USSR and Russia in the 2nd half of the 20th century (with translation of selected fragments from the memoirs of Colonel-General Liu Huaqing)] Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013. 312 p. (In Russ.)

Gorbachev B. Rossiya-Kitaj: vekhi voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva: kniga-fotoalbom/perevod kit. Chasti teksta — Gao Feng [Russia — China: milestones of military-technical cooperation: a book-photoalbum / translation from Chinese. parts of Gao Feng's text] M.: OOO "Penta", 2019. 324 p. (In Russ. and Chin.)

Zagorskaya O. VTS Rossii -2020 god [MTC of Russia — 2020//New defense order. Strategy]. 2021. № 2 (67). URL: <https://dfnc.ru/vtc/vts-rossii-2020-god/> (accessed: 12.04.2023). (In Russ.)

Kamennov P.B. KNR: voennaya politika na rubezhe vekov [PRC: military policy at the turn of the century] Moscow: IFES RAS, 2009. 224 p. (In Russ.)

Kitaj prodolzhaet pokupat rossijskie aviacionnye dvigateli [China continues to buy Russian aircraft engines]// Military Industrial Courier. 03.12.2020. URL: https://vpk.name/news/467825_kitaj_prodolzhaet_pokupat_rossiiskie_aviacionnye_dvigateli.html (accessed: 21.04.2023). (In Russ.)

Klimenko A.F. Rossijsko-kitajskoe voennoe sotrudnichestvo [Russian-Chinese military cooperation]// Sakhalin Information and Analytical Agency. 21.10.2011. URL: <http://www.siaa.ru/?hd&id=152903&page=0&pg=2&type=3> (accessed: 11.04.2023). (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR ob uglublennij otnoshenij vseobemlyushchego partnyorstva i strategicheskogo vzaimodejstviya vstupyayushchih v novuyu ehphu

[Joint statement of Russia and China on deepening of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era] // Website of the President of Russia. 21.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (accessed: 23.03.2023). (In Russ.)

Hetagurov A. Politika Rossii v sfere VTS. Kitaj [Russian policy in the field of military-technical cooperation. China]// Russian Council for International politics. 05.09.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/politika-rossii-v-sfere-vts-kitaj/> (accessed: 03.09.2022). (In Russ.)

田冰.俄防长绍伊古参观“军队-2022”论坛中国防务展区//中国新闻网 [Tian Bing. Russian Defense Minister Shoigu visited China's defense exposition at the Army-2022 forum]// China News Network. 22.08.2022. URL: <https://m.gmw.cn/baijia/2022-08/22/35968921.html> (accessed: 30.08.2022). (In Chin.)

中国武器装备到了莫斯科，只要俄军放下面子，就能实现“现代化” // [Chinese weapons and equipment have arrived in Moscow, as long as the Russian army puts down face, it can realize “modernization”]//Zhanhu Think Tank. 21.08.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1741782374233454410&wfr=spider&for=pc> (accessed: 30.08.2022). (In Chin.)

Н.В. Смирнова, Чжао Линьлин

ОНО КАДЗУКО О ДВИЖЕНИИ ПРОТИВ БИНТОВАНИЯ НОГ В ЦИНСКОМ КИТАЕ КОНЦА XIX В.

Аннотация. В статье исследовано движение против бинтования ног в Цинском Китае конца XIX в. в книге японского ученого Оно Кадзуко «Китайские женщины в век революции, 1850—1950». Представлен анализ взглядов выдающихся реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао, в которых затрагивается вопрос о правах китайских женщин.

Ключевые слова: историография, Оно Кадзуко, женский вопрос, движение против бинтования ног, Цинский Китай конца XIX в.

Авторы: Смирнова Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. E-mail: burlana@mail.ru

ORCID 0000-0002-5225-8543.

Чжао Линьлин, аспирантка, преподаватель кафедры РКИ и прикладной лингвистики Института филологии Петрозаводского государственного университета. E-mail: lvenmalin@icloud.com ORCID 0000-0002-8721-3812.

N.V. Smirnova, Zhao Linlin

KAZUKO'S ONO ON THE MOVEMENT AGAINST FOOTBINDING IN QING CHINA IN THE LATE 19th CENTURY

Abstract. The article examines the anti-footbinding movement in Qing China in the Late 19th century in Japanese scientist's book Ono Kazuko "Chinese Women in a Century of Revolution, 1850—1950". An analysis of some views of the prominent reformers Kang Youwei and Liang Qichao essay's, in which the issue of Chinese women's rights was raised, is presented.

Keywords: historiography, Ono Kazuko, women's issue, anti-footbinding movement, Qing China in the Late 19th century

Authors: Smirnova Natalia, Ph.D. in History, Associate Professor, Department of World History, Political Science and International Relations Petrozavodsk State University. E-mail: burlana@mail.ru

Zhao Linlin, Postgraduate, Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language and Applied Linguistics Petrozavodsk State University. E-mail: lvemmalin@icloud.com

Оно Кадзуко в книге «Китайские женщины в век революции, 1850—1950» [Ono Kazuko] анализирует движение против бинтования ног¹ в Цинском Китае конца XIX в., которое являлось частью более масштабного движения за эмансипацию китайских женщин. Исследование японского ученого вышло в свет в Токио в 1978 г., а в 1989 г. дополненное издание было переведено на английский язык под редакцией американско-канадского китаеведа, специалиста по истории современного Китая, переводчика Джошуа А. Фогеля. В 1960-е годы Оно Кадзуко стала первой женщиной-студенткой Киотского университета, изучавшей проблемы Восточной Азии и постепенно заинтересовавшейся историей жизни китайских женщин в период Цин. В 1968 г. в журнале «Шисо» (Shiso) была опубликована первая работа автора под названием «Мысль об освобождении женщин в конце династии Цин». Затем Оно Кадзуко пригласили в Женский университет Нара читать лекции на тему «История женского движения в современном Китае» (начиная с восстания тайпинов и заканчивая периодом после 1949 г.).

Двумя главными вдохновителями, организаторами и участниками движения против бинтования ног в конце XIX в. стали видные реформаторы пров. Гуандун Кан Ювэй (1858—1927), родом из Наньхая, и Лян

¹ Джеймс Гао в «Историческом словаре современного Китая (1800—1949)» [Gao] характеризует движение против бинтования ног следующим образом: в XIX в. тайпинские повстанцы, выступая за гендерное равенство, боролись с бинтованием ног. В последующие годы и китайские реформаторы, и иностранные миссионеры выступали за искоренение этого обычая. В период с 1875 по 1878 г. Globe Magazine под редакцией американского методистского миссионера в Китае Джона Аллена Янга (Young John Allen) (1836—1907) опубликовал серию статей с критикой этой практики. В 1895 г. в Шанхае было основано первое Общество естественной стопы (Тяньцзухуэй), а миссис Арчибальд Литтл (Mrs. Archibald Little) (1845—1926) стала его первым президентом. Позже Кан Ювэй организовал Ассоциацию прекращения бинтования ног в пров. Гуандун, а император Гуансюй, поддержав инициативу Кан Ювэя, приказал всем другим провинциям последовать его примеру. К сожалению, эти первые усилия провалились в период 100 дней реформ 1898 г. Тем не менее вдовствующая императрица Цыси, в конце концов, приказала правительству убедить людей прекратить эту практику в 1902 г. Через несколько дней после Учанского восстания 1911 г. Хубэйское военное правительство опубликовало записку, призывавшую женщин освободить свои ноги. 13 марта 1912 г. временный президент Китайской Республики Сунь Ятсен издал приказ о запрете бинтования ног, который стал законом Китайской Республики в 1932 г. Практика бинтования ног пошла на убыль в начале XX в. и постепенно исчезла в континентальном Китае в 1950-х годах.

Цичао (1873—1929), родом из Синьхуэя. Оно Кадзуко замечает, что Кан Ювэй начал движение, когда ему стало известно о вреде, причиняемом этой практикой. Его дочери, Кан Тунвэй и Кан Тунби, не бинтовали ноги, что было довольно смелым поступком. В 1883 г. Кан Ювэй создал Общество против бинтования ног после обсуждения этого вопроса с находившимся в то время в США Цюй Эляном. Однако деятельность общества не привела к каким-либо переменам в жизни женщин. В 1895 г. младший брат Кан Ювэя Кан Гуанжэнь основал еще одно общество против бинтования ног. Примерно в то же время началось движение за «естественную стопу», организованное в первую очередь женами иностранных миссионеров².

Ассоциация прекращения бинтования ног официально возникла в Шанхае 30 июня 1897 г. [Оно Kazuko, p. 33] Вскоре подобные организации были основаны в Хунани, Цзядине и Фучжоу. С ростом движения Кан Ювэй представил императору Гуансюю «Меморандум с просьбой запретить бинтование ног девочкам» в период знаменитых 100 дней реформ в июне 1898 г. В меморандуме Кан Ювэй подчеркнул безответственность нанесения увечий телу и аргументировал свое несогласие с практикой бинтования ног: «Я разделяю точку зрения правительства, обычай наказывает невинных женщин... причиняет вред родительской доброте и любви... приводит к болезни... ослабляет потомство, что, в свою очередь, подрывает военную мощь государства... вызывает критику со стороны других народов, известных как “варвары”» [Оно Kazuko, p. 33]. Кан Ювэй в меморандуме 1898 г. рассматривал обычай бинтования ног как устаревший пережиток прошлого, который помешал Китаю занять свое законное место в современном ему мире. Реформатор потребо-

² В Введении к книге американского историка Говарда Леви «Бинтование ног в Китае: история любопытного эротического обычая» [Levy, p. 18] американский социолог Вольфрам Эберхард акцентирует, что маньчжурские завоеватели Китая в XVII в. были первыми, кто выступил против обычая бинтования ног. Китайский обычай был призван подчеркнуть как нравственную чистоту женщины, так и общественный статус мужчины, который, вступая в брак с женщиной с забинтованными ногами, доказывал всему миру, что достаточно богат, чтобы прокормить семью, и не нуждается в помощи женщины. В конце XVIII — начале XIX в., задолго до того, как западные идеи о гендерном равенстве проникли в Китай, китайские лидеры начали бороться за права женщин, включая борьбу с бинтованием ног. Знаменитый роман «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань»), написанный в 1810—1820 г., содержит целую программу эмансипации женщин. Ли Жучжэнь поднимает женский вопрос, осуждает практику бинтования ног девочкам. В дальнейшем иностранные миссионеры и их жены включились в борьбу не столько за равноправие китайских женщин, сколько против «неестественных» обычаев. Движение против бинтования ног в конечном итоге привело к изданию императорского указа 1902 г. о запрете бинтования ног девочкам — первому шагу в деле отмены этого обычая.

вал запретить дальнейшее бинтование ног и приказать всем женщинам освободить ноги для обогащения нации и укрепления военного потенциала государства.

В 1896—1897 гг. на страницах журнала «Шиубао» (1896—1898) Лян Цичао написал два эссе: «Рассуждения об Обществе против бинтования ног» («Шиубао» 16 [Dec I, 1896]), «Краткие правила экспериментального Общества против бинтования ног» («Шиубао» 25 [Arg. II, 1897])³. Лян Цичао рассказал о жестокости нанесения телесных повреждений невинным женщинам, вызванных обычаем бинтования ног. Лян Цичао предложил конкретный план искоренения этого обычая в «Кратких правилах экспериментального Общества против бинтования ног» [Ono Kazuko, p. 32—33]. Членам ассоциации было рекомендовано не бинтовать ноги своим дочерям и советовать сыновьям не вступать в брак с женщинами, чьи ноги забинтованы. Девочки в возрасте восьми лет и младше должны были разбинтовать ноги, а девочки в возрасте девяти лет и старше должны были отказаться от этой практики. В ассоциации для мужчин составлялся список женщин с естественной стопой.

Американский историк Говард Леви в книге «Бинтование ног в Китае: история любопытного эротического обычая», исследуя движение против бинтования ног в период Поздней Цин, анализирует недостатки забинтованных ног и прелести естественных стоп в следующих лозунгах [Levy, p. 75—76]:

Десять признаков забинтованных ног:

Почему моя естественная нога испорчена?

Куаньинь (Гуаньинь) босая; почему мои ноги должны быть забинтованы?

Вы ничего не сможете сделать с забинтованными ногами, и все же это требует больших усилий.

Легко заболеть, так как у человека прекращается кровообращение.

³ Лян Цичао убедительно выступал за отмену бинтования ног. В эссе 1896 г., когда он был членом Общества против бинтования ног, писал (пример аргументации Лян Цичао из китайской прессы (Бюллетень Синьминя): «... Я не знаю, когда появились забинтованные ноги, но их создателем, должно быть, был продажный принц, безнравственный правитель, грабитель народа или презренный муж... Родители заставляют своих дочерей [бинтовать ноги], в то время, как другие, глядя на маленькие ножки, выбирают невест своим сыновьям. Мужчины уважают жен только с забинтованными ногами. Девочке проводят операцию, когда у нее еще не выпали первые зубы. Ее кости сломаны, кожа и плоть изъязвлены, раны гноятся и кровоточат. Родители игнорируют ее плач, не жалеют ее, холодны к ее мольбам и глухи к ее крикам. Ребенок не может встать на ноги в течение нескольких месяцев даже с помощью трости, а год спустя может передвигаться только на носилках» [Levy, p. 81—82].

Из-за крошечных ног я не могу «уважительно относиться к своим собственным родителям» (сыновняя почтительность), и я чувствую себя виноватым, так как не могу помочь.

Я злюсь и болеваю из-за боли, но моя собственная мать не разрешает мне ослабить повязку.

Крошечные ножки склонны быть обманутыми злыми людьми.

Бедные женщины бинтуют себе ноги. В доме нет еды, но они не могут выйти за хвостом и всем необходимым для жизни.

Люди считают, что плохо забинтованные ноги уродливы и недостаточно чисты.

Не заставляйте молодое поколение страдать, и освободите ноги, чтобы семья процветала.

Десять прелестей естественных стоп:

- 1. Я могу легко работать.*
- 2. Я свободна, и мои родители не беспокоятся о размере моей стопы.*
- 3. Комфортно; у богини Куаньинь (Гуаньинь) также большие стопы.*
- 4. Я могу навещать родителей, когда захочу, даже, если они далеко живут.*
- 5. Когда мой муж в отъезде, я могу позаботиться о доме сама.*
- 6. Женщину с естественными стопами нелегко обмануть, и у нее нет проблем с тем, чтобы содержать свои ноги в чистоте.*
- 7. Искоренить злой век бинтования ног — значит восстановить намерение наших древних мудрецов возвысить устойчивость естественных стоп.*
- 8. Прирожденный борец — крепче — это горячий патриот, способный на подвиг.*
- 9. Нация извлекает пользу из сильного духа и преданности учебе.*
- 10. Ей не мешают разбитые дороги, и она может свободно путешествовать как по Китаю, так и за границей.*

В ходе движения против бинтования ног в пропагандистских целях использовались стихи. Линь Шу⁴ (Линь Циньнань) (1852—1924) написал

⁴ Перевод стихотворений Линь Шу с китайского на английский язык представлен как в книге Оно Кадзуко «Китайские женщины в век революции, 1850—1950» (с. 30—

стихотворение «Прекратите бинтовать ноги» [Линь Шу (Линь Цинь-нань)]⁵:

(一)

小脚妇，谁家女？裙底弓鞋三寸许。

Девушка с маленькими ногами, к чьей семье ты принадлежишь? Длина туфель в форме лука под твоим платьем всего три дюйма с лишним.

下轻上重怕风吹，一步艰难如万里。

Твое тело такое тяжелое бремя для твоих ног, что ты боишься споткнуться на ветру. Сделать один шаг вперед так же трудно, как пройти десять тысяч ли⁶.

左靠妈妈右靠婢，偶然蹴之痛欲死。

Опираясь на плечо матери слева и плечо няни справа, случайный шаг на ногу принесет невыносимую боль, что заставит тебя умереть от нее.

问君此脚缠何时？奈何负痛无了期？

妇言：依不知，五岁六岁才胜衣。
阿娘做履命缠足，指儿尖尖腰儿曲。

Когда ваши ноги были забинтованы? Жалко, что такая боль может быть бесконечна?

号天叫地娘不闻，宵宵痛楚五更哭。

Она говорит: «Вы не знаете, когда мне было пять или шесть лет, мать приказала бинтовать ноги».

床头呼阿娘：“女儿疾病娘痛伤，女儿颠跌娘惊惶。女今脚痛入骨髓，儿自凄凉娘弗忙。”

Она громко рыдала и звала на помощь, но мать не обратила внимание на это. Каждую ночь она плакала от боли до полуночи.

阿娘转笑慰娇女：“阿娘少时亦如汝，但求脚小出入前，娘破工夫为汝缠。”

Она плакала своей матери с кровати: “Когда дочка была больна, матери было тоже больно. Когда дочка спотыкалась и падала на землю, мать так пугалась и беспокоилась. Теперь бедная дочка испытыва-

岂知缠得脚儿小，筋骨不舒食量少。

32), так и в книге Говарда Леви «Бинтование ног в Китае: история любопытного эротического обычая» (с. 82—85).

⁵ Перевод стихотворения Линь Шу 林纾(林琴南) «Прекратите бинтовать ноги» «戒缠足诗» из «Договора Ассоциации прекращения бинтования ног в Гуйчжоу» 1898 г. «贵州不缠足会条约» 1898年 выполнен автором статьи Чжао Линьлинь, преподавателем китайского языка Петрозаводского государственного университета.

⁶ Ли — название двух китайских единиц измерения расстояния. В древности ли (里) составляла 300 или 360 шагов (步, бу), стандартизированное метрическое значение — 500 м.

ет невыносимую боль, а мать стоит в стороне».

无数芳年从落花，一坯小墓闻啼鸟。

Мать улыбается и утешает маленькую дочку: “Когда я была маленькой, я была такой же, как ты. Чтобы ты ходила перед другими такими маленькими ножками, я потратила так много времени и энергии на бинтование твоих ног.”

Однако ноги дочери были забинтованы такими маленькими, ее мускулам и костям было очень больно, и у нее не было аппетита.

Многие девочки падают, как цветы. Крик птиц слышен в маленьких могилах, расположенных одна за другой.

Линь Шу в стихотворении «Прекратите бинтовать ноги» [Оно Kazuko, p. 30—32] сетует на немощность женщины с забинтованными ногами в случае пожара или нападения грабителей (отрывок из стихотворения⁷):

... Но некоторые люди все еще говорят: «Лотос распускается после каждого ее шага.

*Ее туфелька мила, как утка-мандаринка,
А нити туфельки прекрасны, как роза Шарона».*

Эта красавица, прямо как богиня, так настрадалась.

Сможем ли мы когда-нибудь заставить людей понять хотя бы такую маленькую истину?

Все они хотят, чтобы у их дочерей были маленькие ножки.

Но стоит лишь дождаться грабителей, и всему конец.

После неудачной попытки проведения реформ в 1898 г. Ассоциация прекращения бинтования ног была закрыта⁸.

Оно Кадзуко в книге «Китайские женщины в век революции, 1850—1950» исследовала движение против бинтования ног в Цинском Китае конца XIX в., которое началось за год до 100 дней реформ 1898 г. Япон-

⁷ Перевод отрывка из стихотворения Линь Шу выполнен с английского на русский язык автором статьи Н.В. Смирновой по книге Оно Кадзуко «Китайские женщины в век революции, 1850—1950».

⁸ Движение против бинтования ног в начале XX в. возникло вновь, см.: Levy Howard. «Chinese Footbinding: The History of a Curious Erotic Custom». P. 71—87.

ский ученый проанализировал взгляды, изложенные в эссе выдающихся реформаторов Кан Ювэй и Лян Цичао, в которых был затронут вопрос о правах китайских женщин. Кан Ювэй и Лян Цичао увидели в практике бинтования ног бесполезное и вредное действие, причинявшее пожизненную боль и страдание женщинам, подрывавшее военную мощь государства. В конце XIX в. и китайские реформаторы, и иностранные миссионеры осудили обычай бинтования ног как зло, которое искалечило половину населения Китая, усугубило страдания бедных, увеличило число детоубийств, лишило женщин возможности должным образом воспитывать детей, поддерживать чистоту в доме.

Библиографический список

Gao J.Z. Historical dictionary of Modern China (1800—1949) / James Z. Gao. The Scarecrow Press, Inc. Lanham, Maryland, Toronto, Plymouth, UK. 2009. 531 p.

Levy Howard S. Chinese Footbinding: The History of a Curious Erotic Custom. New York: WALTON RAWLS: publisher, 1966. 352 p.

Линь Шу (Линь Циньнань). Цзе чань цзу ши (Прекратите бинтовать ноги) // Гуй чжоу бу чань цзу хуэй тяоюэ. 1898. 28 с. URL: https://m.guwenxue.org/xszj_40972.html

Ono Kazuko. Chinese Women in a Century of Revolution, 1850—1950. Stanford: Stanford University Press, 1989. 255 p.

References

Gao J.Z. Historical dictionary of Modern China (1800—1949) / James Z. Gao. The Scarecrow Press, Inc. Lanham, Maryland, Toronto, Plymouth, UK. 2009. 531 p.

Levy Howard S. Chinese Footbinding: The History of a Curious Erotic Custom. New York: WALTON RAWLS : publisher, 1966. 352 p.

Lin Shu (Lin Qinnan). Jie chan zu shi [Stop Footbinding] // Gui zhou bu chan zu hui tiaoyue. 1898. 28 p. URL: https://m.guwenxue.org/xszj_40972.html

Ono Kazuko. Chinese Women in a Century of Revolution, 1850—1950. Stanford : Stanford University Press, 1989. 255 p.

Д.Е. Мартынов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАН ЮВЭЯ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.: ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассматривается историографическая коллизия вокруг эволюции идеологии Кан Ювэя и истории написания «Книги о Великом единении» (*Датун шу*). Современный итальянский синолог Ф. Брусаделли в выпущенной в 2020 г. монографии о «Датун шу» активно использует материалы Ли Цзэхоу времен идеологических дискуссий в КНР 1950-х годов. Ли Цзэхоу первым поставил проблему, что датировка создания «Датун шу» является ключевой для определения сущности интеллектуальной системы Кан Ювэя. Эта сущность всеми участниками дискуссии (ещё Тан Чжицзюнем) определяется через дихотомию «прогрессивная—реакционная». Принципиально важным для Ли Цзэхоу и Ф. Брусаделли является доказательство создания «Книги о Великом единении» в 1880-е годы как свидетельство отнесения данного текста к раннему этапу развития Кан Ювэя, когда он являлся представителем «мелкобуржуазного революционно-демократического движения». Ретроградная форма выражения общественного идеала Кан Ювэем объяснялась с позиции классового анализа. Ф. Брусаделли при рассмотрении материалов Ли Цзэхоу игнорирует историографический и культурный контекст, отбирая из аргументации дискуссий 1950-х гг. только подходящие лично ему положения.

Ключевые слова: интеллектуальная история; Кан Ювэй, Ф. Брусаделли, Ли Цзэхоу, Тан Чжицзюнь.

Автор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

D.E. Martynov

THE INTELLECTUAL EVOLUTION OF KANG YOUWEI IN THE FIRST DECADES OF THE 20TH CENTURY: TRENDS IN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article deals with the historiographic conflict around the evolution of Kang Youwei's ideology and the history of writing the "Book of the Great Unity" (*Datong shu*). The contemporary Italian sinologist F. Brusadelli, in his monograph on *Datong shu*, published in 2020, actively uses the materials of Li Zehou from the time of ideological discussions in the PRC in the 1950s. Li Zehou was the first to formulate the problem that the date of writing of *Datong shu* is the key to determining the essence of Kang Youwei's intellectual system. This essence is defined by all participants in the discussion (even Tang Zhijun) through the dichotomy "progressive or reactionary". Fundamentally important for Li Zehou and F. Brusadelli is the fact of the early creation of the "Book of the Great Unity" in the 1880s as evidence of referring this text to an early stage in the development of Kang Youwei, when he was a representative of the "petty-bourgeois revolutionary-democratic movement." The retrograde form of expression of the social ideal by Kang Youwei was explained from the standpoint of Marxist class analysis. F. Brusadelli, when considering the materials of Li Zehou, ignores the historiographical and cultural context, selecting from the arguments of the discussions of the 1950s only points that suit him personally.

Keywords: Intellectual history; Kang Youwei, Federico Brusadelli, Li Zehou, Tang Zhijun.

Author: Dmitry E. Martynov, Dr. Hist., Professor of the Department of the Chinese and Asian-Pacific Studies; Institute of the International Relations of the Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Интеллектуальное наследие выдающегося китайского мыслителя, идейного вдохновителя Движения за реформы 1898 г. Кан Ювэя (1858—1927) продолжает оставаться в Китае актуальным. Об этом свидетельствуют многочисленные переиздания его политических манифестов, издание полного собрания сочинений издательством Народного университета Китая (2007) и непрерывное увеличение числа публикаций о различных аспектах его наследия. В 2009 г. мы сами насчитали не менее 400 публикаций в академических изданиях КНР, заслуживающих упоминания [Мартынов 2009]. Естественно, что за минувшие полтора десятилетия появились новые публикации, в том числе и на западных языках.

Наметившийся в 2020-е годы идеологический разлом парадоксальным образом сказался на ситуации в историографии, сделав политически злободневными дискуссии, проводимые в КНР в 1950-е годы. Показательным примером является монография современного итальянского сиолога Федерико Брусаделли, вышедшая в 2020 г. [Brusadelli] Рассматри-

вая «Книгу о Великом единении» Кан Ювэя, автор обратился к обмену мнениями в академической прессе КНР в 1955—1958 гг., избрав в качестве фокуса статьи китайского исследователя Ли Цзэхоу (1930—2021). Поскольку рассмотрение дискуссии не являлось основным предметом исследования Ф. Брусаделли, попытаемся вернуть его аргументацию в интеллектуальный контекст эпохи.

В седьмой главе монографии отдельная главка (“Kang vs Mao: the Benevolent Gaze of Li Zehou”) посвящена аргументации Ли Цзэхоу [Brusadelli, p. 147—159]. Брусаделли считает вполне достойной рассмотрения его статью «Лунь Кан Ювэй дэ Датун шу», опубликованную в десятом номере журнала «Вэньши чжэ» за 1955 г. Итальянский синолог повторяет главную дилемму, которую рассматривал Ли Цзэхоу (копируя лексику полувековой давности): «...можно ли назвать Кана “бессознательным” или невольным коммунистом, мыслителем, сформулировавшим утопический идеал с искренним стремлением преодолеть неравенство? Или то была по-детски наивная (и лицемерная) буржуазная фантазия, трусливое бегство от реальности в мир завтрашнего дня?» [Brusadelli, p. 147]. Брусаделли в статье Ли Цзэхоу, несомненно, привлек «доброжелательный и объективный» анализ «Датун шу» («Книги о Великом единении») — философского и политического *magnum opus* Кан Ювэя. Ли Цзэхоу начинал с того, что с середины XIX в. общественная мысль Китая выработала три последовательные формы утопического социализма: аграрную утопию тайпинов, учение Кан Ювэя о прогрессе и Великом единении и утопию всеобщего благоденствия «мелкобуржуазного революционера» Сунь Ятсена. Эти формы социалистического идеала возникли последовательно, но при разных обстоятельствах и в разных исторических ситуациях [Brusadelli, p. 148]. Федерико Брусаделли вслед за Ли Цзэхоу осознает, что «правильное» или «неправильное» прочтение Кан Ювэя напрямую зависит от решения ряда вопросов его интеллектуальной биографии, по поводу которой можно сказать, что 1898 г. поделил её пополам. В подавляющем большинстве биографических и аналитических трудов о Кан Ювэе повторяется тезис о разрыве: до 1898 г. он был прогрессивным реформатором, после — утопистом-социалистом по декларируемым взглядам и ярко выраженным консерватором в политике. При этом вопрос о времени написания «Датун шу» является ключевым для понимания природы этого текста. Сам Кан Ювэй заявлял, что написал его ещё в 1880-е годы, и то же повторял Лян Цицао (1873—1929) в биографии своего учителя, опубликованной в 1901 г. Брусаделли, не отвергая суждений самого Кан Ювэя, отмечал, что, по свидетельствам его дочери, значительная часть книги была написана в Индии в 1902 г. Публикация трактата началась в 1913 г., а полный текст книги увидел свет после смерти автора в 1935 г. Иными словами, история текста совершенно не

укладывается в простые дихотомические классификации [Brusadelli, p. 148—149].

Ф. Брусаделли вскользь упомянул дискуссию Ли Цзэхоу и другого китайского исследователя Тан Чжицзюня (род. 1924)¹, неверно назвав его Тан Чжидяо. Собственного мнения он не высказывал, ограничившись изложением статьи Ли Цзэхоу «Датун шу дэ пинцзя вэньти юй сецзо няньдай: цзяньда Тан Чжицзюнь сяньшэн» [Ли Цзэхоу 1957]. Если сравнивать аргументацию Ли Цзэхоу и её изложение Ф. Брусаделли, несложно понять, что итальянский синолог серьёзно воспринял дихотомию «прогрессивный — реакционный» применительно к Кан Ювэю. Впрочем, сначала необходимо обратиться к контексту.

Тан Чжицзюнь в течение всей своей жизни последовательно доказывал позднее время написания «Книги о Великом единении», в первую очередь используя методы филологической критики и внутренней критики текста. Эти идеи он высказал не только во время полемики на страницах «Вэньши чжэ» (начав в № 1 за 1957 г.), но и в своём сборнике о Движении за реформы 1898 г. Крупным достижением Тан Чжицзюня стало обнаружение авторской рукописи «Датун шу», факсимильное издание которой вышло в 1985 г. В составе собрания сочинений Кан Ювэя 2007 г. (под редакцией профессоров Фуданьского университета Цзян Ихуа и Чжан Жунхуа) текст «Книги о Великом единении» печатался именно по рукописи с указанием разночтений с каноническим текстом 1935 г. Сам Тан Чжицзюнь на новом уровне повторил свою аргументацию в предисловии к изданию «Датун шу» [Тан Чжицзюнь 2005] и в своей монографии [Тан Чжицзюнь 2016]. Ф. Брусаделли, сильно упрощая, сводил всю аргументацию Тан Чжицзюня к тому, что Кан Ювэй был реакционером и «Датун шу» реакционное произведение. В результате научный спор о Кан Ювэе интерпретируется как «свидетельство энергичного философского противостояния среди коммунистической интеллигенции 1950-х годов» [Brusadelli, p. 156—157].

Ли Цзэхоу предпослал возражениям Тан Чжицзюню глубокую характеристику места Кан Ювэя в китайской общественной мысли Нового времени и доказательство глубокой обусловленности его творчества теориями предшественников. Этому была посвящена специальная статья [Ли Цзэхоу 1956]. Философским фундаментом его учения называлось канонведение «Школы современных знаков», созданное в XVIII в. Лю Фэнлу и Чжуань Цуньюем. Чжан Бинлинь (1869—1936) считал их реакционны-

¹ Мы посвятили его интеллектуальному наследию отдельную работу [Мартынов 2022]. Делом всей жизни и крупнейшим достижением Тан Чжицзюня явилось полное собрание сочинений Лян Цичао, работу над составлением которого он начал ещё до «культурной революции». Опубликовано оно было Народным университетом Китая в 2020 г. в двадцати томах.

ми, ибо они были лояльны Цинской династии (1644—1912). Вместе с тем выясняется, что Ли Цзэху тоже активно пользовался дихотомией «прогрессивный—реакционный». Так, он утверждал, что прогрессивным учение «современных знаков» сделали Вэй Юань (1794—1856) и Гун Цзычжэнь (1792—1841), обратив мыслителей данной школы к актуальным социальным и политическим проблемам. Это описывалось как «появление ереси в “чистой” феодальной науке» [Ли Цзэху 1956]. То есть идея «перестройки старой системы» не была инновацией Кан Ювэя, а была ему завещана Гун Цзычжэнем и Вэй Юанем. Однако он влил в старые мехи новое содержание и непосредственно занялся политической деятельностью². Ли Цзэху не отказывался и от марксистского классового анализа в отношении Кан Ювэя, отмечая, что к 1890-м годам «мелкобуржуазная революционная демократия с интеллигенцией во главе еще не сформировалась», и «передовые социальные требования» стали выдвигать «феодальные учёные-бюрократы старого образца», к прослойке которых относился и Кан Ювэй. В общественной ситуации Поздней Цин революционная социально-политическая теория должна была являться ретроградной по форме и еретической по содержанию, ибо «чтобы атаковать существующие отношения, она должна была лишить их священного ореола». Кан Ювэй решал эту задачу в трактатах «Исследование подложных канонов Синьского учения» (*Синь сюэ вэй цзин као*, 1891) и «Исследование учения Конфуция о реформе» (*Кун-цзы гай чжи као*, 1896). Характеризуя их содержание, Ли Цзэху цитировал «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Ли Цзэху 1956].

Таким образом, согласно Ли Цзэху, лучшим объяснением интеллектуальной эволюции Кан Ювэя является применение классового анализа. «Крестьяне Тайпинского Небесного государства отвергли совершенного мудреца Конфуция во имя бескорыстного Бога, доступного для всех». «Движение 4 мая» и последовавшее за ним «Движение за новую культуру» были в своей основе пролетарскими, и потому поставили на повестку дня лозунг «Долой Конфуция!». Между этими двумя полюсами располагались Кан Ювэй и реформисты: «Только имея глубокую укоренённость в помещичьем правящем классе, они могли так любить своего феодального мудреца». Главной целью реформаторов было «развитие капитализма без коренной смены феодального строя»; культурные и идеологические изменения проектировались, исходя из тех же предпосылок. Иными словами, реформаторы 1898 г., хотя и рассуждали о Вашингтоне и Робеспьере, но действительными их идеалами были Пётр Великий и император

² Характерно, что Ли Цзэху определял филологические работы раннего Кан Ювэя как «нудные».

Мэйдзи. Хотя Тань Сытун (1865—1898) и выражал желание, чтобы в конфуцианстве появился собственный Лютер («Мартином Лютером конфуцианства») Лян Цичао провозгласил потом самого Кан Ювэя), «но это было слишком далеко от радикальной ереси Мюнцера». Революционные вожди тайпинов активно использовали образы Отца Небесного для «объединения и организации крестьянских масс», но «буржуазные реформисты могли задействовать Конфуция только для объединения собственного класса феодальных интеллигентов» [Ли Цзэхоу 1956]. Систему взглядов Кан Ювэя после 1912 г. Ли Цзэхоу характеризовал как «крайне реакционную и декадентскую феодальную идеологию, противостоящую революции и прогрессу». С точки зрения Ли Цзэхоу, в этом заключалась трагедия Кан Ювэя, который после Синьхайской революции «отчаянно цеплялся за феодальные обломки» и полностью противоречил всему тому, что проповедовал в молодые годы. Даже учение о трёх эрах (последовательной смене Хаоса эрой Рождающегося мира, а на высшей ступени развития человечества — Великим единением) превратилось в «контрреволюционную реакционную идеологию» [Ли Цзэхоу 1956].

Основная аргументация Тан Чжицзюня не менялась по своей концептуальной сути с 1950-х годов. В предисловии к изданию «Датун шу» 2005 г. она была суммирована следующим образом. Две первые части (из десяти) «Книги о Великом единении», которые были опубликованы в 1913 и 1919 гг., автором были датированы 1884 г. Это утверждалось и в полных изданиях 1935 и 1956 гг., подготовленных учениками Кан Ювэя. Однако внутренняя текстуальная критика демонстрирует, что содержание «Датун шу» не соотносится с тематикой теоретических и общественных выступлений Кан Ювэя середины 1880-х годов. Он ещё не занимался каноноведением, а в сфере общественной активности его занимала борьба с бинтованием ног у женщин и борьба за самоуправление малой родины — у. Наньхай пров. Гуандун. Далее он увлёкся проектом аграрных китайских колоний в Бразилии. В «Книге о Великом единении» упоминается шанхайское общество против бинтования ног, созданное в 1897 г. братом Кана — Гуанжэнем, и по контексту упоминание не является позднейшей интерполяцией [Кан Ювэй, с. 11—12].

Центральное понятие философии истории Кан Ювэя — Великое единение (Датун) рассматривается в социальном плане как завершение общественной эволюции и отождествляется с эрой Великого спокойствия (Тайпин). Соотнесение понятий *Датун* и *Тайпин* со стадиями мировой эволюции появляется только в комментариях к канонам «Да сюэ», «Лунь юй» и «Мэн-цзы», точно датированных 1901—1902 гг. Только в комментариях к «Мэн-цзы» Кан Ювэй впервые признал стадийную отсталость Китая и неравномерность общественной эволюции. Более того, с понятием эволюции Кан Ювэй не мог познакомиться ранее 1899 г., когда в Сингапуре ещё в

черновике прочитал трактат Янь Фу «Тянь янь лунь», чему посвятил стихотворение [Кан Ювэй, с. 17]. В главах, описывающих всемирное разоружение и мировое правительство, упоминаются: Гаагская конференция 1899 г., Ихэтуаньская контрибуция, наложенная на Китай в 1901 г., и создание Лиги Наций в 1919 г. Все эти упоминания также не являются позднейшими вставками, что подтверждается и авторской рукописью [Кан Ювэй, с. 13—14]. Книга содержит и множество мемуарных пассажей, при этом описания нравов Европы и США, множество бытовых подробностей не могли не основываться на собственных впечатлениях периода эмиграции (в 1899—1913 гг. Кан Ювэй трижды совершал кругосветные путешествия и посетил более тридцати стран). Описания трущоб Лондона, Парижа, Нью-Йорка и Чикаго не могли быть сделаны в 1880-е годы даже со слов путешественников или миссионеров [Кан Ювэй, с. 14].

Тан Чжицзюнь всю жизнь был осторожен в высказываниях, поэтому «не исключал», что к началу публикации «Датун шу» в 1913 г. окончательного текста вообще не существовало. Равным образом он доказывал, что части с третьей по десятую «Книги о Великом единении», впервые напечатанные в 1935 г., были написаны после Синьхайской революции, дорабатывались до самой кончины мыслителя. В предисловии к изданию 1935 г. прямо говорилось, что текст был собран учениками из многих заметок; в предисловии к изданию 1956 г. сказано, что в рукописи четвёртая часть книги состояла из пяти разрозненных фрагментов. Таким образом, Тан Чжицзюнь следующим образом резюмировал свои текстологические изыскания [Кан Ювэй, с. 11—16]:

1. Множество свидетельств родных и учеников Кан Ювэя утверждает, что над «Датун шу» мыслитель интенсивно работал в 1902 г. в Индии. При этом он побывал впервые в Лондоне в 1899 г., в Париже в 1904 г., в Нью-Йорке и Чикаго — в 1905 г.

2. Из вышесказанного следует, что «Кан Ювэй разработал учение о Великом единении относительно рано, а письменно изложил его намного позже». Его собственным датировкам доверять нельзя.

3. Учение Кан Ювэя о Великом единении разрабатывалось им значительную часть жизни, можно говорить о ранних или поздних формах учения, смешивать которые нельзя.

В статье 1957 г. Ли Цзэхуо на первое место вынес политические, а не академические аспекты. Во введении к своему «Ответу г-ну Тан Чжицзюню» он заявил, что для Тана философия Кан Ювэя является реакционной, «Датун шу» была написана, чтобы «парализовать волю масс, противостоять революции, реставрировать власть императора» [Ли Цзэхуо 1957]. Ли Цзэхуо явно раздражала методология Тан Чжицзюня, и он называл её «неуместной» и «несостоятельной», используя политическую, а не академическую аргументацию. В этом плане понятен интерес Ф. Бру-

саделли именно к подобного рода полемике, ибо Ли Цзэхоу к 1980-м годам разуверился в прежних идеалах и опубликовал манифест «Прощание с революцией». То есть Ф. Брусаделли, игнорируя контекст традиционной китайской науки, к которой апеллировал Тан Чжицзюнь, утверждает, что именно «постмарксистская антропологическая онтология» Ли Цзэхоу позволяет обрести универсальную исследовательскую методологию, что даст возможность объединить как западную, так и китайскую мысль. Собственно, главка монографии Ф. Брусаделли, которую мы положили в основу настоящего исследования, завершается рассуждением о воздействии учения Кан Ювэя на формирование интеллектуальных взглядов Ли Цзэхоу [Brusadelli, p. 158—159].

Рассмотренная коллизия весьма примечательна для характеристики интеллектуальной ситуации в современной западной синологии. С одной стороны, спецификой этой науки является полная зависимость от китайских источников и издательско-комментаторской традиции; с другой стороны, иностранные исследователи общественной мысли не могут игнорировать собственных взглядов китайских интеллектуалов. Исподволь нарастающая идеологическая ангажированность западных сиологов³ вынуждала того же Ф. Брусаделли игнорировать историографический и культурный контекст, отбирая из текстов дискуссий 1950-х годов только подходящие лично ему пассажи. Время покажет, к каким результатам эта тенденция может привести.

Библиографический список

Мартынов Д.Е. Теория «Великого единения» Кан Ювэя в зеркале западной историографии // Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. М., 2009. Вып. 1. С. 266—273.

Мартынов Д.Е. Этапы интеллектуального становления Кан Ювэя (1858—1927): гипотеза Тан Чжицзюня и возможности применения биографического метода // Профессиональная идентичность и самосознание историка / под общ. ред. О. В. Воробьевой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2022. С. 355—379.

Brusadelli Federico. Confucian concord: reform, utopia and global teleology in Kang Youwei's "Datong Shu". Leiden — Boston: Brill, 2020. 197 p.

Кан Ювэй. Датун шу / Тан Чжицзюнь даоду (Книга о Великом единении; пред. Тан Чжицзюня). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2005. 292 с.

³ Сейчас, по-видимому, немислимы генерализирующие исследования уровня Ф. Хуана (Хуан Цзунжи), который в 1980—1990-е годы представил комплексные монографии о традиционном китайском крестьянстве, материалы которых для достижения «стереоскопического эффекта» осмысливал с позиции марксистского метода А.В. Чаянова и неоконсервативной антропологии К. Гирца.

Лу Цзэхоу. Лунь Кан Ювэй дэ тогу гайчжи сысян: [Об идеологии консервативного реформизма Кан Ювэя] // Вэньши чжэ. 1956. № 5. URL: https://www.marxistphilosophy.org/HistChinPhil1952_2005/175.htm (дата обращения: 22.04.2023).

Лу Цзэхоу. «Датун шу» дэ пинцзя вэньти юй сецзо няньдай: цзяньда Тан Чжицзюнь сяньшэн: [Оценка спорных моментов датировки написания «Книги о великом единении»: краткий ответ г-ну Тан Чжицзюню] // Вэньши чжэ. 1957. № 9. URL: https://www.marxistphilosophy.org/HistChinPhil1952_2005/168.htm (дата обращения: 22.04.2023).

Тан Чжицзюнь. Кан Ювэй дэ Датун сысян юй «Датун шу» (Идея Великого единения Кан Ювэя и «Датун шу»). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2016. 189 с.

References

Martynov D.E. Teoriya «Velikogo edineniya» Kan Yuveya v zerkale zapadnoj istoriografii [The theory of the “Great Unity” of Kang Youwei in the mirror of Western historiography] // Uchenye zapiski Otdela Kitaya. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009. Iss. 1. P. 266—273. (In Russian).

Martynov D.E. Etapy intellektual'nogo stanovleniya Kan Yuveya (1858—1927): gipoteza Tan Dzhiczyunya i vozmozhnosti primeneniya biograficheskogo metoda [Stages of intellectual development of Kang Youwei (1858—1927): Tang Zhijun’s hypothesis and the possibility of applying the biographical method] // Professional’naya identichnost’ i samosoznanie istorika [Professional identity and self-consciousness of the historian] / Gen. ed. by O.V. Vorob’eva. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. P. 355—379. (In Russian).

Brusadelli, Federico. Confucian concord: reform, utopia and global teleology in Kang Youwei’s “Datong Shu”. Leiden — Boston: Brill, 2020. 197 p.

Kang Youwei. Datong shu, Tang Zhijun daodu [Kang Youwei’ The Book of the Great Unity with the Preface by Tang Zhijun]. Shanghai: renmin chubanshe, 2005. 292 p. (In Chinese).

Li Zehou. Lun Kang Youwei de tuogu gaizhi sixiang [On Kang Youwei’s Thought of “Taking the Ancients to Reform the System”] // Wenshi zhe. 1956. No 5. URL: https://www.marxistphilosophy.org/HistChinPhil1952_2005/175.htm (accessed: 22 April, 2023). (In Chinese).

Li Zehou. “Datong shu” de pingjia wenti yu xiezuo niandai: jianda Tang Zhijun xiansheng [The Evaluation Questions of “The Book of Great Unity” and the Time of its Writing: Response to Mr. Tang Zhijun] // Wenshi zhe. 1957. No 9. URL: https://www.marxistphilosophy.org/HistChinPhil1952_2005/168.htm (accessed: 22 April, 2023). (In Chinese).

Tang Zhijun. Kang Youwei de Datong sixiang yu “Datong shu” [Kang Youwei’ Great Unity Ideology and “Datong shu”]. Shanghai: renmin chubanshe, 2016. 189 p. (In Chinese).

А.Г. Юркевич

«МЯТЕЖ» ИЛИ ПРЕВЕНТИВНАЯ ОПЕРАЦИЯ? К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКАХ ПРИЧИН, ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПОСЛЕДСТВИЙ СОБЫТИЙ ОКТЯБРЯ 1924 г. В ГУАНЧЖОУ

Аннотация. В статье подвергаются критике сложившиеся в российской и китайской историографии трактовки событий, происходивших в октябре 1924 г. в южнокитайском городе Гуанчжоу и известных как «подавление мятежа» купеческих волонтерских отрядов. Автор доказывает, что эти трактовки, содержащие логические нестыковки и противоречия, обусловлены идеологически и отражают интересы тех сил, которые в то время сотрудничали в Китае: Гоминьдана, КПК и СССР. На самом деле факта «мятежа» как результата заговора против правительства не было, а применение оружия *шантуанями* было спровоцировано правительственными силами по согласованию с Москвой. Конфликт купечества с Гоминьданом возник на почве противоречий по поводу налогообложения и притеснений со стороны правительства, но в условиях военной угрозы для Гоминьдана неизбежно приобрел политическую окраску. Советская сторона придала этому конфликту классовый политический характер, рассматривая гуандунских торговцев как реакционную силу, препятствующую централизации власти Гоминьдана, его радикализации и укреплению южнокитайской революционной базы. Акция была проведена 10 октября — в день памяти Учанского восстания 1911 г., положившего начало Синьхайской революции: накануне этой даты для войск Сунь Ятсена из СССР морем было доставлено оружие, а в Советском Союзе и за его пределами была проведена массовая пиар-кампания по подготовке общественного мнения к действиям гоминьдановских властей. Разгром купеческой милиции предлагается оценивать не как «подавление мятежа», а как превентивную силовую операцию, нацеленную на предотвращение гораздо более тяжелых последствий, — первую такую операцию в ряду аналогичных, проведенных в 1925 г. гоминьдановской армией по инициативе советской стороны.

Ключевые слова: Китай, Гоминьдан, Сунь Ятсен, мятеж шантуаней, Гуанчжоу, «Воровский», советская политика в Китае в 1920-е годы.

Автор: Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: urkevich_a@rambler.ru

A.G. Yurkevich

“MUTINY” OR PREVENTIVE OPERATION? ON THE QUESTION OF INTERPRETATIONS OF THE CAUSES, CIRCUMSTANCES AND CONSEQUENCES OF THE EVENTS OF OCTOBER 1924 IN GUANGZHOU

Abstract. The article criticizes the interpretations of the events that took place in October 1924 in the southern Chinese city of Guangzhou, which have developed in Russian and Chinese historiographies. These events are known as the “suppression of the rebellion” of merchant volunteer detachments. The author proves that these interpretations, containing logical inconsistencies and contradictions, are ideologically conditioned and reflect the interests of those forces that were cooperating in China at that time: the Kuomintang, the CPC and the USSR. In fact, there was no “mutiny” as a result of a conspiracy against the government, and the use of weapons by the Shantuans was provoked by government forces in coordination with Moscow. The conflict between the merchants and the Kuomintang arose on the basis of contradictions over taxation and harassment by the government and the military, but in the face of a military threat to the Kuomintang, it inevitably acquired political overtones. The Soviet side gave this conflict a class political character, considering the Guangdong merchants as a reactionary force that hindered the centralization of the Kuomintang's power, its radicalization and the strengthening of the South Chinese revolutionary base. The action was held on October 10 — the memorial day of the Wuchang Uprising of 1911, which marked the beginning of the Xinhai Revolution: on the eve of this date, weapons were delivered from the USSR by sea for Sun Yat-sen's troops, and a massive PR campaign was conducted in the USSR and beyond to prepare public opinion for the actions of the Kuomintang authorities. The defeat of the merchant militia is proposed to be assessed not as a “suppression of the rebellion”, but as a preliminary military operation aimed at preventing much more severe consequences — the first such operation in a series of similar ones carried out in 1925 by the Kuomintang army on the initiative of the Soviet side.

Keywords: China, Kuomintang, Sun Yat-sen, Shangtuan rebellion, Guangzhou, “Vorovskij”, Soviet policy in China in the 1920s

Author: Yurkevich Alexander Gennadievich, Candidate of History, Associate Professor, Leading researcher at the Center for the Modern History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: urkevich_a@rambler.ru

Введение: сходство нарратива о китайской революции 1924—1927 гг. у КНР, СССР и на Тайване

До недавнего времени можно было говорить о наличии неких общих черт в трактовках революционных событий в Китае 1924—1927 гг. в китайской (коммунистической и прогоминьдановской), а также в советской/российской историографических традициях. Конечно, характер, детализация, обобщающие выводы и смысловые акценты различались всегда. Однако нарративы, касающиеся некоторых исторических фактов, имеют явное сходство.

Эти нарративы, озвученные еще в 1920-е годы, в период союза Москвы с Гоминьданом и КПК и своеобразного партнерства между двумя китайскими партиями¹, отражали публичную позицию тех сил, которые тогда выступали на одной стороне. Освященные авторитетом сакральных исторических фигур каждой из трех политических традиций, соответствующие трактовки стали нормативными в КНР, на Тайване и в Советском Союзе. На континенте они подкрепляли память о политическом взлете КПК и начале революционных биографий ее легендарных деятелей (Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Е Цзяньина и др.), принявших участие в «Великой революции», или «Первой гражданской революционной войне»², а также о сотрудничестве патриотических сил в достижении общенациональных целей — эта тематика стала особенно востребованной с началом периода «реформ и открытости». Для Гоминьдана и его сторонников на Тайване успехи, достигнутые партией в тот период, связаны прежде всего с коммеморацией Сунь Ятсена, Чан Кайши и ряда других героев партийного пантеона. Что касается СССР, то сначала сообщения о событиях 1920-х годов в Китае подтверждали правильность политики советского руково-

¹ Коммунисты вступали в Гоминьдан на индивидуальных основаниях, не утрачивая (до 1926 г.) членства в КПК.

² Эти понятия в публичной сфере применяются на равных основаниях. См.: «Бай нянь дан ши да цзедуань» Да гэмин цзе дуань (1924—1927) (Этапы Великой революции в «Десяти великих этапах истории партии за сто лет» [1924—1927]) // Бачжоу и Цзя Жэнь. 08.03.2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1693594829441632553&wfi=spider&for=pc> (дата обращения: 26.05.2023); Да гэмин шици. Бай нянь дан ши хуй и лу (2) / 1924—1927 — Да гэмин шици (Период великой революции. Воспоминания о ста годах истории партии [2] / 1924—1927 — период великой революции). URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=mzu0nziznjy0na=&mid=2247498205&idx=1&sn=4ba93fe7b22a093fa3d0197e047b3aca&chksm=fb53c796cc244e8032f15c105208776f7799b6718d097db473c0a0da6e4fea670ebb2d0570d5&scene=27 (дата обращения: 26.05.2023); Ди и цы гонэй Гэмин чжаньчжэн шици (период первой гражданской революционной войны). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%A9%AC%E4%B8%80%E6%AC%A1%E5%9B%BD%E5%86%85%E9%9D%A9%E5%91%BD%E6%88%98%E4%BA%89/1028435?fi=aladdin> (дата обращения: 26.05.2023).

дства и линии Коминтерна, а с 1960-х публикации на эту тему были призваны напоминать, на фоне идеологической полемики КПСС и КПК, о роли Советского Союза в успехах китайской революции. После распада великой страны ставшие традиционными описания событий, связанных с памятью о ее международной роли, во многом выполняли компенсаторную функцию для ущемленного исторического сознания россиян.

К событиям, версии которых схожи в трех историографических традициях, относится, в частности, военная операция войск южнокитайского гоминьдановского правительства, известная в литературе как «подавление мятежа *шантуаней*» (корпуса купеческой милиции, который его противники иронически называли «бумажными тиграми») против гоминьдановского правительства в Гуанчжоу в октябре 1924 г.

В современном китайском публичном пространстве, в том числе сетевом, об этом инциденте тоже говорят как о «мятеже» (*паньлуань*). О нем не принято вспоминать как о чем-то значимом³, он теряется на фоне более ярких и крупных проявлений революционного процесса. Это свидетельствует, скорее, о специфике современной нормативной концепции национальной истории в КНР, нежели о незначительности событий октября 1924 г. в истории китайской революции. В остающемся до сих пор основным для российских вузов учебнике истории Китая под редакцией А.В. Меликсетова и т. VII «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» «мятеж *шантуаней*» упоминается как эпизод, небезразличный для понимания истории китайской революции [История Китая, 1998, с. 448—449; Мамаева, 2017, с. 130—131].

В данной статье предлагаются аргументы в пользу того, что определения «мятеж» и «подавление мятежа» неверно отражают суть намерений участников тех событий и затемняют его исторический смысл. К такому заключению подводит и вводимый в научный оборот новый исторический материал, позволяющий усомниться в устоявшихся версиях, и осознание того факта, что прежние идеологические модели становятся препятствием для понимания логики и причин исторических событий и процессов рассматриваемого периода.

³ Во всяком случае, на сайтах популярного информационного ресурса *Байду Чжундао* в перечнях важнейших событий, происшедших в Китае в 1925 г., «Мятеж Шантуаней» может и не упоминаться. См.: 1925 нянь Чжунго фашэн лэ на се да ши? (Какие крупные события произошли в Китае в 1925 г.?) URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1839503026908333860.html?fr=search&word=1925%C4%EA%D4%BA%B9%E3%B6%AB%B7%A2%C9%FA%C1%CB%C4%C4%D0%A9%B7%B4%B8%EF%C3%FC%C6%F0%D2%E5%3F&ie=gbk> (дата обращения: 26.05.2023). Хотя он и отнюдь не забыт. См., напр.: Цзиньтянь ши шэмэ цзиньяньжи? (Какие памятные даты приходится на сегодняшний день?). 2012.06.04. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/432942178.html?fr=search&word=1925+%C4%EA%B5%E1%B9%F0%BE%FC%C5%D1%C2%D2%CA%C7%CA%B2%C3%B4%D2%E2%CB%BC&ie=gbk> (дата обращения: 26.05.2023)

Традиционная версия «мятежа Шантуаней» и ее размывание в советской/российской историографии

В советской историографии версия разгрома *шантуаней* как борьбы с поднятым ими мятежом, то есть вооруженным выступлением, которое стало результатом заговора против государственной власти, получила развернутое обоснование еще в монографии М.Ф. Юрьева, изданной в 1952 г. Основными источниками по этой теме для него были номера газеты «Правда» за сентябрь и октябрь 1924 г., статьи и книги по китайской тематике, вышедшие в СССР в 1920—1930-е годы, работы китайских историков-коммунистов, изданные в КНР и Советском Союзе («Новая и новейшая история Китая», 1950 г.).

На излете сталинской эпохи М.Ф. Юрьев вынужден был излагать официализированную еще в 1920-е годы концепцию «мятежа», согласно которой «объединенное выступление бумажных тигров, Чэнь Цзюнь-мина и других китайских милитаристов против кантонского правительства» готовили «английские империалисты... совместно с правящими кругами США» [Юрьев, 1952, с. 31]. Корпус “бумажных тигров” он рассматривал как «основную контрреволюционную силу в Кантоне», заказ ими оружия в Гонконге — как подготовку к «открытому вооруженному выступлению против правительства Сунь Ятсена», а забастовку торговцев, объявленную в знак протеста против конфискации винтовок *шантуаней*, — как прямое «открытое выступление против правительства» [там же, с. 32]. Тезис об антиправительственном «восстании» подкреплен ссылкой на слова Сунь Ятсена, который именно так расценил поведение «тигров» [там же, с. 32—33]. Свидетельствами подготовки «мятежа» выступают и апелляции купечества к дипкорпусу, и поддержка «тигров» британским генеральным консулом в Кантоне, и переброска в район Гуанчжоу дополнительных британских военных кораблей. Передача «тиграм» части оружия 10 октября 1924 г. бьется актом предательства со стороны «правых гоминьдановцев», поскольку *шантуани* «в тот же день попытались совершить контрреволюционный переворот», расстреляв «демонстрацию рабочих, крестьян и студентов» [там же, с. 33—36]. Наступление на «тигров» якобы вели «курсанты и учебные подразделения Вампу, общей численностью в 2 тыс. человек, а также отряд вооруженных рабочих и крестьян (320 человек), общие потери участников эпического сражения определяются как «около 2 тыс. убитых и раненых» [там же, с. 38]⁴. «Подавление мятежа “бумажных тигров” было первым серьезным испытанием боевых и политических качеств войск Вампу, благодаря решительным

⁴ По данным А.И. Черепанова, 150-100 человек потеряли правительственные войска, около 100 — *шантуани*, погибли 100-150 гражданских лиц [Черепанов, 1976, с. 148].

действиям которых была ликвидирована серьезная контрреволюционная сила в Гуандуне» [там же].

В советской/российской историографии ортодоксальная версия «мятежа *шантуаней*», сформированная в 1920-х годах, размывалась постепенно, начиная с 1970-х годов. Этому способствовали мемуарные публикации. С одной стороны, они были призваны подкрепить стандартные советские версии революционного процесса в Китае, с другой — стимулировали процесс их корректировки: из воспоминаний очевидцев и участников событий оказалось невозможным вычистить подробности, которые заставляли читателя усомниться в адекватности сложившейся исторической картины. Так, из мемуаров военного советника А.И. Черепанова следовало, что в разгроме «мятежа» из «войск Вампу», традиционно считавшихся едва ли не единственным актором военной победы над инсургентами, в боевых действиях участвовали «только две роты курсантов, а артиллерия, пулеметы и другие две роты были оставлены для обороны школы»; тогда как помимо них были задействованы «1-я дивизия генерала Ли Цзи-шэня, 2-я дивизия генерала Чжан Мин-дэ, некоторые части 3-го корпуса генерала Ли Фу-линя и юньнаньской, гуаньсийской и хунаньской армий» [Черепанов, 1976, с. 147]⁵. Таким образом, основную заслугу в подавлении мятежа следует отдать «союзным» генералам, для которых победа *шантуаней* над Сунь Ятсеном могла означать утрату доходных мест [В.К. Блюхер..., с. 75].

Тем самым версия советской и гоминьдановской историографии (см., напр.: [Гун Юэцзюнь, с. 21]) об исключительных заслугах военной школы Хуанпу (соответственно, и ее начальника Чан Кайши) в разгроме «мятежа» начинает выглядеть неубедительной.

Уже в книге 1967 г. (за три года до опубликования которой вышла первая версия «Записок...» А.И. Черепанова [Черепанов, 1964]) М.Ф. Юрьев уточнил, что около 2 тыс. человек — это общая численность войск Ревкома, а не только Хуанпу; он не стал утверждать, что все эти войска непосредственно выступили против *шантуаней*, и упомянул о других воинских частях, выступавших на стороне правительства [Юрьев, 1968, с. 64]. Но он не мог позволить себе совершенно дезавуировать прежнюю концепцию «подавления мятежа», так что у читателя создавалось впечатление, будто с выступлением справились все-таки войска Ревкома во главе с Чан Кайши: «Подавление мятежа ... было первым серьезным испытанием “партийной армии” (школы и частей Хуанпу), показав-

⁵ Сомнительность версии о главном вкладе школы Хуанпу в победу над *шантуанями* уже в 1980-е годы отмечала Н.И. Мельникова [Мельникова, 1983, с. 158]. Сведения о том, что в тех событиях от Хуанпу участвовали только две роты, подтверждается китайскими документами, на которые ссылается Н.Л. Мамаева [Мамаева, 1999, с. 124; ее же, 2018, с. 130—131; Гэмин вэньсянь, т. 10, с. 1474—1478].

шим, что ядро новой революционной армии создано и что оно может сыграть важную роль в укреплении гуанчжоуской базы национально-освободительного движения в Китае» [там же, с. 65].

Однако мемуары А.И. Черепанова, а также последующие исторические исследования продолжали ставить под сомнение подхваченную западными историками версию прогоминьдановской историографии о ведущей роли лично Чан Кайши и его войск в октябрьских событиях 1924 г. в Гуанчжоу [Taylor, p. 47—48]. Неоспоримо, что Сунь Ятсен назначил его командующим войсками Ревкома (первого и последнего органа под этим названием в истории Гоминьдана). Фактом остается и то обстоятельство, что ЦИК Гоминьдана после «мятежа» и в связи с его разгромом присвоил в конце октября 1924 г. «войскам Хуанпу» почетное наименование «партийной армии» (*данцзюнь*) [Ли Фэн, с. 153]. Но на роль главного победителя *шантуаней* Чан явно претендовать не мог. Те силы, которые Сунь Ятсен формально подчинил Ревкому, представляли собой разрозненные и не самые значимые в боевом отношении подразделения, причем некоторые из них либо не могли и не должны были оставлять порученные им объекты (например, охрана арсенала), либо не стали бы в реальности принимать и выполнять приказы Чан Кайши (Юньнаньская военная школа) [Юркевич, с. 152—153; Черепанов, 1976, с. 146; Хуанпу цзюньсяо шиляо, с. 239; РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 28]; части крупнейших соединений, дислоцированных в окрестностях Гуанчжоу, в состав сил Ревкома не входили. К тому же утром 15 октября артиллерийский обстрел района Сигуань, в котором закрепились «тигры», приказал начать вовсе не Чан Кайши, а жандармский генерал У Течэн [Черепанов, 1976, с. 146].

Что касается «подготовки мятежа», то с этой задачей не вяжутся действия руководства *шантуаней*, которые даже после конфискации груза оружия под предлогом неправильно оформленных документов ограничились объявлением 20 августа и 4 октября забастовок торговцев и не слишком агрессивными демонстрациями силы⁶. Создается впечатление, что они всемерно пытались не допустить вооруженного столкновения с гуанчжоускими правительственными войсками, тогда как правительство намеренно стимулировало развитие конфликта, подводя его к кульминации в заданный момент.

В газете «Правда» от 13 сентября и 19 октября 1924 г., то есть до и после «мятежа», утверждалось, что численность корпуса «бумажных тигров» достигала 25—27 тыс. человек [Юрьев, 1952, с. 31]. Главный военный советник южнокитайского правительства В.К. Блюхер, прибывший в Гуанчжоу в конце октября 1924 г., после разгрома *шантуаней*, со ссыл-

⁶ К таким случаям относится, например, переправа 2 тыс. шантуаней на остров Хэнань, где располагалась резиденция Сунь Ятсена, которому пришлось устроить для них митинг и выступить с речью. См.: [Черепанов, 1976, с. 146].

кой на южнокитайскую периодику, писал о 15 тыс. во всей провинции, из которых вооружены были 8 тыс. [В.К. Блюхер..., с. 73] В августе полпред в Пекине Л.М. Карахан говорил о 6 тыс. [Переписка..., с. 316], возможно, имея в виду только группировку в районе Гуанчжоу. Это были состоявшие из купцов и приказчиков добровольческие отряды купеческой самообороны, разбросанные по разным городам Гуандуна⁷. На фоне только двух крупнейших группировок в «союзной армии» гуанчжоуского правительства — Гуандунской (40 тыс.) и Юньнань-гуансийской (более 20 тыс.) — разрозненные силы *шантуаней* не впечатляют, и нежелание их лидеров без крайней необходимости ставить на кон налаженный бизнес и свои судьбы понятны.

Объединение купеческих отрядов в единую структуру, произошедшее еще в 1912 г., было вызвано соображениями защиты деловых интересов и имущества гуандунского купечества. В очерке-отчете В.К. Блюхера, в разделе, посвященном *шантуаням*, главным образом оправдываются действия правящих в Гуандунской революционной базе сил, но, тем не менее, признается, что причиной напряженности в отношениях гуандунского правительства с деловым миром стала налоговая неразбериха и неспособность властей положить конец незаконным поборам с торговцев и предпринимателей. При этом многочисленные злоупотребления допускали и военные, и гражданская администрация. Он отметил, что в мае 1924 г. судовладельцы организовали забастовку, которая заставила правительство отказаться от повышения налогов, и тогда же они договорились о том, чтобы в дополнение к объединению своих сухопутных «волонтерских» подразделений сформировать морские силы как часть, по выражению Блюхера, «движения самозащиты» [В.К. Блюхер..., с. 73].

Вынужденный отказ от повышения налогов мало того что был пощечиной гоминьдановской власти, еще и ставил под угрозу планы Сунь Ятсена, не оставившего мечту о походе на Север. Однако денег правительству не хватало даже на неотложные нужды. Большую часть налогов по договоренности с администрацией самостоятельно собирали на свое содержание соединения южнокитайской армии, а гражданским властям доставалась лишь малая их часть. Так, по данным советнической группы, доходы только одной Юньнаньской армии летом 1924 г. составляли 1 млн 600 тыс. кантонских долл. в месяц, тогда как ежемесячные поступления в казну правительства, по данным китайских историков, не превышали 665 тыс. кант. долл. (советникам в расчете на финансовую помощь от Москвы сообщали еще меньшую цифру — 350 тыс. кант. долл.) (подробнее об этом см.: [Юркевич, с. 83, 204—205]). Понятно, почему отчаянно нуж-

⁷ Блюхер писал, что в 10 полках *шантуаней* были представлены 138 городов Гуандуна [В.К. Блюхер..., с. 72—74].

давшееся в деньгах правительство во чтобы то ни стало стремилось получить их от имущих слоев населения. Но на пути этих планов встали волонтерские формирования купечества.

Примечательно, что даже советский советник отметил защитный характер мер, к которым прибегали гуандунские торговцы. Они оберегали свой бизнес от злоупотреблений со стороны военных и гражданской администрации в условиях слабости гоминьдановской власти, не спешившей обеспечить соблюдение законности. Но Москва и советское полпредство видели ситуацию иначе — с позиций единственно правильной идеологической догмы, призванной служить безошибочным теоретическим компасом в переустройстве общества. Поскольку революцию в Китае предлагалось развивать, радикализируя Гоминьдан, то эту партию и ее территориальную базу необходимо было освобождать от влияния «правых» сил.

И нельзя сказать, что московское руководство грубо ошибалось. В Гоминьдане действительно существовали разные представления о политике, необходимой в отношении торговцев. То крыло партии, которое было несогласно с пренебрежительным отношением к интересам купечества (в ЦИК Гоминьдана были отделы по работе с рабочими и крестьянами; отдел ЦИК Гоминьдана по работе среди торговцев был создан лишь в ноябре 1924 г.) (см.: [Ли Тайцзя, с. 1]). Сунь Ятсен смотрел на ситуацию, скорее, с позиций авторитета власти и текущих финансовых интересов, тогда как Москва тяготела в своих характеристиках ситуации к позиции классовой борьбы.

Мотивы и способы провоцирования Шантуаней на «мятеж»

25 августа 1924 г. полпред СССР в Пекине Л.М. Карахан писал наркоминделу Г.В. Чичерину: «Последний конфликт Суня с купцами на почве конфискации оружия мы хотим широко использовать. Это очень серьезное дело, ибо в связи с этим конфликтом можно покончить с так называемыми бумажными тиграми, это купеческая охрана, тысяч 6 хорошо вооруженных людей, а с другой стороны, нанести удар по правому крылу» [Переписка, с. 316].

По-видимому, с этого замысла началась координировавшаяся полпредством и поддержанная Москвой совместная с гоминьдановским руководством операция по устранению *шантуаней* с политической и военной арены Гуандуна. У нас нет оснований утверждать, что именно полпредство было инициатором ликвидации военной организации торговцев. Как считает исследователь из КНР Чжан Хунью, экономические интересы купечества и гуандунское правительство в 1924 г. разошлись настолько, что последнее в любом случае нашло бы повод расправиться с *шантуа-*

нями [Чжан Хунъю, с. 106]. В данном случае руководству Гоминьдана сыграло на руку очередное революционное обострение в Москве.

Несмотря на явное нежелание гуандунских «ЧОПов» воевать с многократно превосходящими силами регулярной армии, в случае наступления на Гуанчжоу врагов гоминьдановского правительства, прежде всего популярного среди гуандунской элиты Чэнь Цзюньмина, контролировавшего восточную часть провинции, *шантуани* могли поддержать его вооруженным выступлением в крупных городах. Могли они и вступить во вполне вероятный заговор в гуандунском генералитете, чего явно опасался Сунь Ятсен [Сунь Ятсен на последнем..., с. 476]. К тому же само наличие вооруженной поддержки подкрепляло позиции купеческих лидеров — командующего *шантуаней* Чэнь Ляньбо и других — в спорах с правительством по поводу налогов и сборов, ослабляя возможности властей по выкачиванию денег из населения. За спиной *шантуаней* стоял Торговый союз Гуандуна, организовававший собрания местной бизнес-элиты, принимавшей осуждавшие правительство декларации и обращения (см.: [Юрьев, 1968, с. 62]).

Конфискация оружия для Суня, по-видимому, первоначально могла быть способом не допустить усиления *шантуаней*, получить козыри в торге с купечеством и частично решить проблему нехватки вооружения у войск намечавшегося Северного похода — он предложил «тиграм» за винтовки денежный выкуп [Юрьев, 1952, с. 36]. Однако договоренность с советским полпредством в Пекине, имевшим собственные соображения по поводу развития революционного процесса на Юге, сулила руководству Гоминьдана более кардинальное решение проблемы «тигров» — к пользе и южнокитайского правительства, и Москвы. Вождю Гоминьдана разгром *шантуаней* позволил бы запугать и усмирить гуандунских торговцев, сделать их более податливыми к требованиям властей. Для руководства ВКП(б) и Коминтерна ликвидация оппозиционной южнокитайскому правительству вооруженной структуры сулила ослабление угрозы планам Москвы по централизации и радикализации власти на юге Китая со стороны «правого крыла» Гоминьдана и усиление авторитета тех сил в этой партии, которые в Москве считались левыми⁸. Дело оставалось за малым: вынудить *шантуаней* на такие действия, которые оправдали бы применение правительством насилия против них.

Мнение о том, что «мятеж» купеческой милиции был спровоцирован гоминьдановской стороной, уже высказывалось и отчасти обосновывалось в российской историографии [Юркевич, с. 140—146; Панцов, с. 96—97]. Здесь предлагается более развернутая аргументация.

⁸ О критериях оценки флангов политических сил в Гоминьдане московскими инстанциями см. [Мамаева, 1999, с. 102, 105—106].

Как известно, столкновения с «тиграми» развернулись после того, как начальник Военной школы Хуанпу Чан Кайши, выполнив приказ, который ему прямо или опосредованно мог отдать только Сунь Ятсен⁹, 10 октября выдал часть конфискованного и хранившегося в школе оружия *шантуаням*: во время разгрузки оружия и началась перестрелка, давшая возможность правительству обвинить «тигров» в мятеже [Черепанов, 1976, с. 144].

Для того, чтобы эта перестрелка состоялась, Чан Кайши должен был, во-первых, получить приказ Сунь Ятсена, находившегося в тот момент вне Гуанчжоу, о выдаче *шантуаням* оружия (которое Сунь более месяца категорически отказывался возвращать) в такой момент, чтобы этот приказ мог быть исполнен именно в день праздника в честь Учанского восстания 1911 г., положившего начало Синхайской революции — 10 октября (или заранее иметь приказ о соответствующих действиях в намеченное время).

Во-вторых, возвращенное оружие должны были доставить в то место, неподалеку от которого был намечен массовый праздничный митинг, завершающийся демонстрацией, и *через которое демонстранты непременно должны были* пройти. При этом время доставки надо было синхронизировать с митингом и шествием таким образом, чтобы к тому моменту, когда демонстранты подойдут к месту разгрузки, последняя еще не завершилась.

В-третьих, демонстранты должны были повести себя так, чтобы охранение, выставленное *шантуанями*, сочло эти действия угрожающими и открыло огонь¹⁰.

В-четвертых, у правительства, как-то вдруг сменившего гнев на милость и возвратившего своим недругам часть конфискованного оружия, должна была отсутствовать всякая заинтересованность в недопущении конфликта или его разрешении мирным путем.

О том, что в организации совпадения этих условий могло участвовать советское полпредство в Пекине и его московское руководство, а высказанное Караханом в августовском письме к наркомом намерение было реал-

⁹ Школа Хуанпу подчинялась непосредственно *цзунли* Гоминьдана, в обход промежуточных административных инстанций, и гражданских, и военных, и даже партийных. О том, что Чан Кайши выдал оружие *шантуаням* по прямому распоряжению Сунь Ятсена из Шаогуани, где находилось командование войск Северного похода, сообщают авторы «Новейшей истории Китая. 1917—1927» [Новейшая история Китая, 1983, с. 173] со ссылкой на М. Вилбура [Wilbur, 1976, p. 259]. Козни «правых», якобы воспользовавшихся отсутствием Суня в Гуанчжоу, здесь были ни при чем.

¹⁰ Столкновения начались тогда, когда колонна демонстрантов подошла к оцеплению, выставленному «тиграми». См. [В.К. Блюхер..., с. 75; Черепанов, 1976, с. 144].

лизовано в согласованных между Москвой и Сунь Ятсеном действиях, говорит несколько признаков.

1. *Прибытие за два дня до столкновений, в ночь на 8 октября, в Гуанчжоускую бухту и швартовка у Хуанпу советского военно-посольного корабля «Воровский» с грузом оружия* (см.: [Черепанов, 1976, с. 143; Wilbur, 1989, р. 71—73]). Это был первый визит советского военного корабля и первая доставка советского оружия в Гуанчжоу (и единственная в 1924 г.). Время доставки груза говорит о том, что оно было приурочено к запланированным событиям, на ход которых этот груз должен был повлиять. Корабль вошел в бухту и устье р. Чжуцзян под советским военноморским флагом, что демонстрировало поддержку правительства Сунь Ятсена со стороны СССР — ранее и впоследствии подобные демонстрации не допускались¹¹. Во время пребывания в Гуанчжоу корабль посетил Сунь Ятсен. Учитывая, что «Воровский» с 12 июня 1924 г. шел из Архангельска южным морским путем, имея пунктом назначения Владивосток и с заходом в иностранные порты¹², его движение вполне могло быть точно рассчитано по времени.

2. *Беспрецедентная пропагандистская активность СССР, развернутая вокруг событий в Южном Китае и выплеснувшаяся за пределы Союза*. 5 сентября 1924 г. совместное заседание президиума ВЦСПС и центральных комитетов профсоюзов приняло решение организовать общество «Руки прочь от Китая!» и подготовить соответствующее обращение к рабочим всех стран. 21 сентября газета «Известия ЦИК» опубликовала произведение пролетарского поэта В. Маяковского на эту тему, а на следующий день Общество провело митинг в Большом театре, на котором выступили в том числе представители Китая, Монголии, Англии, Франции, США и Японии; собрание тоже приняло обращение к трудящимся мира и «угнетенным народам Востока». Отделения Общества в срочном порядке были образованы во всех республиках СССР, на предприятиях и в учреждениях, появились и его заграничные филиалы. Пленум ЦК ВЛКСМ заявил о вступлении в Общество всех комсомольцев, в ячейках создавались «уголки Китая», а в 1925 г. по заказу Общества был снят пропагандистский мультфильм «Китай в огне», шедший в кинотеатрах по

¹¹ Напомним, что правительство СССР, имевшее официальные отношения с правительством в Пекине, заявляло, что не оказывает Гоминьдану прямую помощь, а советские советники, получавшие зарплату через полпредство, объявлялись демобилизованными из Красной Армии командирами, принятыми южнокитайским правительством на службу.

¹² С 12 июня по 20 ноября «Воровский» совершил переход из Архангельска во Владивосток с заходом в порты Плимут, Неаполь, Порт-Саид, Аден, Коломбо, Сингапур, Гонконг и Вампу (Хуанпу). См.: Советский ВМФ. 21 февраля 2021. URL: https://vk.com/wall-7726505_52650 (дата обращения: 24.05.2023)

всей стране [Советское общество...]. Советские власти нагнетали обстановку вокруг южнокитайских событий, похоже рассчитывая на серьезный успех китайского революционного движения.

3. *Создание Сунь Ятсеном для руководства «подавлением мятежа» Ревкома — специфической структуры, характерной для России времен гражданской войны, но чуждой китайским традициям и явно не обладавшей всей полнотой власти над военными силами, в противоположность аналогичным российским органам.* Создание формального «революционного» органа под специфическим названием, который с точки зрения прецедентов предназначался для консолидации всех имеющихся ресурсов для борьбы с конкретной угрозой, но в Гуанчжоу фактически не обладал такими силами, и единичность этого случая в истории Гоминьдана заставляют думать о выполнении Сунь Ятсеном неких формальных договоренностей с Москвой, под которые ему и было доставлено давно обещанное оружие из СССР.

4. *Кратное повышение авторитета и статуса военной школы Хуанпу и создававшихся при ней частей (параллельно и авторитета начальника школы), по итогам октябрьских событий 1924 г. объявленных «партийной армией».* Присвоение школе и частям Хуанпу этого звания стало расцениваться как признание ее боевых заслуг в «подавлении мятежа». Но силы Хуанпу на тот момент представляли собой всего лишь военную школу, открывшуюся за пять месяцев до событий, плюс полуторатысячный полк новобранцев, и из их состава к операции были привлечены только две роты, никак не способные сыграть решающую роль в разгроме *шантуаней*¹³.

Другое дело, что Москва, исходившая из оптимистичных донесений советников и полпредства, могла рассчитывать на этот решающий вклад. Для того и было адресовано школе оружие, доставленное «Воровским». Школа Хуанпу и ее «учебные» части (хотя и созданные по инициативе Чан Кайши) были главными свидетельствами успехов в деятельности советских военных советников в Гуанчжоу, нацеленной на то, чтобы «реорганизовать и целиком подчинить руководству Гоминьдана армию» [ВКП(б), Коминтерн..., с. 341]. Другие организационные инициативы советнической группы, предпринятые в этом направлении, в большинстве своем к тому моменту откровенно буксовали, вылившись в создание формальных и ничего не решавших совещательных структур (подробнее об этом см.: [Юркевич, с. 116—124, 126—128]). Повышение статуса «войск Хуанпу» должно было свидетельствовать об укреплении позиций «левых сил» и успехах централизаторской тенденции в Гуанчжоу, в раз-

¹³ Правда, школа предоставила убежище правительству во время боестолкновений, а у причала Хуанпу стоял катер с «Воровского», загруженный правительственной казной, в готовности к эвакуации. См.: [Черепанов, 1976, с. 149].

витии которой были заинтересованы и советники, и курировавшее их полпредство, и адресат — московское руководство.

Основные выводы

Вероятно, с точки зрения ожидаемых Москвой результатов — триумфа «левых сил» — итоги акции против *шантуаней* не могли считаться исчерпывающе успешными. «Партийная армия» как боевая единица даже после получения оружия из СССР не шла ни в какое сравнение с войсками крупнейших «союзных» генералов, оставшихся вполне самостоятельными и мало послушными правительству, а «левые» после октябрьских событий не получили очевидного веса в партийных и государственных органах. Дипломатические осложнения вынудили СССР отказаться от дальнейших публичных «демонстраций флага» в Южном Китае.

Но антисуньятсеновская «пятая колонна» в Гуанчжоу потеряла одну из главных своих опор, и торгово-предпринимательские слои вынуждены были дисциплинированно выполнять любые требования властей. Благодаря этой победе, пусть и достигнутой не вполне «джентльменскими» методами, увод Сунь Ятсеном из провинции самых преданных ему соединений в провальный Северный поход в ноябре—декабре 1924 г., который не стал фатальным для южнокитайского правительства. Потери были частично компенсированы созданием второго полка «партийной армии», а войска Гоминьдана в феврале—апреле 1925 г. смогли провести Первый восточный поход — *вторую успешную превентивную операцию* против врагов партии в Гуандуне.

Первой такой операцией правильно будет считаться разгром *шантуаней*. Третьей стала проведенная в июне 1925 г. кампания по уничтожению сильнейшей в «союзных» войсках гуанчжоуского правительства, но при этом ненадежной юньнань-гуансийской коалиции. Первая и третья в анналах истории несправедливо числятся как «подавление мятежей».

Все три операции отличает общий набор признаков: они 1) предпринимались гоминьдановскими военными либо под нажимом советской стороны (вторая и третья), либо по согласованию и в координации с ней (первая); 2) предусматривали создание ситуации, которая вынуждала противника предпринимать агрессивные действия (первая и третья), и/или использование в качестве предлога для наступательной активности намерение противника нанести удар (все три); 3) планировались и начались до того, как могли последовать реально опасные действия со стороны противника.

Во всех случаях просматривается следование стратегии, обусловленной главной задачей, которую ставила в тот период Москва перед Гоминьданом: создание и укрепление южнокитайской революционной базы, в которой предполагались преобразования, нацеленные на централиза-

цию и радикализацию гоминьдановской власти. И каждый раз советская сторона и ее представители выступали инициаторами активных превентивных действий.

Библиографический список

В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / сост., отв. ред., автор введения и примечаний д.и.н. А.И. Картунова. М.: Наталис, 2003. 560 с.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. 1920—1925 / руководители работы М.Л. Титаренко и Го Хэньюй. М.: Буклет, 1994. 769 с.

История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. Москва: Изд-во Московского университета, 1998.

Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. 376 с.

Мамаева Н.Л. Образование Национального (гоминьдановского) правительства как альтернативы Пекинскому правительству // История Китая с древнейших времен до начала XX века. Т. VII. Китайская Республика (1912—1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. Москва: Наука — Вост. лит., 2017. С. 127—140.

Мельникова Н. Кантонское правительство в 1923–1924 гг. // Китай в 20-е годы: экономика и политика. М.: ИДВ АН СССР, 1983. С. 132—160.

Новейшая история Китая. 1917—1927. М.: Гл. ред вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. 399 с.

Панцов А.В. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. 507[5] с.

Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923—1926 г. / сост., отв. ред.-сост., авт. предисл. А.И. Картунова; гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Наталис, 2008. 704 с.

РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

Советское общество «Руки прочь от Китая!» // История пропаганды. URL: <https://propagandahistory.ru/2330/Sovetskoe-obshchestvo-Ruki-proch-ot-Kitaya/> (дата обращения: 05.05. 2023)

Сунь Ятсен на последнем заседании пленума ЦК Гоминьдана (30 августа 1924 года) // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. 1920—1925 / руководители работы М.Л. Титаренко и Го Хэньюй. М.: Буклет, 1994. С. 473—477.

Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924—1927 гг.). М.: Наука, 1964. 288 с.

Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М.: Наука, 1976. 648 с.

Юркевич А.Г. Москва — Кантон, 1920-е: Помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013. 424 с.

Юрьев М.Ф. Роль революционной армии на первом этапе китайской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1952. 141 с.

Юрьев М.Ф. Революция 1925–1927 гг. в Китае. М.: Гос. мос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т вост. яз., 1968. 518 с.

Taylor J. The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2009. 722 p.

Wilbur C.M. Sun Yat-sen. Frustrated Patriot. New York: Columbia University Press, 1976. 413 p.

Wilbur M.C., How Lian-ying J. Missionaries of Revolution: Soviet Advisors in Nationalist China, 1920 – 1927. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 1989. 904 p.

Гун Юэцзюнь. Хуанпу цзяньши (Краткая история Хуанпу). Тайбэй: Чжэнчун шуцзюй цзяньхан, 1971. 123 с.

Гэмин вэньсянь (Документы революции). Тайбэй, 1967—1974. Т. 10.

Ли Тайцзя. Цзо ю чжи цзянь: Жун гун гайцзу хоу дэ Гоминьдан юй Гуандун шанжэнь, 1924—1925 (Между левыми и правыми: Гоминьдан и гуандунские торговцы после реорганизации Гоминьдана и включения в него коммунистов) // Чжунъян яньцзююань Цзиньдай ши яньцзюсо цзи кань (Миньго 100 нянь ди 71 ци) (Сб. Института новой истории Центральной академии наук. 100-й год Республики [2011]. [Тайбэй]. Вып. 71). С. 1—50.

Ли Фэн. Хуанпу цзюньсяо цзяодаотуань дэ цзюцзянь цзи цзаоци жэньши фэньси (Организация учебных полков при Военной школе Хуанпу и анализ положения с личным составом в начальный период) // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: Цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоунянь: сюэшу луньвэньцзи (Национальная революция и Военная школа Хуанпу: сб. научных статей, посвященных 80-й годовщине Военной школы хуанпу. Чанчунь: Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 148—172.

Хуанпу цзюньсяо шиляо (Сб. материалов по истории военной школы Хуанпу). 1924—1927. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1985. 720 с.

Чжан Хунъю. 1924 нянь Гуандун шантуань юй Гуандун гэмин чжэнфу гуаньси чжи шаньбянь (Перемены в отношениях между гуандунским шантуанями и гуандунским революционным правительством в 1924 г.) // Сычуань шифань дасюэ сюэбао. 2002. Цз. 29. № 1. С. 106—112.

References

V.K. Blukher v Kitae. 1924—1927. Novie dokumenti glavnogo voennogo sovetnika / sost., otv. red., avt. Vvedeniya i primechanij d.i.n. A.I. Kartunova [V.K. Blucher in China. 1924—1927. New documents of the Chief Military Adviser / comp., ed., author of the introduction and notes, Doctor of History A.I. Kartunova]. Moscow: Natalis, 2003. 560 p. (In Russian).

VKP(b), Komintern i revolucionnoe dvizhenie v Kitae. T. I. 1920—1925 / rukovoditeli raboti M.L. Titarenko i Guo Hengyu [The CPSU (b), the Comintern and the national revolutionary movement in China. Vol. 1. 1920—1925 / the leaders of the work of M.L. Titarenko and Guo Hengyu]. Moscow: JSC “Booklet”, 1994. 769 p.

Istorija Kitaja / pod. red. A.V. Meliksetova [History of China / ed. by A.V. Meliksetov]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1998. 732 p.

Mamaeva N.L. Komintern i Gomin'dan [Comintern and Guomintang]. 1919—1929. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publishing House, 1999. 376 p.

Mamaeva N.L. Obrazovanie nacionalnogo (gomin'danovskogo) pravitel'stva kak alternaivi Pekinskomu pravitelstvu // Istorija Kitajas drevneishih vremen do nachala XX veka. T. VII. Kitayskaja Respublika (1912—1949) / otv. red. N.L. Mamaeva [Formation of the National (Kuomintang) Government as an alternative to the Beijing Government // The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XX Century. Vol. VII. The Republic of China (1912—1949) / ed. by N.L. Mamaeva]. Moscow: Nauka — Vostochnaja Literatura, 2017, p. 127—140.

Melnikova N. Kantonskoe pravitelstvo v 1923—1924 godah // Kitaj v 20-e godi: ekonomika i politika [The Cantonese government in 1923—1924 // China in the 20s: Economics and Politics]. Moscow: Institute of Far Eastern Affairs of the USSR Academy of Sciences, 1983, p. 132—160.

Novejshaja istorija Kitaja. 1917—1927. [The Recent History of China. 1917—1927]. Moscow: The Main Editing Office of Oriental Literature of the “Science” Publishing House, 1983. 399 p.

Pantsov A.V. Chan Kaishi [Chiang Kai-shek]. M.: “Molodaya gvardiya” Publishing House, 2019. 507[5] p.

Perepiska I.V. Stalina and G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karakhanom: dokumenti, avgust 1923—1926 g. / sost., otv. red.-sost., avt. predisl. A.I. Kartunova; gl. red. M.L. Titarenko [Correspondence of I.V. Stalin and G.V. Chicherin with the USSR Envoy to China L.M. Karakhan: documents, August 1923—1926 / comp., ed.—comp., author's preface by A.I. Kartunova; ed. by M.L. Titarenko]. M.: “Natalis” Publishing House, 2008. 704 p.

Rossijskij gosudarstvennij arhive socialno-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 627. List 1. File 7. P. 28.

Советское общество «Руки прочь от Китая!» // История пропаганды Sovetskoe obshchestvo “Ruki protch ot Kitaja!” [Soviet Society “Hands off China!” // History of propaganda]. URL: <https://propagandahistory.ru/2330/Sovetskoe-obshchestvo-Ruki-proch-ot-Kitaya/> (accessed: 05 May, 2023)

Sun Yatsen na poslednem zasedanii plenuma CK Gomin'dana (30 avgusta 1924 goda) // VKP(b), Komintern i revolucionnoe dvizhenie v Kitae. T. I. 1920—1925 / rukovoditeli raboti M.L. Titarenko i Guo Hengyu [Sun Yat-sen at the last meeting of the plenum of the Central Committee of the Kuomintang (August 30, 1924) // The CPSU (b), the Comintern and the national revolutionary movement in China. Vol. 1.

1920—1925 / the leaders of the work of M.L. Titarenko and Guo Hengyu]. Moscow: JSC “Booklet”, 1994, p. 473—477.

Cherepanov A.I. Zapiski voennogo sovetnika v Kitae. Iz istorii pervoj frazhdanskoj redolcionnoj vojni (1924—1927 gg.) [Notes of a Military Adviser in China. From the History of the First Civil Revolutionary War (1924—1927)]. Moscow: “Nauka” Publishing House, 1964. 288 p.

Cherepanov A.I. Zapiski voennogo sovetnika v Kitae [Notes of a Military Adviser in China]. 2nd ed. Moscow: “Nauka” Publishing House, 1964. 648 p.

Yurkevich A.G. Moskva — Kanton, 1920-e: Sovetskaja pomoshch Gomin’danu i dve strategii ob’edineija Kitaja [Moscow — Canton, 1920s: Soviet Aid to the Kuomintang and Two Strategies for the Unification of China]. Moscow: LLC “Variant”, 2013. 424 p.

Yuryev M.F. Rol’ revoliucionnoj armii na pervom etape kitajskoj revoliucii [The Role of the Revolutionary Army at the First Stage of the Chinese Revolution]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1952. 141 p.

Yuryev M.F. Revoliucija 1925—1927 godov v Kitae [The Revolution of 1925—1927 in China]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. Institute of Foreign Languages, 1968. 518 p.

Taylor J. The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2009. 722 p.

Wilbur C.M. Sun Yat-sen. Frustrated Patriot. New York: Columbia University Press, 1976. 413 p.

Wilbur M.C., How Lian-ying J. Missionaries of Revolution: Soviet Advisors in Nationalist China, 1920—1927. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 1989. 904 p.

Gong Yuejun. Huangpu jianzhi [A Brief History of Huangpu]. Taipei: Zheng Zhong shuju jianhang, 1971. 123 p.

Geming wenxian [Documents of Revolution]. Taipei, 1967—1974. Vol. 10.

Li Taijia. Zuo you zhi jian: Rong gong gaizu hou de Guomindang yu Guangdong shangren, 1924—1925 // Zhongyang yanjiuyuan Jindai shi yanjiusuo jikan (Minguo 100 nian di 71 qi) [Between the left and the right: The Kuomintang and Guangdong merchants after the reorganization of the Kuomintang and the inclusion of Communists in it // Collection of the Institute of Modern History of the Academia Sinica. 2011. (Taipei). Issue 71], p. 1—50.

Li Feng. Huangpu junxiao jiaodaotuan de zuqian ji zaoqi renshi fenxi // Guomin geming yu Huangpu junxiao: Jinian Huangpu junxiao 80 zhounian: xueshu lunwenji (Национальная революция и Военная школа Хуанпу: сб. научных статей, посвященных 80-й годовщине Военной школы Хуанпу. [Organization of training regiments at the Huangpu Military School and analysis of the situation with personnel in the initial period // The National Revolution and the Huangpu Military School: collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of the Huangpu Military School]. Changchun: Jilin renmin chubanshe, 2004, p. 148—172.

Huangpu junxiao shiliao [Collection of Materials on the History of the Huangpu Military School]. 1924—1927. Guangzhou: Guangdong renmin chubanshe, 1985. 720 p.

Zhang Hongwu. 1924 nian Guangdong shangtuan yu Guangdong geming zhengfu guanxi zhi shanbian [Changes in relations between the Guangdong shangtuans and the Guangdong revolutionary government in 1924] // Sichuan shifan daxue xuebao. 2002. Vol. 29. № 1, p. 106—112.

И.Н. Сотникова

ОПЫТ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В КИТАЕ В ПЕРИОД АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности Национального политического совета (НПС) (1938—1948 гг.), особой политической организации Национального правительства Китайской Республики, созданной крупнейшей националистической партией Гоминьдан (ГМД) во время войны Сопrotивления китайского народа японской агрессии. Национальный политический совет, включающий представителей Гоминьдана, Коммунистической партии Китая и других патриотических партий и видных беспартийных деятелей, являлся своего рода «парламентом» периода антияпонской войны. Опыт парламентаризма НПС беспрецедентен и неоднозначен. Во многом он отражает историю взаимоотношений КПК и ГМД в период антияпонской и последующей гражданской войн, являясь продуктом второго сотрудничества между ГМД и КПК, так называемого второго единого фронта. КПК и другие партии Китая стремились использовать трибуну НПС для создания и функционирования единого национального антияпонского фронта, для демократизации политической жизни страны. ГМД и Чан Кайши, наоборот, пытались приспособить НПС для усиления однопартийной системы правления. Созданный как чисто консультативный орган при Национальном правительстве, НПС под влиянием парламентариев эволюционировал, расширил свои полномочия. По характеру и функциям НПС представлял собой своего рода «центральную организацию общественного мнения в военное время». С возрастанием авторитета КПК в последний этап войны Сопrotивления влияние ГМД начало ослабевать, НПС потерял свою значимость и был распущен в конце марта 1948 г.

Ключевые слова: Национальный политический совет, Компартия Китая, Гоминьдан, парламент военного времени, антияпонская война.

Автор: Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН).

E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

THE EXPERIENCE OF PARLIAMENTARISM IN CHINA DURING THE ANTI-JAPANESE WAR. NATIONAL COUNCIL

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of the National Political Council (NPC) (1938—1948), a special political organization of the National Government of the Republic of China, created by the largest nationalist Kuomintang Party (KMT) during the Chinese People's War of Resistance against Japanese Aggression. The National Political Council, which included representatives of the Kuomintang, the Chinese Communist Party (CCP), and other patriotic parties and prominent non-party figures, was a kind of “parliament” during the anti-Japanese war. The experience of NPC parliamentary is unprecedented and ambiguous. In many ways, it reflects the history of relations between the CCP and the KMT during the period of the anti-Japanese war and several subsequent civil wars, being the product of the second stage of cooperation between the KMT and the CCP, the so-called second United Front. The CCP and other parties in China sought to use the rostrum of the NPC to create and operate a national anti-Japanese united front, to democratize the political life of the country. The KMT and personally Chiang Kai-shek, on the contrary, tried to transform the NPC to strengthen the one-party system of government. Created as a purely advisory body under the National Government, the NPC evolved under the influence of parliamentarians and expanded its powers. In terms of character and functions, the NPC was a kind of a “central organization of public opinion in wartime.” With the growth of the authority of the CCP during the last stage of the War of Resistance, the influence of the KMT began to weaken, the NPC lost its significance and was disbanded at the end of March 1948.

Keywords: National Political Council, Chinese Communist Party, Kuomintang, wartime parliament, anti-Japanese war.

Author: Sotnikova Irina N., PhD (Hist), Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS). E-mail: sotnikova.irina@gmail.com

Известно, что начиная с 1927 г. в Китайской Республике происходило вооруженное противостояние двух партий: Компартии Китая (КПК) и Гоминьдана (ГМД). В течение 10 лет ГМД подавлял КПК и другие запрещенные с 1930-х годов политические силы, не давая им возможности участвовать в государственных делах; какая-либо демократия отсутствовала и внутри ГМД. Японская интервенция в Маньчжурии в 1931—1932 гг. и образование государства Маньчжоу-го не смягчили ситуацию, но создали реальную угрозу самому существованию Китая.

На основе решений VII конгресса Коминтерна (1935) делегация КПК в Исполкоме Коминтерна в целях преодоления создавшейся угрозы работала для партии тактику единого фронта применительно к Китаю:

«объединение огромных сил китайского народа в борьбе против японской агрессии для обеспечения независимости, свободы и целостности китайского народа...» [ВКП(б), т. V, с. 65]. При этом компартия выразила готовность ради создания антияпонского единого национального фронта изменить свой политический курс на 180°: от многолетней конфронтации к переговорам с ГМД. КПК призвала к демократизации политического устройства страны и предложила созвать всеобщую конференцию всех партий, которые выступают против японского империализма и за народный фронт [ВКП(б), т. IV, ч. 2, с. 1015]. Малые партии Китая также требовали от ГМД сотрудничества со всеми патриотическими силами в борьбе с Японией. ГМД, понимая необходимость консолидации сил всего народа для сопротивления агрессору, предпринял ряд шагов навстречу требованиям оппозиции. Переговоры ГМД и КПК в 1936 г. — первой половине 1937 г. привели к определенному сближению позиций сторон по этому вопросу. ГМД согласился прекратить преследование коммунистов и сотрудничать с КПК на определенных условиях: роспуска КПК и ее Красной армии, упразднения Советов, прекращения коммунистической пропаганды и принятия «трех народных принципов» Сунь Ятсена¹ в качестве политической основы сотрудничества всех партий.

В условиях национального кризиса, связанного с началом полномасштабной войны с Японией, общественные организации Китая сделали заявления о готовности к сотрудничеству в национальном едином фронте против агрессора. ЦК КПК 8 июля 1937 г. выступил с обращением ко всему народу, правительству, армии «объединиться в единый фронт сопротивления». Представители общественных организаций потребовали от ГМД отказа от однопартийной диктатуры, реформирования политических институтов с привлечением представителей всех партий, фракций и народных организаций к формированию демократических органов правления. В августе 1937 г. расширенное заседание Политбюро ЦК КПК приняло Программу сопротивления Японии и спасения Родины [毛泽东]. Тогда же по приказу Чан Кайши Красная армия Особого района Шэньси—Ганьсу—Нинся (8-я НОА) вошла в состав гоминьдановских войск в Северной Шэньси. Командующим был назначен Чжу Дэ, а заместителем — Пэн Дэхуай. Через месяц из коммунистических войск Центрального советского района была сформирована Новая 4-я армия под командованием Е Тина и Сян Ина, которая передислоцировалась в военную зону в Восточном Китае [РГАСПИ. Ф. 495. Л. 12].

Ряд шагов КПК и ГМД навстречу друг другу на переговорах в Лушане (июнь 1937 г.) и через месяц в Сиане закончились договоренностью о

¹ Политическая доктрина, разработанная Сунь Ятсеном на основе трех принципов: национализм, народовластие и народное благосостояние для превращения Китая в свободное, процветающее и сильное государство.

создании правительства Особого района на основе правительства советского района Шэньси—Ганьсу—Нинся. Со своей стороны ГМД прекратил наступление на освобожденные районы, хотя в течение антияпонской войны они оставались в блокаде. ГМД неофициально отказался от ликвидации советского правительства в Яньани. Немаловажной причиной, определившей позицию ГМД, стал подписанный в Нанкине 21 августа 1937 г. Договор о ненападении между СССР и Китайской Республикой [История, с. 449—450]. Причем одним из негласных условий договора о материальной и технической помощи СССР китайскому правительству был пункт о предоставлении ее части войскам КПК. Взаимоотношения ГМД и КПК в период войны и формирование единого патриотического фронта приобрели первостепенное значение для судеб Китая, во многом определили способность страны к сопротивлению Японии.

Первым шагом к демократизации гоминьдановского режима и начала консолидации патриотических сил явилась Конференция национальной обороны, проходившая в Нанкине с 5 по 8 августа 1937 г., с участием губернаторов провинций, командующих войсками и представителей КПК. Конференция приняла решение о всеобщей войне Сопротивления.

В конце 1937 г. КПК признала главенство ГМД, обязалась активизировать усилия для создания правительства национальной обороны на базе нанкинского правительства и оказывать помощь ГМД в организации единой армии национальной обороны с общим командованием, дисциплиной, вооружением, материальным обеспечением и планами военных действий. Взамен от ГМД ожидалось проведение демократических мероприятий в интересах национально-освободительной войны.

1937—1938 гг. были временем патриотического подъема и единения народа, партий и группировок перед лицом внешнего врага под эгидой ГМД. Для Чан Кайши это было вынужденное решение, ГМД не предполагал перехода к многопартийности и демократизации. Центральный политический совет, работавший с 1924 г., после начала войны прекратил свое существование. Между тем перемещение органов власти и значительных масс населения, передислокация войск привели к сумятице в механизмах государственного и административного управления. Перед ГМД стояла задача повышения эффективности военно-административного аппарата.

С этой целью 12 августа 1937 г. был образован *Высший совет национальной обороны* во главе с Чан Кайши, а 17 августа Совет обороны учредил совещательный орган — *Национальный консультативный совет обороны* [История, с. 625]. Члены совета не избирались, а назначались председателем Высшего совета национальной обороны. В состав совета были включены 25—26 видных представителей различных партий и известных деятелей из правительственных структур. Позже их число уве-

личилось до 75 [章红, с. 48]. Чан Кайши и его заместитель Ван Цзинвэй предложили первой группе из 16 депутатов встретиться в Нанкине. В число приглашенных вошли: Тао Сишэн, Фу Синян, Чжан Болин, Цзян Мэнлинь, Ли Хуан, Шэнь Цзюньжу, Хуан Яньпэй, Ма Цзюньбу, Мао Цзэдун, Ян Янчу, Чжан Яоцзэн, Чжан Цзюньмай, Лян Шумин, Цзэн Ци, Ху Ши, Цзян Байли. От КПК в состав совета были включены Мао Цзэдун, Чжан Яоцзэн и Янь Хуэйцин, которые не участвовали в заседаниях. Изредка вместо Мао Цзэдуна присутствовал на собраниях Чжоу Эньлай. Председателем Национального консультативного совета обороны был назначен Ван Цзинвэй. Первое заседание состоялось 17 августа 1937 г. в Большом театре (ныне кинотеатр «Чжуньюань», ул. Дунтин, Ханькоу). 9 сентября 1937 г. Чан Кайши добавил несколько депутатов: Ши Чжаоци, Сюй Цяня, Цзоу Таофэня, Цзо Шуньшэна, Чжан Дунсуна, Ян Гэнтао и др. Согласно организационному плану был создан секретариат во главе с генеральным секретарем Пэн Сюэпэем и Гань Найгуаном в качестве его преемника.

Заседания совета проходили четыре раза в неделю в обстановке секретности. В ближайшем будущем предполагалось создать представительный орган власти и ввести парламентское правление [Иванов, с. 138—139]. Проведя 64 заседания, совет 17 июня 1938 г. прекратил свое существование. Фактически Национальный консультативный совет обороны явился первым, хотя и небольшим, шагом по пути демократизации Китая.

После падения Шанхая и Нанкина в январе 1938 г. Военный совет получил всю полноту исполнительной власти в чрезвычайный период. Это привело к размыванию полномочий других органов власти, к переплетению функций органов военного и гражданского управления, к неразберихе в их отношениях друг с другом. Созрела настоятельная необходимость создания более представительной структуры для формирования общественного мнения. Однако в условиях военного времени созыв парламента представлялся крайне затруднительным. Под давлением общественного мнения и роста тенденций к объединению всей страны Чан Кайши в январе 1938 г. предложил ЦИК ГМД обсудить вопрос о формировании консультативного органа — «Политического совета общенационального мнения»². С помощью такого совещательного органа он надеялся успокоить различные группировки и понизить градус демократических требований.

² Название «Национальный политический совет» впервые появилось в декабре 1932 г. В феврале-марте 1933 г. на очередном заседании ЦИК ГМД были приняты Закон об организации Национального политического совета и Основы Закона о выборах Национального политического совета. Однако по разным причинам Национальный политсовет фактически не проводился. Еще одну попытку создать Национальный политический совет ГМД предпринял в марте 1935 г. в качестве переходного органа общественного мнения перед Национальным конгрессом.

Чрезвычайный съезд ГМД в Ухане 7 апреля 1938 г. принял решение о создании *Национального политического совета (НПС)* (国民参政会). По замыслу правительства, НПС должен был способствовать формулированию политики правительства, а также заложить основу для будущей Национальной народной политической консультативной конференции. Подготовка 1-го созыва НПС началась с определения его структуры, функций и полномочий, с подбора политических представителей. При слабом фундаменте народного правления Китайской Республики НПС представлял собой орган представителей политической элиты, обладавший только консультативными функциями. С другой стороны, надо понимать, что НПС создавался в то время, когда национальное правительство уходило вглубь страны и готовилось к длительной войне Сопrotивления.

Новая ситуация в Китае требовала новых форм и методов разрешения существующих противоречий между партиями и группировками, между центральным правительством и местными властями и поиска новых компромиссных решений. Сама идея создания единого национального анти-японского фронта предполагала сотрудничество не только КПК и ГМД как его основы, но и объединения всех политических партий и группировок, армий, массовых организаций, народных масс в совместной борьбе с сопротивлением Японии.

1-я сессия 1-го созыва Национального политического совета состоялась 6 июля 1938 г. в Ухане³. В условиях военного времени все члены 1-го созыва НПС были выбраны гоминьдановскими властями. Принципом подбора членов совета являлась известность и доверие общества [Иванов, с. 144]. Из 200 депутатов 88 являлись гоминьдановцами. С примыкавшими к ГМД группами обеспечивалось большинство голосов, которое играло решающую роль в совете. Каждой партией и группировкой заранее предоставлялись правительству списки кандидатур для выбора и назначения. КПК представляли семь человек, а вместе с некоторыми примкнувшими группировками получилось 50 мест. После составления списка участников 1-го созыва совета КПК заявила: «Хотя на этот раз ни один из членов НПС не избирается народом, судя по составу, национальные политические советники могут представлять орган общественного мнения в военное время» [中共, с. 491].

Остальные партии и группировки были представлены небольшим количеством участников:

— от *Молодежной (Младокитайской) партии* (中国青年党) в НПС вошли: Цзо Шуньшэн (1—4⁴ [Иванов, с. 145—146]), Ли Хуан (1—4), Чэнь Цитянь (1—4), Хэ Лучжи (4), Чан Найдэ (1), Цзэн Ци (1—4), Юй

³ После падения Уханя НПС переехал по адресу: № 168, ул. Чжунхуа, район Юйчжун, г. Чунцин.

⁴ Здесь и далее показатель участия в четырех созывах НПС.

Вэйхуа (1). Первоначально партия поддержала войну Сопротивления, затем стала менее активна, блокировалась с гоминьдановцами, лишь изредка поддерживала некоторые незначительные предложения коммунистов [РГАСПИ. Ф. 495, л. 23—24];

— от *Партии государственного социализма (нацсоциалисты)* (国家社会党) присутствовали: Ша Яньцзе (4), Ло Лунци (1—2), Чжан Дунсунь (1—2), Чжан Цзюньмай (1—4), Сюй Фулинь (1), Ху Шицин (1—2), Ло Вэньгань (1—2), Лян Шицю (1—4), Лу Динкуй (1), Чжан Сяомэй (1, 2, 4). Партия нацсоциалистов в НПС, как правило, выступала против предложений коммунистов. Большая часть их предложений выдвигалась по указанию председателя НПС и заместителя Чан Кайши в ЦИК ГМД Ван Цзинвэя. Содержание этих предложений было направлено, главным образом, против Чан Кайши и на капитулянтский компромисс с Японией. Ванцинвэевцы использовали совет для создания прояпонской капитулянтской базы, не брезгуя подкупом малых партий (от 100 тыс. до 300 тыс. долл.) [РГАСПИ. Ф. 514, л. 76; Ф. 495. л. 28]. В декабре 1938 г. Ван Цзинвэй бежал из Чунцина и открыто перешел на сторону японских захватчиков;

— от *Компартии Китая* (中国共产党) в НПС вошли: Мао Цзэдун (не присутствовал), Линь Боцюй (1, 2), У Юйчжан (1, 2), Дун Биу (1—3), Чэнь Шаоюй (Ван Мин) (1, 2), Цинь Бансянь (Бо Гу) (1—3), и Дэн Инчао (1, 2). При обсуждении вопроса о количестве людей КПК выдвигала 11 человек и требовала, чтобы 10 из них были избраны. Но в результате были избраны только вышеуказанные кандидаты. Чжоу Эньляу и Хан Ину было отказано как должностным лицам, а Лю Чэнфу не был избран [РГАСПИ. Ф. 514, л. 70]. ГМД сознательно не выделял КПК, поставив ее в ряд с другими малыми партиями и группировками, пытаясь на каждой сессии уменьшить влияние компартии. В первые годы работы НПС КПК рассматривала его как важную организационную форму сотрудничества с ГМД, придерживалась принципа равенства всех партий. Занимая леводемократическую позицию, коммунисты продвигали программу освободительной войны, «строительства государства» Сунь Ятсена, расширения антияпонского национального единого фронта, желая сделать ее программой национального правительства [РГАСПИ. Ф. 514, л. 73—74];

— от бывших участников *Группировки «прав человека»* вошли: Ван Юньу (1—4), Чэн Шэво (1—4), Сюй Дэхэн (м. б. относится к 3-й партии) (1—4), Ху Ши (1, 4);

— *Общество спасения государства* (救国会) получило восемь мест: Ван Чжожань (1—2), Ван Цзаоши (1—2, 4), Ши Лян (1—2), Шэнь Цзюнь (1—2), Цзоу Таофэнь (1—2), Чжан Шэньфу (1), Шэн Тинкуй, Тао Синчжи (1—2). Позиция Общества была достаточно прогрессивна. В значительной степени оно представляло волю части народа в НПС. Несмотря на давление со стороны ГМД, деятельность членов Общества заранее

согласовывалась с коммунистами, оно активно поддерживало предложения КПК [РГАСПИ. Ф. 514, л. 77];

— от *Общества профессионального образования (группа профессионалов-педагогов)* (职业教育社) в состав НПС вошли пять человек: Ван Чжишэнь (1—2), Цзян Вэйюй (1—4), Лэн Юй (1—4), Ян Яньчу (1—4), Хуан Яньпэй (1—4). Общество профессионалов не одобряло политику правительства. Профессионалы были лояльны к коммунистам, уважая их позицию, но открыто не сближались с компартией. Общество требовало демократии и политического прогресса, всегда поддерживало коммунистов и единый национальный фронт. В спорах КПК и ГМД профессионалы выступали посредниками [РГАСПИ. Ф. 514, л. 78.];

— *Группировка сельского строительства* (乡建排) была представлена Ван Цзиньсином (1,2), Лян Шумином (1—2);

— от *Третьей партии* (第三党) входили: Чжан Бэй (1), Ли Шичжан (2), Чжан Боцзюнь (1—4), Тань Пиншань (1—4), Гань Цзехоу (1—2). Ее программа из восьми пунктов была близка к позиции коммунистов по вопросам демократии и созыва Национального собрания [РГАСПИ. Ф. 495, л. 29—31];

— *Партия китайских эмигрантов*: Сыту Мэйтан (3—4);

— *Китайский национальный революционный союз* [Иванов, с. 145—146].

Все беспартийные общественные деятели, такие как: Шэнь Цзюньфу, Чжан Шэньфу, Чэнь Баоинь, Чэн Симэн, Цзян Хэньюань, Лэн Юцю, Мо Дэхуэй, Ду Чунъюань, Янь Янчу, Инь Чанхэн, Чжан Лань, Ма Цзюньбу, Чу Фучэн, — как правило, поддерживали предложения коммунистов.

От всех партий и группировок были отобраны ГМД всего 10 женщин [РГАСПИ. Ф. 514, л. 69].

Позже формирование членов НПС сочетало в себе и отборы, и выборы. С образованием временных органов местного самоуправления⁵ им было передано право избирать представителей в НПС. Ко второму созыву НПС часть из 240 политических советников была избрана временными советами провинций и городов. К третьему и четвертому созывам НПС, когда количество членов возросло до 290—362 человек, число избранных членов постепенно увеличивалось и составило 75 % от общего числа депутатов. Для Китая это было беспрецедентным явлением.

НПС избрал Постоянный комитет, состоящий из 25 человек, причем некоторые из них избирались путем общего голосования. В Постоянном

⁵ Во время антияпонской войны были созданы местные временные советы: Временный совет провинций Гуандун и Хунань (апрель 1939 г.), Временный совет провинций Аньхой, Сычуань, Шэньси, Цинхай и Юньнань (май 1939 г.), Временный совет пров. Хубэй (июнь 1939 г.), Временный совет Чунцина (октябрь 1939 г.), Временный совет пров. Ганьсу (ноябрь 1939 г.) и Временный совет пров. Сикан (май 1940 г.).

комитете ГМД получил большинство мест, а другие партии — по 2—3 места. От КПК в комитете состояли: Ван Мин, У Юйчжан и Дун Биу [РГАСПИ. Ф. 514, л. 79]; от «Молодежной партии» — Ли Хуан, Цо Шуншэн и др.; от нацсоциалистов — Чжан Цзинмэй, Ху Шичин. От Третьей партии и Общества «Спасение государства» не было никого. Состав Постоянного комитета 2-го созыва был почти аналогичен первому. В составе 3-го созыва членами Постоянного комитета от ГМД были те же лица, что и в первом созыве. Другие партии получили по два места. КПК представляли Дун Биу и Цинь Бансянь (Бо Гу). Затем от Общества «Спасение государства» добавилось одно место. Результат выборов в Постоянный комитет 4-го созыва был такой же, лишь добавились два человека от беспартийных общественных деятелей [РГАСПИ. Ф. 514, л. 79]. НПС собирался раз в неделю (позже — раз в две недели), заслушивал доклады министров, но не обсуждал их, фактически не играл решающей роли [РГАСПИ. Ф. 514, л. 80].

Сам факт созыва Национального политического совета был высоко оценен общественностью, которая рассчитывала использовать его трибуну для обсуждения насущных проблем. Мао Цзэдун приветствовал созыв НПС, направив телеграмму с пожеланием объединиться в войне Сопrotивления.

НПС созывался четыре раза с июля 1938 г. по май 1947 г. и провел в общей сложности 13 сессий, 11 из которых состоялись до победы в анти-японской войне 1945 г. (см. таблицу ниже). Срок полномочий каждого созыва определялся в один год.

Таблица

Национальный политический совет		Время проведения сессий	Место	Количество заседаний
Созывы	Сессии			
1-й созыв	1-я	6 июля — 15 июля 1938 г.	Ухань	10
	2-я	28 октября — 6 ноября 1938 г.	Чунцин	10
	3-я	12 февраля — 21 февраля 1939 г.	Чунцин	9
	4-я	9 сентября — 18 сентября 1939 г.	Чунцин	9
	5-я	1 апреля — 10 апреля 1940 г.	Чунцин	9
2-й созыв	1-я	1 марта — 10 марта 1941 г.	Чунцин	9
	2-я	17 ноября — 27 ноября 1941 г.	Чунцин	10
3-й созыв	1-я	18 октября — 31 октября 1942 г.	Чунцин	11
	2-я	18 сентября — 27 сентября 1943 г.	Чунцин	11
	3-я	5—18 сентября 1944 г.	Чунцин	19
4-й созыв	1-я	7 июля — 20 июля 1945 г.	Чунцин	19
	2-я	20 марта — 2 апреля 1946 г.	Чунцин	21
	3-я	20 мая — 2 июня 1947 г.	Нанкин	19

Подробнее см.: 章红, с. 50.

ГМД по-прежнему не признавал никаких партий, поэтому в НПС было явных фракций. Отношение промежуточных партий к правительству и НПС было неоднозначным. С одной стороны, ради защиты национальных интересов партии должны были поддерживать ГМД, признавать его руководство, но с другой стороны, имея собственные политические взгляды, они выражали более радикальные демократические требования, которые часто затрагивали коренные интересы ГМД. Несмотря на давление и заведомо недемократические политические приемы ГМД, партии и группировки в совете блокировались с разными партиями.

Во время первых созывов роль НПС была чисто консультативной. Но постепенно стали усиливаться призывы всех слоев общества к расширению его функций и полномочий. Эти призывы вызвали определенный отклик в высших эшелонах ГМД. Дважды, в сентябре 1940 г. и в сентябре 1944 г., в НПС поднимался вопрос о расширении полномочий совета и праве советников рассматривать государственный бюджет. Это право постоянно отвергалось Чан Кайши. После неоднократных и жесточенных дебатов НПС получил возможность рассматривать бюджет. Однако реально решение вступило в силу в июле 1945 г., в канун победы в анти-японской войне, во время четвертого созыва НПС.

Тем не менее фактическая деятельность депутатов, получивших право обращаться с запросами в правительство и его комитеты, решать многие острые вопросы, касающиеся кадровых назначений деятелей ГМД, была достаточно эффективна. Многие недостатки в результате предпринятых усилий впоследствии были разрешены или устранены. Делегаты заставили НПС играть практическую роль в политике. Тому есть многочисленные примеры. Так, на 2-й сессии 1-го созыва НПС при обсуждении вопроса о падении Гуанчжоу был призван к ответу командующий Юй Ханьмоу. Тогда же члены НПС вынесли порицание центральному правительству за халатность при обороне пров. Гуандун. В ходе 2-го созыва НПС был подвергнут резкой критике заместитель министра финансов Юй Хунцзюнь за умолчание в его докладе наличия инфляции в стране. Министру продовольствия Сюй Канью, оставившему без ответа запрос депутатов, пришлось принести извинения [章红, с. 51].

Показательна в этом отношении история с президентом Центрального банка Китая Кун Сянси, который не принял действенных мер в преддверии финансового кризиса. Депутаты еще в июле 1938 г. выразили свое недоверие Кун Сянси и предлагали взамен кандидатуру Сун Цзывэня. На 2-й и 4-й сессиях 1-го созыва сначала 50 членов НПС, затем 40 депутатов направили письма Чан Кайши с требованием отставки Куна [章红, с. 52]. Депутаты обвиняли Кун Сянси в нецелевом использовании государственных средств. Только во время 3-й сессии 3-го созыва НПС в сентябре 1944 г. совет 120 голосами против шести принял постановление об от-

странении министра финансов с поста президента Центрального банка. Кун Сянси был вынужден уйти в отставку с поста министра финансов и вице-президента Исполнительного Юаня [章红, с. 53].

В первых трех созывах НПС коммунисты активно продвигали важные демократические предложения. На 3-й сессии 1-го созыва НПС «Предложение об установлении демократии и верховенства закона» У Юйчжана было одобрено собранием. На следующей сессии 1-го созыва члены малых партий поддержали законопроект КПК о скорейшем созыве Национального собрания для осуществления конституционного правления. Принятие документа вынудило гоминьдановцев публично обещать активизировать строительство низовых институтов общественного мнения, приступить к разработке конституции и запланировать созыв Национального собрания.

Активная позиция компартии вызывала раздражение ГМД, обострились прошлые межпартийные противоречия. В ответ на критику принятой V пленумом ЦИК ГМД 5-го созыва (январь 1939 г.) политики «антикоммунизма» и «ропуска компартии» КПК отвечала резкими заявлениями. Но гоминьдановцы продолжили антикоммунистические выпады и предприняли военные атаки против некоторых районов, контролируемых КПК. В знак протеста из-за нападения на Новую 4-ю армию (Южно-Аньхойский инцидент)⁶ и подавления 8-й армии ЦК КПК постановил отказаться от присутствия на 5-й сессии 1-го созыва НПС [章红, с. 60—61].

Вслед за резким ухудшением отношений между ГМД и КПК в начале 1941 г. Советскому Союзу, США, Великобритании и другим странам пришлось оказать давление на Чан Кайши с целью разрешения конфликта политическим путем. Впоследствии ситуация ненадолго улучшилась, было решено, что Дун Биу, Цинь Бансянь и др. будут присутствовать на сессии. 25 февраля и 2 марта 1941 г. представители КПК вновь отказались участвовать в 1-й сессии 2-го созыва НПС [ВКП(б), т. V, с. 506—507], пока не будет освобожден Е Тин. На следующей, 2-й, сессии в ноябре ГМД пробовал заставить КПК без предварительных условий присутствовать на заседании совета. В ответ Мао Цзэдун сообщил через Дун Биу и Дэн Инчао, что никто не заставит коммунистов участвовать в совете даже под давлением Чан Кайши. Хотя Е Тин не был освобожден, КПК отправила на сессию Дун Биу для того, чтобы зарезервировать площадку для дальнейших переговоров по этому вопросу.

В поздний период антияпонской войны КПК имела базу почти в 100 млн человек и стала заметной политической и военной силой, которую невозможно было игнорировать. На заседании президиума VII пле-

⁶ В январе 1941 г. гоминьдановские войска разгромили Новую 4-ю армию. Командующий армией генерал Е Тин попал в плен, его заместитель Сян Ин был убит.

нума ЦК КПК 6-го созыва было решено, что престиж КПК высок и в тылу, и за рубежом, поэтому пора ей самой решать проблемы. Тем более, что компартия накопила собственный опыт демократической политики [О демократических, с. 16—28]. При этом демократия в опорных районах КПК достигла беспрецедентных высот как по форме, так и по содержанию. В Пограничном районе Шэньси—Ганьсу—Нинся и других антияпонских базах КПК существовали временные советы и многие другие общественные организации.

Накануне 2-й сессии 3-го созыва в сентябре 1943 г. ЦК КПК дал указание Дун Биу в Чунцине не отчитываться перед НПС, не терпеть антикоммунистических выпадов, а демонстративно покинуть заседание. На ближайшем заседании, когда доклад Дун Биу о военном министре Хэ Инцине вызвал необоснованные обвинения со стороны гоминьдановцев, докладчик так и поступил. В сентябре 1944 г., накануне 3-й сессии 3-го созыва НПС Дун Биу, Линь Боцзюй и др. были уполномочены партией предложить ГМД реорганизовать правительство и создать новое, упразднить однопартийное правление, созвать Национальное собрание, которое внедрит конституционализм, реализует национальную политику войны Спротивления. На сессии Линь Боцзюй официально озвучил этот призыв КПК. Несмотря на серьезные трения, компартия считала, что НПС не теряет своей роли и значения на пути к реальной демократизации. Промежуточные партии тоже надеялись, что НПС постепенно реализует гражданские права и ту демократическую политику, которую требует китайский народ [章红, с. 53].

С ростом политического влияния КПК положение ГМД серьезно ухудшалось, обострилась межфракционная борьба в высших эшелонах ГМД, наметилась тенденция к сворачиванию демократических мероприятий и усилению однопартийной власти. Численность НПС сильно сократилась, и его фактическое участие в делах национального правительства тоже ограничилось. Из-за радикальной политической позиции некоторые депутаты были исключены из НПС. Чжан Боцзюнь, член Третьей партии, и несколько членов общества национального спасения утратили полномочия представителей. Подобные случаи участились на более позднем этапе работы НПС. С сентября 1943 г. число депутатов от всех партий, присутствовавших на 2-й сессии 3-го созыва совета, сократилось настолько, что нанесло урон имиджу НПС. Гоминдановским властям пришлось преобразовать НПС из публичного органа в Президиум совета из семи человек.

На заключительном этапе антияпонской войны в 1944—1945 гг. политика гоминьдановского правительства подвергалась критике. В ГМД развернулось движение за обновление партии, правительства, вооруженных сил. Оно развивалось на фоне признания статуса Китая его союзни-

ками в качестве великой державы, с одной стороны, и роста авторитета КПК — с другой. К 1945 г. влияние компартии в северных и части центральных районов Китая было уже сопоставимо с авторитетом Гоминьдана. Противоречивый характер принимаемых ГМД решений контрастировал с более последовательной линией КПК за демократизацию страны и создание коалиционного правительства, отраженной в документах VII съезда КПК (1945). Коммунисты считали, что невозможно развивать демократические процессы в Китае, полагаясь исключительно на НПС, поэтому отказались участвовать в 1-й сессии 4-го созыва совета. С этого момента для КПК НПС перестал быть демократическим институтом, обеспечивающим равное участие всех сторон, а превратился в инструмент ГМД для демонстрации демократии.

После войны в 1946 г., несмотря на противодействие КПК, ГМД под воздействием внешних факторов в одностороннем порядке созвал *Конституционный национальный конгресс* и принял Конституцию Китайской Республики. Конституционный Национальный конгресс формально получил полномочия формулировать и вносить поправки в конституцию, а также право отзыва президента и вице-президента. При этом объявлялось, что депутаты Национального конгресса будут избраны всенародным голосованием. Однако, когда Национальный конгресс был созван, режим ГМД был на грани краха, он фактически не мог играть никакой роли [章红, с. 57].

В позднереспубликанский период в течение четырех лет после окончания войны международная обстановка претерпела огромные изменения. ГМД и Чан Кайши игнорировали насущные требования других политических сил и народа страны, что прервало процесс демократизации в Китае, наметившийся во время единого фронта Сопротивления. После непродолжительной политической согласованности отношения между ГМД и КПК стали критическими. Созданный Национальный конгресс, находившийся под контролем коррумпированного и реакционного гоминьдановского режима, не имел политического престижа НПС.

При оценке характера и роли НПС следует отметить, что во время войны он являлся концентрированным выражением китайской политической демократии, просуществовавшей довольно продолжительное время. НПС был достаточно представительным органом: помимо членов ГМД совет включал членов КПК и многих других партий, известных деятелей из всех слоев общества, представлявших все основные районы страны, включая контролируемые ГМД антияпонские базы и даже районы, оккупированные противником. Получив право прямого влияния на национальное правительство путем внесения своих предложений и замечаний, делегаты НПС принимали на каждом заседании не менее 2500 предложений, касающихся военных, иностранных и внутренних дел, финансов,

образования и т. д. В более позднем периоде существования НПС получил право рассматривать государственный бюджет. НПС в то время являлся главным политическим и демократическим институтом, который положительно оценивали в стране и за рубежом.

Следует также отметить, что постоянно действующая и относительно устойчивая организационная форма НПС сыграла в целом положительную роль в сплочении различных, ранее запрещенных, антияпонских сил. Опальные партии получили возможность открыто и легитимно обнародовать свои заявления, участвовать в государственных делах и военном сотрудничестве с ГМД. НПС стал символом демократии в Китае, новой политической структурой, невиданной до антияпонской войны во всей истории Китайской Республики.

С другой стороны, назвать НПС «парламентом военного времени» невозможно, поскольку он не являлся полноправным органом народного волеизъявления. Несмотря на энтузиазм антияпонской борьбы, совместные демократические усилия в продвижении войны Спротивления в начале своего создания, со временем НПС перестал быть трибуной для сторонников демократии в Китае. Прежде всего, вследствие неравномерности представительства партий и групп ГМД, используя численное преимущество и влияние, ограничивал деятельность депутатов, стремясь поставить НПС себе на службу. Партии занимали второстепенное положение, а количество мест, предоставленных КПК, не соответствовало ее фактической силе.

Подобной демократии было недостаточно даже для военного времени. Властные полномочия НПС ограничивались, все принятые им решения должны были проходить утверждение Высшего совета национальной обороны. Многие предложения НПС не получили должного внимания со стороны национальных органов власти, что вызывало много нареканий у депутатов. Кроме того, правительство ГМД по-прежнему продолжало препятствовать деятельности единого национального фронта, оказывая давление на депутатов, манипулируя кадрами. Таким образом, НПС не смог стать полноправным органом народного волеизъявления, поэтому не мог играть решающей роли в политической жизни страны. Тем не менее сам опыт НПС в проведении политических консультаций при многопартийном представительстве впоследствии стал основой политической системы как КНР, так и Тайваня.

Библиографический список

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы/Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 — май 1943. М.: РОССПЭН. 2007. 751 с.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы/Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931—1937. В 2-х частях. Ч. 2. М.: РОССПЭН. 2003. 1231 с.

Иванов П.М. Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928—1947 гг.). М.: ИД «Муравей», 1999. 387 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII: Китайская Республика (1912—1949 гг.). М.: Изд-во «Восточная литература», 2013. 1279 с.

О демократических преобразованиях в освобожденных районах Китая // Бюллетень Бюро информации ЦК ВКП(б). Вопросы внешней политики. № 15 (39), 15 августа 1946 г. С. 16—28.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 307. Л. 12—31.

РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 919. Л. 63—80.

毛泽东。为动员一切力量争取抗战胜利而斗争 [Мао Цзэдун. За мобилизацию всех сил для завоевания победы в войне Сопротивления URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-19370825.htm> (дата обращения: 30.01.2023)

中共中央文献研究室、中央档案馆：建党以来重要文献选编（1921—1949）[Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК и Центральный архив. Сборник важных документов после создания партии (1921—1949)]. Т. 15. Пекин: Центральное литературное издательство, 2011.

章红。国民参政会述论 [Чжан Хун. Комментарий к Национальному политическому совету]. С. 47—68. URL: <http://www.krzzjn.com/uploadfile/2018/0605/20180605090143519.pdf> (дата обращения: 21.03.2023)

References

VKP(b), Komintern i Kitay: Dokumenty [VKP(b), Comintern and China: Documents. Vol. V.: VKP(b), the Comintern and the CCP during the anti-Japanese war. 1937 — May 1943] / Ed. M.L. Titarenko, M. Leitner. M.: ROSSPEN, 2007. 752 p. (In Russ.).

VKP(b), Komintern i Kitay: Dokumenty. T. IV. [VKP(b), Comintern and China: Documents. Vol. IV [VKP(b), the Comintern and the Soviet movement in China. 1931—1937]. In 2 parts. Part 2. / Ed. M.L. Titarenko, M. Leitner. M.: ROSSPEN, 2007. 1232 p. (In Russ.).

Ivanov P.M. Maly'e partii Kitaya v bor'be za demokratiyu (1928—1947 gg.). [Small parties in China in the struggle for democracy (1928—1947)]. М.: ИД «Муравей», 1999. 387 p. (In Russ.).

Istoriya Kitaya s drevnejshix vremen do nachala XXI veka. T. VII: Kitajskaya Respublika (1912—1949). [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. VII: Republic of China (1912—1949)]. М.: Изд-во «Vostochnaya literatura», 2013. 1279 p. (In Russ.).

О демократических преобразованиях в освобожденных районах Китая // Бюллетень бюро информации ЦК ВКП(б). Вопросы внешней политики [On democratic

transformations in the liberated regions of China // Bulletin of the Bureau of Information of the Central Committee of the VKP(b). Questions of foreign policy]. No. 15 (39), August 15, 1946, pp. 16—28. (In Russ.).

RGASPI. F. 495. Op. 74. D. 307. L. 12—31. [RSASPH — Russian State Archive of Socio-Political History. F. 495. Inv. 74. F. 307. P. 12—31.] (In Russ.).

RGASPI. F. 514. Op. 1. D. 919. L. 63—80. [RSASPH. F. 514. Inv. 1. F. 919. P. 63—80] (In Russ.).

毛泽东。为动员一切力量争取抗战胜利而斗争[Mao Zedong. Struggle to mobilize all forces for victory in the War of Resistance]. URL: <https://www.marxists.org/chinese/maozedong/marxist.org-chinese-mao-19370825.htm> (accessed: 30.01.2023) (in Chin.)

中共中央文献研究室、中央档案馆：建党以来重要文献选编（1921—1949）[Center for the Study of Party Documents under the CCP Central Committee and the Central Archive. Collection of important documents after the creation of the party (1921—1949)]. V. 15. Beijing: Central Literary Publishing House, 2011. (in Chin.)

章红。国民参政会述论 [Zhang Hong. Commentary on the National Political Council] URL: <http://www.krzzjn.com/uploadfile/2018/0605/20180605090143519.pdf> (accessed: 21.03.2023) (in Chin.)

Т.Г. Герасимова

КУЛЬТУРА КИТАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

**(по материалам издания «КНР: политика,
экономика, культура» 2009—2014 гг.)**

Аннотация. В освещении российских исследователей — авторов продолжающегося издания «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» (2009—2014) за рассматриваемый период демонстрируется развитие Китая в сфере философии, образования, истории, языковой политики, народных традиций, которые в истории культуры Китая в широком смысле всегда воспринимались как часть общественной культуры страны. Обращают внимание работы российских китаеведов, опубликованные в юбилейных изданиях серии, в которых ставился акцент на осмысление опыта развития культуры в той или иной области. Китайская культура, наряду с такими освещаемыми темами, как политика и экономика КНР, является одним из традиционно значимых направлений продолжающегося издания, задуманного еще в 1969 г., и занимает далеко не последнее место в отечественной историографии. Изучение культуры китайского общества всегда охватывает крупный блок тем, уходящих корнями в древность. Научные изыскания о Китае, опубликованные в блоке по культуре, представлены не только ретроспективно, взглядом в прошлое, но и современными нарративами.

Автор отмечает, что достижения российских исследователей в области философии и образования даются на фоне исторических событий, происходящих в Китае и мире, представлены в тесной связи с событиями внутренней и внешней политики, а также с идеологией Компартии Китая и формированием в КНР законодательной сферы. Подчеркивается, что продвижение и распространение знаний о культуре Китая по всему миру оказывают сильное влияние на общественное сознание людей, формируют положительный имидж страны, расширяют и углубляют представления о китайской цивилизации как «великом возрождении нации». Делается вывод, что в связи с существующими современными вызовами от ученых, в том числе от молодых исследователей, в настоящее время ожидается более глубокое изучение духовного, исторического и культурного наследия российской школы китаеведения.

Ключевые слова: КНР, философия, образование, история, российское китаеведение, продолжающееся издание, историография.

Автор: *Герасимова Татьяна Григорьевна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук. E-mail: gerta48@mail.ru

T.G. Gerasimova

**CHINA CULTURE IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY
(BASED ON MATERIALS FROM THE PUBLICATION
“PRC: POLITICS, ECONOMICS, CULTURE” 2009—2014)**

Abstract. In the coverage of Russian researchers — authors of the ongoing publication “The People’s Republic of China: Politics, Economics, Culture” (2009—2014), during the period under review, China’s development in the field of philosophy, education, traditional history, language policy, folk traditions is demonstrated, which in Chinese cultural history in a broad sense has always been perceived as part of the country’s public culture. Attention is drawn to the works of Russian sinologists published in the jubilee editions of the series, in which the emphasis was placed on understanding the experience of the development of culture in a particular area during the period of modernization in the country that had an impact on it. Chinese culture, along with such covered topics as the politics and economy of the PRC, is one of the traditionally significant areas of the ongoing series, conceived back in 1969, and occupies by no means the last place in Russian historiography. The study of the culture of Chinese society always covers a large block of topics rooted in antiquity. Scholarly research on China, published in the culture block, is presented not only retrospectively, with a look into the past, but also with modern narratives.

The author notes that achievements in the field of philosophy and education are given against the backdrop of historical events taking place in the PRC and the world, are influenced by domestic and foreign policy, as well as the ideology of the Communist Party and the government of the PRC, the formation of the legislative sphere. It is emphasized that the promotion and dissemination of knowledge and values of Chinese culture around the world, which have a fantastic impact on the public consciousness of people, forms a positive image of the country, expanding ideas about Chinese civilization, the “great revival” of the nation. It is concluded that in connection with the existing modern challenges, the tasks currently set in a new way encourage scientists, including young researchers, to a deeper study of the existing spiritual, historical and cultural heritage of the Russian school of Sinology, and the way to further transfer them.

Keywords: PRC, philosophy, education, traditional history, Russian school of Sinology, continuing edition, historiography.

Author: *Gerasimova Tat'yana G.*, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

E-mail: gerta48@mail.ru

Для Китая — одного из лидеров современного мира — создание положительного внешнеполитического имиджа актуализируется с каждым годом. Сегодня официальные власти Китая проявляют рост внимания к национальной культуре и поддерживают приобщение народа к традиционным ценностям. Судя по всему, в соответствии с формулировками и стратегиями, касающимися внутренней и внешней политики, а также культуры, Китай стремится в перспективе к «великому возрождению китайской нации», «сообществу единой судьбы человечества», реализации проекта «Один пояс, один путь», осуществлению «китайской мечты» и непосредственному участию в создании нового миропорядка и архитектуры международной безопасности.

Необыкновенно насыщена и глубока культура Китая. Тысячи востоковедов из всех стран мира посвящают свою жизнь изучению только одной из ее граней, огромное количество книг написано на тему исследования ускользающей и массивной, загадочной и такой реальной, пронизанной вековыми традициями культуры Китая. Китайская культура, являясь важным объектом изучения для широкого круга российских ученых и зарубежных специалистов, охватывает немалый блок малоизученных тем, уходящих корнями в древность, привлекая всеобщие взгляды читателей к своей истории и современному состоянию развития.

Научные изыскания по культуре Китая в таких областях, как история и философия, общественные науки и образование, театр и кинематография, литература и кино, религии и язык, быт и традиции и т. д., интересны читателю не только своей историей, но и современными тенденциями развития. Достижения культуры в стране напрямую связаны с развитием внутренних и внешнеполитических процессов, формирующихся под влиянием исторических событий, происходящих в Китае и в мире. Знание этих аспектов и их особенностей очень важно для характеристики объективной масштабной картины КНР.

Посвященное культуре направление занимает особое место в продолжающемся информационно-аналитическом издании «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» (далее — *«КНР: политика, экономика, культура»*) еще со времен своего родоначальника Института Дальнего Востока — 1966 г., в настоящее время Института Китая и современной Азии — 2022 г.

Предыстория возникновения серии рассказывает, что издание ежегодных справочников по Китаю, начатое в 1969 г. Институтом Дальнего Востока АН СССР с грифом «для служебного пользования» в экспериментальном порядке дало положительный толчок формированию серийного выпуска ежегодного научно-информационного издания *«КНР: политика, экономика, культура»*. С момента открытого появления ежегодник стал своего рода монитором, на котором отображалась хроника

прежних и новых изысканий ученых Института о ближайшем соседе. В соответствии с профилем Института главная задача издания с первых дней его появления состояла в том, чтобы дать широкой общественности объективную многоплановую картину развития КНР. С тех пор впервые информация о Китае в систематизированном виде была представлена перед широким читателем.

Серия, существующая уже более 50 лет, представлена в трех традиционных направлениях: политика, экономика, культура, что зафиксировано в ее названии, отражая реалии Китая. Издание знакомит читателя и с изменениями во внутренней и внешней политике, в социально-экономической жизни страны — в том числе в законодательстве, военной и демографической политике — с проблемами и вызовами сегодняшнего дня на международной арене и с развитием китайской культуры в прошлом и настоящем, занимает далеко не последнее место в отечественной историографии. Научные исследования заполняют имеющиеся пробелы в картине происходящих культурно-исторических процессов, подчеркивая глубокую связь между историей и современностью.

Возвращаясь к теме нашей статьи, напомним, что в первых ежегодниках серии освещалось состояние китайской культуры, которое свидетельствовало о тяжелом кризисе в этой области, в частности в литературе, театре и кинематографии, вызванном разрушительными последствиями «культурной революции»; характеризовалось положение интеллигенции. В более поздних — рассматривались основные тенденции культуры, общественные науки, литература, театр, кино, образование; освещалась политика КПК в отношении интеллигенции.

За последний период в продолжающемся издании рассматривается широкий спектр тем, освещаются самые разнообразные пласты культурной жизни Китая. Важной составляющей являются аналитические статьи, посвященные истории и традициям китайской цивилизации, науке и образованию, развитию литературной и театральной жизни, кинематографии, вопросам языковой политики, религии, нравам и обычаям как части китайской культуры, неразрывно связанной с модернизацией, внутренними и внешнеполитическими процессами, происходящими в КНР.

В настоящем обзоре на основе материалов изданий информационно-аналитической серии «*КНР: политика, экономика, культура*», вышедших в свет в 2009—2014 гг.¹, демонстрируется панорама событий, произо-

¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура (См. издания 2009—2014 гг.) — В изданиях этого периода тема культуры КНР характеризуется углублением российских исследований в связи с активным продвижением и распространением по всему миру знаний о Китае, появлением новых нарративов, оказывающих влияние на общественное сознание людей и формирующих положительный имидж страны. В работах ставится акцент на осмысление опыта развития культуры

шедших за рассматриваемый отрезок времени по аспектам китайской культуры в исторической ретроспективе и трансформирующихся в современности.

Грандиозные социально-политические и культурные достижения страны в разных сферах деятельности имеют самую тесную связь с историческими событиями, без преувеличения подтверждая, что создание объективной картины сегодняшнего Китая предполагает глубокое знание его истории и культуры. Информация о состоянии культуры, науки и образования подробно анализируется ведущими специалистами Института и публикуется в блоке, посвященном культуре Китая, являясь составной частью комплексного изучения КНР.

Раскрытию и анализу направлений по культуре Китая посвящаются рубрики: «Философские науки», «Образование», «Исторические традиции», «Театр», «Литература», «Кинематография», «Телевидение», «Языкознание», «Религии», «Быт, обычаи и нравы» и др.

В выпусках сборников этого периода красной нитью проходят итоги тридцатилетней политики реформ и открытости, ставшие одновременно и символическим победным знаком в преддверии 60-летнего юбилея страны. Акцент в юбилейных изданиях ставится на осмысление опыта развития культуры в той или иной области в период реформ в стране, оказавших воздействие на ее развитие.

Далее остановимся на краткой характеристике исследований российских китаеведов, касающихся развития Китая в области философских наук (А.В. Ломанов), системы образования (Н.Е. Боровская), языковой политики (О.И. Завьялова), исторических традиций китайской цивилизации (П.М. Кожин) и национальной специфики обычаев и нравов (А.Л. Верченко), глубоко между собой связанных культурным пространством.

* * *

Тема *философии* рассматривается в блоке «Культура и образование» в сборниках серии «КНР: политика, экономика, культура», изданных в период с 2009 по 2013 г. Этой теме посвящены работы российского китаеведа д.и.н. А.В. Ломанова.

Так, в подготовленном коллективом сотрудников ИДВ сборнике «КНР: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР» (вып. 2009 г.), в статье «Философские науки», автор дает подробную характеристику поэтапного исторического развития философских наук в Китае с 1958 г., когда «массовое движение началось с создания в одном из цехов Шан-

Китая в области философии и общественных наук, образования, традиций истории, языковой политики, национальных обычаев и др., способствующего обогатить представления о китайской цивилизации как «великом возрождении нации».

хайского судостроительного завода группы по изучению философии». Развернувшаяся с согласия властей широкая кампания под лозунгом «изучать философию, применять философию» продлилась около двух десятилетий [КНР: политика... К 60-летию, с. 370]. Распространение основ марксистской философии среди населения совершалось ценой значительного упрощения. Целью учебы, как констатировалось, была утилитарная задача применения освоенных знаний (прежде всего диалектического метода) как мировоззренческой и методологической основы для решения конкретных проблем, возникающих на производстве. Популяризация философских знаний была соединена с политическими целями, развитие профессиональной философии было подчинено идеологическим задачам.

«Соотнесение традиционного материала с постулатами тогдашней официальной философии стимулировало осмысление специфики национального идейно-теоретического наследия. Ряд ученых призвал избегать крайних упрощений при выделении в китайской мысли борьбы материализма и идеализма, диалектики и метафизики» [КНР: политика... К 60-летию, с. 371—372). Эти споры были продолжены в 1979 г., когда возрождение китайской историко-философской науки началось с обсуждения проблем исследовательской методологии.

Характеризуются и другие дискуссии. Так, в 1979—1982 гг. проходила дискуссия, скованная рамками комментирования отдельных положений классических произведений марксизма. Ослабление господствовавшей в предыдущие десятилетия идеологии классовой борьбы создавало условия для гуманистического переосмысления марксизма; в результате в китайских научных кругах развернулась дискуссия о гуманизме в широком смысле, отличном от его трактовки как европейского течения эпохи Возрождения [КНР: политика... К 60-летию, с. 372).

Автором констатируется, что в середине 1980-х в Китае заметно возрос интерес к традиционной культуре и ее сопоставлению с западной, что стало дополнительным стимулом для изучения китайской философии и творческого наследия представителей современного конфуцианства.

Открытость Китая культурным воздействиям извне создала условия для освоения современной западной философии: начался всплеск интереса к экзистенциализму и философии жизни, молодежь увлеклась модными в те годы идеями свободы и гуманизма произведений Ж.П. Сартра. Стали также популярными и взгляды Ф. Ницше, воспринятые китайской молодежью как духовный ориентир на фоне падения доверия к официальной идеологии; еще одной яркой частью идейной палитры 1980-х, замечает автор, стало увлечение психоанализом З. Фрейда, открывшим новые подходы к изучению человеческой природы.

В этот период в изучении зарубежной философии сформировались устойчивые направления, развитие которых, по оценке автора, продолжается и в наши дни. Творчество Д. Лукача, А. Грамши, представителей франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно, как сообщается в статье, стало одним из источников для переосмысления проблем гуманизма и отчуждения в марксизме. Основным в развитии китайской философской мысли стало стремление творчески соединить традиции Китая и Запада.

На рубеже 1980—1990-х годов сформировалась тенденция позитивного переосмысления национальной культуры, которая, как отмечает автор, и поныне определяет главное направление дискуссий в области изучения китайской философии.

В 1990-е стремление к всестороннему постижению традиции, унаследованию классики и воспроизводству практических навыков в традиционной медицине, живописи и других отраслях оформилось в волну увлечения «национальным учением» (*госюэ*). В первой половине XX в., по словам российского ученого, интерес китайской интеллигенции к *госюэ* был оборонительным ответом на наступление западной науки. В начале XXI в. движущей силой современного возрождения *госюэ* стало развитие в КНР многообразных форм обучения и частных школ, отвечающих на запрос общества в традиционном комплексном образовании. Спор о допустимости «объяснения китайского при помощи западного» привел к попыткам заново осмыслить истоки формирования представлений об истории китайской философии, проследить исторический процесс конструирования «китайской философии» с помощью западных концепций и методов [КНР: политика... К 60-летию, с. 373—374].

На состоявшемся в ноябре 2007 г. 4-м Форуме инновации марксистской философии, отмечалось в статье, в качестве ведущей темы обсуждались китайские исследования западного марксизма. Хотя западный марксизм уже стал «важным идейным источником обновления китайской марксистской философии», среди исследователей еще не было единства взглядов в отношении целей изучения этого течения и значимости западного марксизма для современного Китая [КНР: политика... К 60-летию, с. 375].

Интерес китайских исследователей к современному зарубежному марксизму, по мнению А.В. Ломанова, обусловлен восприятием этого течения как соединения марксизма с реалиями западного общества, попытка осмысления его актуальных проблем. Опыт адаптации и актуализации марксизма важен для Китая, где «провозглашается цель соединения данного учения с национальной спецификой», к тому же сходство проблем в обществах с рыночной экономикой дает «возможность заимство-

вания части разработок зарубежных марксистов» [КНР: политика... К 60-летию, с. 376).

По мнению автора, «все это можно оценить как успехи в развитии философии в КНР, однако на более глубоком уровне возникает трудный вопрос о совместимости новых заимствований с теоретическими устоями прежней системы, сохраняющей за собой официальный статус. Многие китайские исследователи заинтересовались западной критикой Просвещения, ставящей под сомнение неоспоримый прежде тезис о всемогуществе человеческой рациональности. Эти идеи широко обсуждают в западном марксизме, однако китайский марксизм развивается в ином историко-культурном и социально-политическом контексте» [КНР: политика... К 60-летию, с. 377).

Отмечается также, что проявившееся в начале 1980-х годов «стремление освободиться от “догматизма” советско-сталинской системы марксистской философии, о чем китайские ученые нередко заявляют и в наши дни, привел к односторонней опоре на западные теоретические ресурсы. На конференции “Дух XVII съезда КПК и исследование истории марксистской философии” (февраль 2008 г.) ученые коснулись вопроса о месте идей Ленина и Сталина в процессе китаизации марксизма» [КНР: политика... К 60-летию, с. 377).

Исследователи, по данным китайской печати, выделяют три периода становления «исследовательской парадигмы китаизации марксистской философии». «До начала 1980-х господствующей была “учебниковая парадигма”, когда исследования строились на основе заимствованных советских материалов. После начала политики реформ и открытости утвердилась “постучебниковая парадигма”, ее отличительными чертами стали критика и размышления, повышенное внимание к концепции практики, осмыслению на этой основе отношений человека и мира, субъекта и объекта и т. д. В 1990-е воцарилась “парадигма академизации”. Ее характеризует стремление к рассмотрению проблем с высоты теории; интерпретация, исследование и реконструкция марксистской философии осуществляются при посредстве современной западной философии. Однако часть китайских исследователей предлагают “вернуться к реальности”, дабы китайский марксизм был нацелен на решение задач социалистического строительства под руководством КПК» [КНР: политика... К 60-летию, с. 378).

Тридцатилетие политики реформ и открытости стало поводом для подведения итогов развития общественных наук в КНР после 1978 г. Большое внимание уделяется философским исследованиям, сохранившим в Китае особый формальный статус среди других отраслей знания. В частности, Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (2007) заявил о необходимости «стимулировать развитие и процветание философии и общественных наук».

В июне 2008 г. по итогам конференции «Практика открытости и реформы и инновация марксистской философии» ее участники указали на «серьезные вызовы» в инновации марксистской философии, порожденные практикой реформы и открытости. В частности, как отмечалось в статье, «углубление специализации и профессионализации философских исследований лишили эту отрасль знаний былой общедоступной массовости, которую старались придать философии в первые десятилетия после образования КНР» [КНР: политика... К 60-летию, с. 379—380].

За время реформ благодаря открытости китайского научного сообщества были совершены значительные успехи в изучении современной зарубежной философии и истории китайской философии, в поиске путей обновления сложившейся системы марксистской философии. Среди новых областей исследований, появившихся на рубеже веков, можно указать на философию экономики; ведущее место занимают призывы к философской критике гипотезы своекорыстного «экономического человека». Философы отмечают, что эту проблему невозможно решить в рамках экономической науки; придать «экономическому человеку» моральный и всесторонний характер может лишь философия [КНР: политика... К 60-летию, с. 380].

На страницах сборника «КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011» в другой статье того же автора «Философские науки» большое внимание было уделено темам социального равенства и справедливости, богатства, всеобщности человеческих ценностей, защиты окружающей среды. А.В. Ломанов останавливается на китайских философских дискуссиях, где наиболее заметное место занимали вопросы исторического материализма [КНР: политика... 2010—2011, с. 256—264]. Российский эксперт отмечал, что китайские исследователи продолжали искать пути осмысления актуальных проблем развития страны с позиций марксистской философии.

Новой темой в китайских философских дискуссиях становится «экологическая цивилизация», и упоминание о ее строительстве вошло в официальные партийные документы в 2007 г. Проблема в том, пишет А.В. Ломанов, что «за рубежом экологические философы считают исторический материализм и экологическое мышление несовместимыми». Западные зеленые полагают, что исторический материализм связан с техническим детерминизмом, он «ставил в центр внимания человечество, не задумываясь об исчерпаемости ресурсов и природных ограничениях для развития производства» [КНР: политика... 2010—2011, с. 257—259].

Используя материалы китайских исследователей, автор отмечает, что вслед за проникновением в Китай западных экологических концепций точка зрения зеленых оказала влияние на китайские научные круги. Ки-

тайские авторы делают вывод, что «экологические проблемы в странах социализма связаны не с природой социализма, а с историческим контекстом: поскольку после революций в отсталых странах на первом месте стояли задачи развития — быстрая индустриализация породила экологические проблемы» [КНР: политика... 2010—2011, с. 259—264].

Третья аналитическая статья А.В. Ломанова «Философия», опубликованная в сборнике «КНР: политика, экономика, культура. 2012—2013», посвящена перспективам развития китайской культуры, философии и общественных наук в Китае в контенте решений 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2011 г.) и XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.). Автор отмечает, что пленум ЦК КПК 2011 г. впервые поставил долгосрочную цель строительства «могущественного культурного государства» (*вэньхуа цянго*), которая включает укрепление культурного самосознания китайцев и их уверенности в потенциале собственной культуры, повышение мирового влияния китайской культуры как основного компонента «мягкой силы» Китая. Стратегия развития философии и общественных наук становится частью программы создания «могущественного культурного государства». Большое внимание на пленуме уделено «выводу вовне» китайских научных достижений в этой сфере, организации работы по переводу на иностранные языки лучших трудов китайских ученых. Акцент на развитии китайской культуры, по оценке автора, стал стимулом для обсуждения проблем создания системы обществознания с национальной окраской, адаптации заимствованных извне концепций к изучению проблем Китая, а также обновления языка современной китайской философии [КНР: политика... 2012—2013, с. 376—377].

Автор указывает, что 6-й пленум принял решение об осуществлении «инновационного проекта философии и общественных наук». Через год на XVIII съезде КПК была поставлена задача «построить инновационную систему философии и общественных наук». Лозунги «инновации» стимулировали обсуждение проблем развития теории и статуса философии в современном мире. В китайских публикациях, отмечается в статье, можно найти призывы к сохранению «массовости» философского знания за счет «возвращения к практике и участия в “преобразовании мира”, что могло бы помочь философии вновь завоевать утраченные народные симпатии» [КНР: политика... 2012—2013, с. 377].

Призывы к укреплению «научной уверенности в себе» развивают идеи, высказанные властями в 2011—2012 гг.: после прозвучавшего на пленуме ЦК КПК призыва к укреплению «культурной уверенности в себе» на XVIII съезде КПК появился лозунг приверженности «собственной уверенности в пути, теории и строе» [КНР: политика... 2012—2013, с. 379—380].

А.В. Ломанов анализирует также проблематику изданных в 2012—2013 гг. исследований китайских авторов (Е Сяньмин, Ань Цинянь и др.) по философии и общественным наукам. В работах поднимаются актуальные темы, такие как развитие теории и статуса философии в современном мире, создание «китайской дискурсивной системы», преодоление «дискурсивного кризиса» китайской философии в контексте «сознания китайских проблем», соотношение иностранных теорий с исторической и социальной реальностью Китая [КНР: политика... 2012—2013, с. 380—381].

На проведенном в 2012 г. АОН Китая в Пекине Международном форуме по распространению общественных наук в Интернете, отмечает автор, обсуждались проблемы использования информационных технологий в деле продвижения китайских научных достижений во внешний мир. Направляемая сверху работа по «китаизации» философии и общественных наук была призвана решить двудеиную задачу внутренней консолидации китайского общества и обеспечения китайской культуре достойного места на мировой сцене.

В сфере философии и общественных наук в КНР внимание уделялось также теме создания «китайской дискурсивной системы», способной описывать китайскую практику и китайский путь развития с помощью собственных концепций и категорий. Если Запад уже перешел от традиции к современности, то перед китайцами стоит двойная задача — «понять как пришедший с Запада модерн, так и собственную традицию, соединив их между собой, и в перспективе китайская философия должна создавать новое...» [КНР: политика... 2012—2013, с. 380—381].

За пределами марксистской парадигмы, далее констатирует А.В. Ломанов, основными соперничающими течениями в китайской мысли начиная с 1990-х годов стал западный постмодернизм и китайское «национальное учение» — *госюэ*. В постановлении 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва был включен раздел, посвященный созданию «системы наследования лучшей традиционной культуры». В нем было предложено «широко развивать деятельность по распространению преподавания лучшей традиционной культуры», «использовать фундаментальную роль образования в восприятии и созидании нового в культуре, увеличить содержание курсов по лучшей традиционной культуре, усилить создание баз по преподаванию и изучению традиционной культуры» [КНР: политика... 2012—2013, с. 382].

Отмечалось, в частности, что сторонников *госюэ* критикуют за нежелание наводить мосты между культурными традициями Китая и Запада. Замкнутость и отторжение западной научной парадигмы, по мнению китайских ученых, могут помешать раскрытию потенциала традиционной культуры в увеличении «мягкой силы» китайского влияния на зарубеж-

ную общественность и создании привлекательного образа Китая [КНР: политика... 2012—2013, с. 383].

Заместитель министра культуры КНР Ян Чжицинъ на съезде организаций зарубежных китайцев (апрель 2012 г.), говорится в статье, выделил три особенности «стержневых ценностей» китайской культуры: это уникальность, толерантность и гармоничность. И, как он подчеркнул, выбор современным Китаем «стержневых ценностей» окажет влияние на весь мир.

В статье автор отметил выступление президента Шанхайской АОН Ван Чжэня на Пятом всемирном форуме изучения Китая (март 2013 г.) о формировании «ценностей основного течения восточной культуры», опирающихся на широкий консенсус и способных вести равноправный диалог с ценностями основного течения западной культуры. Ван Чжэнь призвал настойчиво продвигать ценности основного течения восточной культуры для «совместного использования» во всем мире наравне с западными ценностями [КНР: политика... 2012—2013, с. 383—384]. Из этого делается вывод, что современные призывы к «выходу вовне» и превращению философии в инструмент «мягкой силы» сделали актуальным успешный опыт прошлого.

В заключение автор сообщает о памятной исторической дате в связи с празднованием в октябре-ноябре 2012 г. 100-летия создания философского факультета Пекинского университета, проведении научной конференции с участием исследователей китайской мысли из разных стран, опубликовании серии книг по истории этого факультета.

* * *

За шесть десятилетий Китайская Народная Республика достигла поистине масштабных успехов в сфере *образования* и распространения его среди населения, повышения его качества и доступности. Данная тема освещена российским исследователем д.и.н. Н.Е. Боровской в выпусках продолжающегося издания 2009—2013 гг.

В разделе «Культура и образование» сборника *«КНР: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР»* (вып. 2009 г.) Н.Е. Боровская, анализируя состояние развития образования в КНР, отмечает, что к юбилею, несмотря на ряд еще нерешенных проблем (доступность качественного образования и пр.), система образования страны пришла с поистине впечатляющими достижениями [КНР: политика... К 60-летию, с. 420—423]. По ее оценке, в условиях аграрной развивающейся страны с социалистической ориентацией система образования, традиционно прочно связанная с политической и, конечно, социально-экономическими структурами, претерпела различные этапы реформирования, и даже революционной ломки, в целом направленные на модернизацию.

Автор рассматривает важные исторические вехи, показывая, как политика с 1949 г. влияет на развитие образовательной системы и как на нее

воздействуют внутренние процессы, происходящие в стране в период реформ. Так, в 1949—1957 гг. Китай во многом копировал опыт индустриально более развитого СССР, что дало неоднозначные результаты. Этот подход вполне соответствовал принятым в мире нормам индустриальной революции и привел к невиданному до того в Китае распространению грамотности среди населения, в том числе и сельского. Однако вплоть до 1976 г. политика КНР в сфере образования испытывала, по оценке исследователя, сильное воздействие политических кампаний, была изолирована от мировых тенденций и лишена научной основы, что стало препятствием на пути модернизации системы образования и вызвало необходимость глубокой комплексной реформы, начало которой было положено в 1978 г. [КНР: политика... К 60-летию, с. 420]

Боревская указывает, что в 1980—1990-е годы в КНР были пересмотрены философские основы теории образования и заложена его законодательная база в серии законов. Ключевым моментом управленческой реформы стала децентрализация, то есть передача от центра к местным правительствам (вплоть до волостных) широких прав на учреждение школ по ступеням и управление ими. Крайности децентрализации тоже пришлось корректировать уже с середины 1990-х годов: управленческие функции школ волостного уровня были снова сосредоточены в уездах. В 1980-е акценты были сделаны на укреплении основного звена системы — начального образования при сдерживании темпов развития среднего и высшего образования. Требования перехода к высокоиндустриальному информационному и более демократичному обществу путем включения механизмов рынка были сформулированы в Программе реформ и развития образования (1993), ознаменовавшей новый этап образовательной реформы. С середины 1990-х годов правительство КНР последовательно осуществляет государственную программу помощи в развитии образования отстающим регионам, особенно западным и сельским. Мощный старт получает развитие полного среднего и, главное, высшего образования, столь необходимого для подготовки кадров мирового уровня. В 2000-е обязательное образование переходит с этапа «распространения в основном по стране» на этап универсализации и укрепления в западных и центральных сельских регионах [КНР: политика... К 60-летию, с. 424]. К началу 2008 г. в целом была завершена начатая в 1980-е годы задача по реализации «двух основ» (ликвидации неграмотности среди молодежи и введению обязательного всеобщего обучения) в 368 из намеченных 410 уездов западных регионов.

Развитие ступени полного среднего образования правительство КНР в 11-й пятилетке осуществляло, опираясь в основном на среднее профессиональное образование. С началом распространения массового высшего образования в 1998 г. удельный вес специализированных (краткосроч-

ных) высших учебных заведений вырос в 6,8 раза; намеченные в 1998 г. на 2010 г. показатели численности студентов вузов и охвата молодежи высшим образованием были достигнуты уже в 2002 г.

В 2008/2009 уч. году завершалось осуществление Государственного плана развития образования на 11-ю пятилетку (2005—2009). Министерством образования КНР разработан и вступил в действие очередной План мероприятий по расцвету образования в 2008—2012 гг. На долгосрочную перспективу разработана программа по созданию к 2020 гг. «законченной, рационально распределенной по стране и устойчиво развивающейся» системы образования [КНР: политика... К 60-летию, с. 423—424].

В книге *«КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011»* тем же автором освещается развитие образования в 2010—2011 г., по итогам 11-й пятилетки; также рассматриваются задачи на 12-ю пятилетку и долгосрочные перспективы на 2020 г.

Как было заявлено на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2011 г.), отмечает Боровская, за прошедший период распространение образования вышло на новые рубежи, повысился и его уровень, и его международное влияние. Вместе с тем к 2010 г. крайне остро встала проблема обеспечения равенства доступа к образованию. Совершенствовалась система социальных и поощрительных государственных стипендий студентов отделений бакалавриата, высших и средних профессиональных колледжей, на которую выделялось приблизительно от 2 млрд юаней в 2006 г. до 30,6 млрд в 2010 г. [КНР: политика... 2010—2011, с. 281—283]. На сессии заявлялось, что за истекшее пятилетие бесплатное обязательное обучение в городе и на селе в объеме девятилетки стало всеобщим. Старшая средняя школа распространялась достаточно быстро, однако преимущественно в городах. Предполагалось, что численность учащихся на этой ступени обучения будет расти прежде всего за счет сельских выпускников неполных средних школ, однако больше половины из них будут продолжать образование в профессиональных средних учебных заведениях.

Ссылаясь на выступление члена Госсовета КНР Лю Яньдун на Все-китайском рабочем совещании по образованию (январь 2011 г.), российский ученый констатирует, что развитию среднего специального образования, особенно региональных пилотных экспериментальных центров, уделялось особое внимание: за пятилетку центральные власти выделили на создание 1 тыс. таких центров специальный транш. В 2010—2011 гг. значительно повысилось качество высшего образования, был усилен инновационный потенциал вузов [КНР: политика... 2010—2011, с. 284].

Автор подчеркивает, что одной из основных целей модернизации до 2020 г. названо совершенствование структуры системы образования. Процессом руководит созданная Госсоветом КНР Государственная руководящая группа по реформе структуры образования. В целом гарантией

успеха намеченных планов в выступлениях руководителей страны и в основных документах называлось «освобождение сознания и укрепление решимости проведения реформ» [КНР: политика... 2010—2011, с. 287—288].

В сборнике «КНР: политика, экономика, культура. 2012—2013» Н.Е. Боровская обращает внимание на ряд важных событий и политических решений этого периода, определявших стиль работы в сфере науки и образования в стране. Так, 2012 г. начался с Всекитайского рабочего совещания по образованию; в июне Министерством образования КНР был принят Государственный план развития образования на 12-ю пятилетку; в ноябре проблемы науки и образования оказались в фокусе XVIII съезда КПК, а в марте 2013 г. — 1-й сессии ВСНП 12-го созыва [КНР: политика... 2012—2013, с. 386].

Решение всех стоящих перед страной задач руководство КНР неразрывно связывает с «всесторонним углублением реформ и открытости», что предполагает в том числе и активизацию международного сотрудничества в сфере науки и образования. Боровская подчеркнула, что XVIII съезд КПК подтвердил курс, при котором «образование является краеугольным камнем национального подъема и социального прогресса», и выдвинул требование «и впредь обеспечивать ему приоритетное развитие». С целью подготовки собственных высококлассных специалистов в 2012/2013 уч. году продолжалась политика увеличения численности отправляемых на учебу за рубеж, при этом государство выражает готовность посылать талантливую молодежь в лучшие вузы мира за государственный счет.

В рамках политики «культура как мягкая сила» КНР продолжает реализацию курса на стимулирование выхода китайского образования в мир, содействия созданию лучшими университетами КНР зарубежных филиалов, поддержки Институтов Конфуция (в 2012 г. впервые опубликован план их развития) [КНР: политика... 2012—2013, с. 387]. Одновременно руководство КНР рассчитывает на привлечение в страну значительного количества иностранных учащихся.

После 20-летних усилий правительство в 2012 г. по анализам итогов года смогло обеспечить 4-процентную долю ВВП на нужды образования. В 2012 г. были освобождены от платы за обучение учащиеся средних профессиональных училищ из сельских (включая уезды и поселки) и малоимущих городских семей, а также городские учащиеся по сельскохозяйственным специальностям.

Повышение планки развития школьного образования отразилось в смене формулировок: в отношении 9-летки — вместо «стимулировать устойчивое развитие обязательного образования» на XVIII съезде КПК дано указание «устойчиво развивать обязательное образование» [КНР: полити-

ка... 2012—2013, с. 388—389]. По данным 6-й всеобщей переписи населения КНР (2010), доля неграмотных и малограмотных среди лиц в возрасте от 15 лет и выше по сравнению с 6,72 % в 2000 г. снизилась до 4,08 %, а в начале 2013 г. среди лиц в возрасте 15—50 лет снизилось до 1,08 %.

В значительной мере все успехи последних пяти лет в сфере образования, отмечает Н.Е. Боровская, были обеспечены бюджетными вливаниями. Съезд подтвердил взятый в последние годы курс на ускоренную модернизацию среднего профессионального обучения, чтобы оно соответствовало меняющейся экономической модели.

В завершение анализа о состоянии и развитии системы образования в рассматриваемый период автор констатирует, что правительство ставит задачу в ближайшее пятилетие целенаправленно формировать систему, ориентированную на рынок технической инновации, которая объединяет в себе производственные организации, вузы и НИИ. В рамках этой программы в августе 2012 г. Министерство образования КНР совместно с Академией наук Китая запустили План действий по совместной подготовке кадров в союзе науки и образования: к концу года количество экспериментальных учреждений, подписавших подобные договора, должно было достичь 63. К 2020 г. 20 % работающего населения, по оценке китайских ученых, будут иметь высшее образование [КНР: политика... 2012—2013, с. 391—393].

В последние годы, как подчеркивает автор, правительством КНР сделаны шаги в направлении демократизации внутривузовского управления, к этому призывали руководители системы образования на Всекитайском рабочем совещании по образованию 2013 г. Параллельно этому тренду отмечена тенденция усиления роли партийных организаций в вузах. Кроме того, среди задач на 2013 г. Министерство образования КНР назвало необходимость развернуть «пропагандистскую кампанию воспитания в духе “китайской мечты” (воспитание усиливает мечту)» и с этой целью написать для вузов учебные материалы, пропагандирующие дух XVIII съезда, а также усилить недостаточное художественное воспитание [КНР: политика... 2012—2013, с. 394].

* * *

В книге *«КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР»*, изданной в 2014 г., в разделе «Образование, культура» под рубрикой *«Языковая политика»* российский исследователь д. филол. н. О.И. Завьялова посвящает статью языковой ситуации в Китае в 2012—2014 гг. В работе используются тексты политических докладов руководителей Китая, выдержки из партийных и государственных документов официальных ежегодников по языковой ситуации в Китае и др. Автором выделяются разнообразные языковые проблемы и те изменения, которые произошли в китайском языке за период «реформ и открытости», обсуждае-

мые не только в лингвистических работах, но также в китайских СМИ и энтузиастами в интернет-блогах [КНР: политика... К 65-летию, с. 370].

В ноябре 2012 г. вопросы языковой политики затрагивались на XVIII съезде КПК. Как пишет О.И. Завьялова, «без совершенствования языка не мыслится развитие образования и культуры, которым было уделено огромное внимание в докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, сделанном на состоявшейся в марте 2014 г. 2-й сессии ВСНП 12-го созыва. По мнению китайских официальных лиц, языковая политика должна быть основана на лингвистических исследованиях и результатах, полученных с помощью новейших информационных технологий, — только так она будет способствовать осуществлению плана возрождения страны, который нашел свое отражение в провозглашенной Си Цзиньпином концепции «китайской мечты» [КНР: политика... К 65-летию, с. 361].

Во всех официальных документах, отмечает автор, в том числе в действующей версии Закона о языке и письменности и материалах XVIII съезда КПК, *путунхуа* назван «общеупотребительным в государстве», хотя еще в 2004 г. в той или иной степени устной формой этого языка владели лишь чуть больше половины жителей континентального Китая. Таким образом, среди основных целей современной языковой политики выдвинуто укрепление устного единства страны, ставшее актуальным в Китае еще в конце XIX в.

В статье говорится, что составной частью стратегии углубления реформ, обсуждавшейся в ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, станет государственная программа развития языка и письменности на 2012—2020 гг. Один из ее пунктов — разработка новейшей версии Закона об общегосударственном языке и письменности. Параллельно принят очередной пятилетний план лингвистических исследований с участием ряда высших учебных заведений, каждое из которых должно заниматься своим особым направлением [КНР: политика... К 65-летию, с. 361—362].

В последние годы, отмечает О.И. Завьялова, успехам в распространении *путунхуа* способствовали не только постоянные усилия государства, но также радио, телевидение, «звучащие» формы Интернета. О необходимости дальнейшего распространения и нормализации в многодиалектной и многонациональной стране официального языка *путунхуа* с его пекинским произношением говорится как в основном докладе XVIII съезда КПК, так и в новой языковой программе.

По определению российского эксперта, «китайские диалекты — это по сути отдельные ханьские языки, объединенные с древности общей государственностью, письменностью и письменным языком». Диалекты, как считают китайские лингвисты и общественные деятели, дают ощущение родного дома, являются носителями драгоценных локальных культур, столь поощряемых в современном Китае. Автор указывает, что в ре-

зультате активной кампании по распространению *путунхуа*, в том числе среди школьников, некоторые диалекты — прежде всего те, на которых говорят жители крупных городов в наиболее развитых восточных районах страны, где высок процент образованных людей, — оказались под угрозой исчезновения [КНР: политика... К 65-летию, с. 362].

С началом периода «реформ и открытости» были опубликованы сотни работ о китайских диалектах, инициированы уникальные программы их сохранения на звуко- и видеоносителях. Официальное отношение к проблеме, похоже, претерпело существенные изменения. Очередное официальное уведомление, предписывающее не употреблять диалекты или элементы диалектов на радио, в телепередачах и кинофильмах, было обнародовано совсем недавно, в начале 2014 г. [КНР: политика... К 65-летию, с. 363]. По свидетельству китайских источников, о преподавании на диалектах в школах, которое еще совсем недавно предлагали ввести некоторые местные чиновники, не может быть речи. Диалекты не упоминаются в материалах XVIII съезда, и, что более значимо, задача их изучения и сохранения лишь кратко затронута в новой программе развития языка и письменности [КНР: политика... К 65-летию, с. 363].

В то же время, как отмечает автор, официальный китайский язык распространяют не только в пределах континентального Китая, но также — после возвращения этих регионов КНР — в Гонконге и Макао. В 2012 г. *путунхуа* впервые стал в Гонконге вторым устным языком по числу говорящих, пропустив вперед традиционно доминирующий в районе кантонский диалект, но обогнав английский язык, ранее занимавший 2-е место.

О.И. Завьялова объясняет, что важной задачей на государственном уровне считается преподавание *путунхуа* китайским эмигрантам, которые живут в разных странах мира и либо большей своей частью говорят на южных диалектах, либо вообще утратили родной язык. А также распространение *путунхуа* в странах постсоветской Центральной Азии (не только среди дунган) приобретает особое значение в связи со стратегической концепцией построения экономического пояса Шелкового пути, провозглашенной Си Цзиньпином во время его выступления в казахстанском Университете имени Назарбаева («Назарбаев Университет») в 2013 г.

Как констатирует автор, распространение официальной формы китайского языка среди иностранцев за пределами собственно китайского мира с помощью институтов и классов Конфуция, в которых учат китайскому языку и рассказывают о китайской культуре жителям разных стран, считается в КНР составной частью «мягкой силы» и формирования положительного образа страны [КНР: политика... К 65-летию, с. 364].

* * *

В уже упомянутой выше книге «КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР», в разделе «Образование, культура» помещен обзор

«Исторические традиции китайской цивилизации» д.и.н. П.М. Кожина, который начинается с утверждения о неразрывной связи традиций истории и современной жизни страны: «История Китая уникальна тем, что в ней, буквально с порога сегодняшнего дня, просматриваются весьма отдаленные ее истоки. Их приближает к нашим дням непрерывная более чем двух с половиной тысячелетняя письменная традиция, которая по цепочке, через 25 последовательно записанных династийных историй, передает большой набор реальных фактов, характеризующих многие стороны китайской общественной, бытовой, политической и экономической жизни, отмеченных и зафиксированных еще на заре местного летописания. Устойчивой сохранности этих данных способствовала сама символическая письменность, использовавшая знаки, графически отражавшие особенности духовной и материальной культуры древнего Китая» [КНР: политика... К 65-летию, с. 323].

Материал представляет собой очерк о зарождении, формировании и утверждении устойчивой региональной культуры, всеми своими глубинными корнями адаптированной к китайской физико-географической среде (климат, рельеф, почвенные, зоо- и фитогеографические условия), превратившейся в ходе тысячелетий в оплот восточноазиатской региональной цивилизации.

На распространение цивилизации, отмечает П.М. Кожин, значительное воздействие оказывали военные захваты, экономическое, духовное принуждение (чаще всего религиозное, идеологическое, культурное и т.п.). Цивилизация несла с собой комплекс стандартов и нормативных решений (воплощенных в традиции, обычаи, запреты, фольклор и т. д.), прежде всего в сфере доминантных человеческих потребностей, касающихся создания безопасных жизненных условий (даже ориентированных на комфортность) в отношении жилища, пищи, воспроизводства, содержания и воспитания детей, охраны территории. Все это обеспечивалось определенными устойчивыми формами семейной, общественной, законодательной и распорядительной административно-политической организации [КНР: политика... К 65-летию, с. 324—326].

Автор анализирует условия формирования региональной культуры с самого начала активного заселения разрастающимися человеческими группами восточноазиатского региона с периода, называемого неолитической эпохой. Отмечается формирование общей стратегии освоения территории, черты и особенности которой сохраняются и сегодня. В обзоре рассматривается формирование и закрепление традиционным использованием успешных производственных приемов и технологий в течение многих столетий, становление стандартизации массовой продукции начиная с времен древнейших династий Ся и Шан-Инь и в следующую эпоху — Чжоу (XI—III в. до н.э.) [КНР: политика... К 65-летию, с. 327—329].

Российский исследователь тесно связывает образование высоко консолидированной достаточно совершенной монархической системы эпохи Чжоу с административно-политической жизнью страны. Он отмечает своеобразные взаимоотношения науки и религии той эпохи, избежавшие серьезного противопоставления. В результате распространились два основных древнекитайских учения, которые, эволюционируя и усложняясь, дожили до наших дней. Каждое из них сформировалось окончательно в двух ипостасях: в религиозном и философском. Это учение даосов и учение, которое в европейской историографии получило название «конфуцианство». Религиозные системы, пришедшие в Китай после начала новой эры, — это буддизм (с I в. н.э.), манихейство, разные толки христианства, зороастризм, ислам и т. д. Однако их значение в национальной этнокультурной и духовной жизни страны никогда не было столь же велико, как упомянутые ранее исконные народные религии [КНР: политика... К 65-летию, с. 329—331].

П.М. Кожин указывает, что к моменту образования древнейшей китайской империи (221 г. до н.э.) страна в целом уже была покрыта сплошной сетью общинных поселений, объединяемых систематически проводившимися сельскими ярмарками и устойчивыми брачно-семейными связями. Специально регламентировались периодически выполнявшиеся обряды, проведение общественных работ. На проведение таких работ, связанных часто с обороной территории от военных притязаний соседей и набегов кочевых народов, можно было направлять большие массы избыточного населения, рабов и военнопленных. Это была уже сложившаяся практика, вызванная в первую очередь строительством монументальных стен, ограждавших целые царства. В циньскую эпоху такие стены были объединены в единую систему, образовавшую Великую Китайскую стену [КНР: политика... К 65-летию, с. 332].

В частности, обращаясь к проблемам внешнеполитической жизни, автор указывает на радикальный поворот в отношениях с внешним окружением, который происходит во второй половине III в. до н.э. Китай, обеспечив себя защитой от внешней опасности Великой Китайской стеной, начинает активно наступать на территории своих воинственных соседей, ищет стратегические подходы для борьбы с внешней опасностью не только в защитных мероприятиях, но и в наступательных операциях. Отмечается, что с этого времени начинает разрабатываться устойчивая внешняя политика Китая и принципы его дипломатии [КНР: политика... К 65-летию, с. 335].

Как указывает П.М. Кожин, одно из характерных явлений китайской культуры — стремление сохранять повсеместно все проявления древней культуры, если они не противостоят имперским узаконениям. Многие эксперты отмечали, что общинные культы, семейные обыкновения с

«почтением» сохраняют как благие начала, цементирующие общинную жизнь и укрепляющие структуры, которые находятся в ведении сельского самоуправления. Так, в период разрушения первого имперского цикла Китая, условно объединившего в единую эпоху династии Цинь, Западную и Восточную Хань (221 г. до н.э. — 220 г. н.э.), характерными чертами этого огромного периода становятся процессы «строительства империи», выражающиеся в создании достаточно четко работающего административного аппарата [КНР: политика... К 65-летию, с. 334—335].

В статье отмечается, что в области духовной культуры в период доимперского и раннеимперского развития эволюция проходила довольно быстрыми темпами. Причем и в этой сфере ощущаются ясные тенденции к унификации языковой культуры в основном благодаря стремительному распространению письменности и росту ее значения [КНР: политика... К 65-летию, с. 338].

На фоне крупных исторических эпох автор стремился рассмотреть зарождение и развитие некоторых общественных и политических традиций Китая, практически не затрагивая бытовые, семейные, общинные сферы традиционной жизни. Западный мир стал получать о них объективные данные лишь в XIX в., когда традиционный быт, традиционная сфера отношений стали подвергаться угнетению со стороны западных стран с высокоразвитой промышленной экономикой и растущими политическими претензиями. Однако на Востоке значение традиций в последнее столетие, скорее, увеличивается [КНР: политика... К 65-летию, с. 340]. «Большие традиции» — политические, общественные — постепенно уступают воздействию глобализации, и внимание в обществах, склонных к «традиционным ориентациям», переключается на «малые традиции»: семейные устои, общинные обыкновения и иерархии, религиозные установления.

В качестве выводов автор отмечает, что Китай движется по своему особому пути. В глубочайшей древности здесь государственная власть не создала противоречия между своими узаконениями и семейно-общинным бытом и старалась сохранять эту тенденцию на многие последующие века. Аналогичный подход был выработан по отношению к религиозным общинам. Власти присматривали за тем, чтобы религиозная доктрина не могла превратиться в политическую идеологию. Хотя иногда «по недосмотру» такие ситуации все же складывались и приходилось вступать в борьбу с тайпинами, с «Фалуньгуном», а порою и с менее мощными силами протеста. Но в целом в Китае традиции во все времена оставались силой организующей, упорядочивающей. По мнению автора статьи, единственная сила, способная разрушить эти традиции, — это современные демографические процессы.

В том же издании «КНР: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР» статья А.Л. Верченко «Быт, нравы, традиции Китая» посвящена теме народных традиций Китая в период, когда китайское общество в своем развитии включается в процесс мировой модернизации, стремится создать гармоничное общество, сочетая современные технологии капитализма западного типа с китайским социализмом. Автор обращает внимание на особенности политики сохранения социальных, культурных и идеологических норм национальной традиции Китая в ситуации модернизации общества, когда компартия стремится выполнить очередную ведущую партийную установку — превратить Китай в «великую культурную страну» [КНР: политика... К 65-летию, с. 379].

В статье говорится, что, несмотря на то что отношение власти к традициям на протяжении 65 лет менялось, после 1980-х годов наметился стабильный курс на их возрождение и поддержание. Образ жизни современных китайцев сформировался под влиянием природно-климатических, социально-экономических, этнических, нравственных, духовно-интеллектуальных факторов. И, с одной стороны, он сохранил многие старые черты, а с другой — приобрел новые качества, вызванные политическими и экономическими условиями, местом жительства, родом деятельности, национальными особенностями. В Китае 56 народностей, каждая из которых имеет свои характерные черты, проявляющиеся в еде, одежде, жилище, народных верованиях и обычаях. Жители Китая говорят на 235 языках и диалектах и часто, чтобы понять друг друга, вынуждены обращаться к письменности [КНР: политика... К 65-летию, с. 379].

Автор статьи очень красочно описывает особенности китайского календаря. Так, Китай, как и много лет назад, живет по лунно-солнечному календарю. Юбилейный для страны 2014 г. — это 4712 год от начала летоисчисления, связанного с именем императора Хуанди.

В современном обществе, разумеется, влияние традиций и старых обычаев значительно уменьшилось, однако не исчезло вовсе. По мнению А.Л. Верченко, хотя отдельные традиции имеют примесь предрассудков, во многих можно найти рациональное зерно. Прагматики китайцы стремятся найти что-то хорошее в каждом годе. Дракон — самый почитаемый знак китайского календаря, олицетворяющий удачу и благополучие, часто трактуется как предвестник успеха в бизнесе и карьере. В год Дракона в Китае рождаемость увеличивается (в 2012 г. на 5 %) [КНР: политика... К 65-летию, с. 381].

Автор касается магии цифр, имеющей традиционное значение для многих китайцев, вопросов демографической политики и затрагивает тему китайской чайной церемонии. Сегодня многие старые традиции переживают в Китае новую жизнь.

По оценке автора, сразу после образования КНР влияние старого общества оставалось сильным и новая идеология боролась с тем, что трактовалось как «предрассудки». «Однако привязанность населения к традициям не смогли искоренить ни разные кампании, ни радикальная “культурная революция”, ни ворвавшиеся в жизнь общества вместе с реформами западные веяния. Последние уже пережили пик популярности» [КНР: политика... К 65-летию, с. 386].

В статье отмечается, что сегодня официальные власти проявляют растущее внимание к национальной культуре и поддерживают приобщение народа к традиционным ценностям с самого детства. Например, младшие школьники 1 сентября приходят в храмы Конфуция, которые считаются «первой школой в Поднебесной», знакомятся с жизнью и изречениями этого мудреца. Правительство на центральном и местном уровнях поддерживает проведение фестивалей, выставок и массовых мероприятий, приуроченных к традиционным праздникам и отражающих национальную самобытность китайской культуры, предоставляя возможность шире раскрыть содержание исторических традиций [КНР: политика... К 65-летию, с. 386].

Далее, исследователь рассказывает о китайских праздниках, среди которых самый большой и самый любимый — Чуньцзе, традиционный новогодний фестиваль, или Праздник весны, пронизанный совершенно особой атмосферой. Автор повествует о сложившихся и изменяющихся традициях подарков и поздравлений в эти праздничные дни. Также отмечаются особенности Праздника середины осени с традицией проведения особых ярмарок и фестивалей в связи с этим [КНР: политика... К 65-летию, с. 387—389].

Дополнительно в статье освещается очень значимая для китайцев тема отношения к предкам и культура захоронения, а также особенности и проблемы, связанные с этой традицией.

В конце статьи делается вывод: история существования КНР показывает тот факт, что население Китая сохраняет свою приверженность множеству обычаев и национальной специфике, и это нисколько не мешает процессу модернизации, успех которой не в последнюю очередь зависит от степени соответствия ее принципов традиционной системе ценностей. А сложившиеся многовековые традиции Китая «способствовали формированию нации ответственных, трудолюбивых, целеустремленных, преданных своему делу патриотов, работающих на благо своей страны» [КНР: политика... К 65-летию, с. 394].

* * *

Как показывают исследования российских китаеведов, опубликованные в информационно-аналитической серии «КНР: политика, экономика, культура», все достижения Китая в разных сферах деятельности имеют

самую тесную связь с историей прошлого, без преувеличения констатируя, что создание объективной картины его сегодняшнего дня предполагает, в конечном счете, глубокое знание культуры, науки, образования, традиций, языка и обычаев народа. Научные изыскания ведущих российских китаеведов, заполняя имеющиеся лакуны своими трудами в области культурной жизни Китая, свидетельствуют о глубокой внутренней связи истории и современности, о влиянии аспектов культуры на формирование его исторического пути.

Отчетливо прослеживается, что эффективность имиджевой политики государства и популярность китайской традиционной культуры за рубежом демонстрируют мощный потенциал нематериального влияния — «мягкой силы», которым обладает современный Китай. При этом стоит подчеркнуть, что культура заметно обогащает внешнеполитические установки, корректирует их и делает более универсальными, направленными на рост благосостояния и устойчивого развития как самой КНР, так и мирового сообщества.

В ряде исследований отмечается, что продвижение и распространение знаний и ценностей культуры Китая по всему миру, имеющих фантастическое влияние на общественное сознание людей, формирует положительный имидж страны, расширяя представления о китайской цивилизации, «великом возрождении нации», «китайской мечте».

По нашему мнению, концепция «мягкой силы» быстро приобрела популярность и вошла во внешнеполитический лексикон, заняв свое место не только в политической практике ведущих государств, но и практически во всех современных теориях международных отношений. Главный смысл «мягкой силы», о которой упоминалось в ряде публикаций авторов продолжающегося издания, заключается в формировании положительного имиджа государства, осуществляющего продвижение своих идеалов и ценностей на международном уровне. Так, по классической теории Дж. Найа, воздействие «мягкой силы» может осуществляться с помощью трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики².

Для продвижения политических стратегий Китаю необходимо использовать «мягкую силу», которая заложена в культуре в целом и выражается в ее отдельных проявлениях и формах: в науке, образовании, кинематографии, телевидении, литературе, религии, языке, традициях и в

² Най Дж. Мягкая сила Китая в китайской мечте. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/416/dzhozef-naj-myagkaya-sila-kitaya-v-kitajskoj-mechte-498...>; Мягкая и острая сила Китая by Joseph S. Nye — Project Syndicate. 2018. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01/rus...> Достичь этого, согласно теории Дж. Найа, возможно, используя «власть информации и образов», а одним из важнейших ресурсов усиления влияния государства в глобальном информационном пространстве являются массмедиа.

любой другой гуманитарной науке, влияющей на имидж страны и ее возвышение на международной арене. Отдельные особенности общего направления мы видим, например, в философии, языковой политике, образовании, в традициях, в китайской специфике управления страной, указывающих, что теория «мягкой силы» обретает особую популярность в Китае — на основе ее гармоничного сочетания с мировоззренческими установками китайской нации.

Следует отметить, что в нашей статье охвачен не весь материал по культуре за рассматриваемый период. Не затронуты, например, авторские исследования о религии, театральной и литературной жизни, кинематографии, которые мы оставляем для другого обзора.

В завершение можно сделать вывод: изучение материалов продолжающегося издания показывает, что авторам, как правило профессионалам своего дела, удалось представить за указанный период достоверную картину развития Китая в области философии, образования, управления, ситуации в языковой политике, роли традиций в современном его обществе, что в целом может служить информационной и научной основой для углубленных исследований в этих областях. Сочетание масштабной конкретной информации с глубоким ее анализом применительно к каждому году или важному периоду существования КНР придает материалам издания, посвященным указанным темам, уникальный характер.

Достижения Китая в области философии, образования, языковой политики и др. даются авторами на фоне исторических событий, происходящих в КНР и мире, демонстрируют взаимосвязь современного Китая с его историческим прошлым, с событиями внутренней и внешней политики, с идеологией компартии и формированием в стране законодательной сферы. В силу подобного подхода усиливается достоверность и объективность представленных авторами издания характеристик.

В настоящее время в новых условиях растущего взаимопонимания между РФ и КНР перед учеными, особенно перед молодыми исследователями, стоит задача более глубокого изучения китайской культуры во всем ее многообразии и, соответственно, более тесного сближения наших стран на основе знаний о культуре Китая, ее историческом развитии. В этой связи подчеркнем также возросшую необходимость ознакомления с духовным историческим и культурным наследием российской школы китаеведения, имеющей заслуги и признание в мировой историографии. В числе замыслов продолжающейся серии «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» растет активное стремление к расширению круга квалифицированных авторов, занимающихся изучением истории и современной политики ближнего партнера и соседа России — КНР.

Библиографический список

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», 2009. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010—2011. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. 448 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012—2013. М.: ИД «ФОРУМ», 2013. 592 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «ФОРУМ», М., 2014. 480 с.

References

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 60-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 60th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», 2009. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2010—2011 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2010—2011]. Moscow: ID «FORUM», 2011. 448 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2012—2013 [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2012—2013]. Moscow: ID «FORUM», 2013. 592 p. (In Russian).

Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu KNR [People's Republic of China: politics, economy, culture. To the 65th anniversary of the People's Republic of China]. Moscow: ID «FORUM», M., 2014. 480 p. (In Russian).

ТАЙВАНЬ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.48647/ICCA.2023.50.35.015

А.В. Волошина

МЕЖБЕРЕГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ НА ТАЙВАНЕ (2024 г.)

Аннотация. 13 января 2024 г. на Тайване состоятся очередные президентские выборы, результаты которых не только определяют будущую траекторию отношений Пекина и Тайбэя, но и будут иметь серьезные последствия для региональной и мировой стабильности.

На фоне сложившейся за последние годы напряженной ситуации в Тайваньском проливе, осложнившейся тесной вовлеченностью в неё Соединенных Штатов Америки, пытающихся разыграть «тайваньскую карту» в своем соперничестве с КНР, автор рассматривает курс Тайбэя и Пекина по управлению межбереговыми отношениями с 2016 г., современное состояние их связей с учетом роли американского фактора, дает анализ расстановки сил на политической арене Тайваня в преддверии выборов 2024 г.

Автор считает, что победа на предстоящих выборах будет зависеть от способности кандидатов предложить тайваньскому населению привлекательную программу по решению проблем в экономике, улучшению жизни общества и более эффективному управлению межбереговыми отношениями, завоевать поддержку колеблющихся избирателей, а также от отсутствия форс-мажорных ситуаций, которые могут повлиять на настроения избирателей, как это было на выборах 2020 г.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, межбереговые отношения, Тайвань, президентские выборы, Цай Инвэнь, США.

Автор: Волошина Анна Валерьевна, научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: voloshina@iccaras.ru

A.V. Voloshina

CROSS-STRAIT RELATIONS AHEAD OF THE PRESIDENTIAL ELECTIONS IN TAIWAN (2024)

Abstract. The next presidential elections are scheduled to be held in Taiwan on the 13th of January 2024. Considering that the tensions across the Taiwan Strait have dramatically increased in the recent years with the US being actively involved in the cross-strait affairs in the attempt to play the “Taiwan card” in its competition with China, the results of these elections will not only determine the future trajectory of relations between Beijing and Taipei but also have serious implications for regional and global stability.

In this article, the author examines Taipei’s and Beijing’s policies on managing cross-strait relations since 2016 and the current state of their ties, taking into account the role of the American factor, and also reviews Taiwan's political scene in the run up to the 2024 elections.

The author argues that outcome of the upcoming elections will depend on several factors: firstly, the ability of the candidates to offer the Taiwanese electorate an attractive program which addresses the issues facing Taiwan economy and aims at improving people’s lives and managing cross-strait relations effectively; then, their ability to win over “floating voters”; and, finally, any major force majeure events that could possibly arise and unpredictably influence voters, as was the case in the 2020 elections.

Keywords: Xi Jinping, cross-strait relations, Taiwan, presidential elections, Tsai Ing-wen, USA.

Author: Anna V. Voloshina, Researcher at the Center for Modern History of China and China-Russia Relations, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: voloshina@iccaras.ru

Центральными задачами китайского руководства остается надлежащее управление отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива и достижение воссоединения Китая. В выступлении 13 марта 2023 г. на заключительном заседании 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул: «Мы должны твердо продвигать реализацию принципа «одна страна, две системы» и великое дело воссоединения Родины... Осуществление полного воссоединения Родины является общим чаянием всех сыновей и дочерей Китая и сутью вопроса о национальном возрождении» [Си Цзиньпин].

Ключевым событием, которое задаст траекторию межбереговых отношений на ближайшие годы и будет иметь серьезные последствия для региональной и мировой стабильности, станут выборы тайваньского руководства в январе 2024 г.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть общую ситуацию, сложившуюся в межбереговых отношениях в последние годы, роль в ней американского фактора, а также расстановку сил на политической арене острова в преддверии выборов.

1. Политика тайваньской администрации с 2016 г.: курс на дальнейшее отдаление от Пекина

Пребывание с 2016 г. у власти на Тайване администрации Демократической прогрессивной партии (ДПП) было отмечено продолжающимся ужесточением курса в отношении материкового Китая.

Президент от ДПП Цай Инвэнь первоначально провозгласила своей целью «сохранение статус-кво» в межбереговых отношениях, заявив, что будет управлять ими в соответствии с Конституцией Китайской Республики, Правилами, регламентирующими отношения между жителями Тайваня и материковой части Китая и другими соответствующими законами для поддержания диалога и мира между двумя берегами пролива. В инаугурационной речи 2016 г. она не стала открыто обозначать позицию по признанию или непризнанию «консенсуса 1992 г.»¹, высказавшись об «уважении исторического факта» состоявшихся в 1992 г. консультаций [Чжунхуа Миньго ди 14 жэнь цзунтун...].

Это заявление не могло удовлетворить Пекин, который требует для поддержания каких-либо официальных отношений с тайваньской администрацией четкого признания «единства Китая» в рамках «консенсуса 1992 г.». Однако сам его факт демонстрировал попытку Цай Инвэнь найти баланс между политической платформой ДПП, требующей от Тайваня как «суверенной независимой страны, не подпадающей под юрисдикцию Китайской Народной Республики», отказа от принципа «одного Китая» [Тайвань цяньту...], и стремлением избежать кризиса в межбереговых отношениях.

Однако со временем этот подход претерпел существенные изменения. Уже в 2019 г. в ответ на речь Си Цзиньпина по случаю сорокалетней годовщины «Обращения к тайваньским соотечественникам», где он при-

¹ Термином «консенсус 1992 г.» обозначается устный обмен заявлениями представителей неправительственных организаций двух берегов Тайваньского пролива об их позициях касательно «одного Китая» в ноябре 1992 г.: тайваньская сторона интерпретировала «один Китай» как Китайскую Республику, обладающую де-юре суверенитетом над территорией всего Китая, включая материк; представители материка, в свою очередь, заявили, что «оба берега Тайваньского пролива придерживаются принципа одного Китая и прилагают усилия к национальному объединению». Руководство КНР признает «консенсус 1992 г.» политической основой для взаимодействия с Тайванем, подтверждающей, что это отношения в рамках «одного Китая» и они не носят межгосударственный характер.

звал к воссоединению нации на основе принципа «Одна страна, две системы», Цай Инвэнь официально заявила об отказе признать «консенсус 1992 г.» и принять вышеуказанную модель, выдвинув к материке заведомо неприемлемые требования о признании факта существования Тайваня (Китайской Республики) и проведении равных переговоров на уровне правительств либо уполномоченных правительствами государственных структур [Цзунтун чжэньдуй...].

В январе 2020 г. Цай Инвэнь одержала уверенную победу в президентских выборах, использовав в ходе избирательной кампании всплеск антикитайских настроений на острове из-за происходивших летом 2019 г. протестов в Гонконге и их подавления китайскими властями.

Спустя три дня после победы Цай Инвэнь заявила о том, что «неопределенность» вокруг статуса Тайваня «больше не может служить тем целям, для которых она была предназначена». Она призвала Пекин «признать реальность»: «Мы уже являемся независимой страной, мы зовемся Китайской Республикой, Тайвань... У нас отдельная идентичность, и наша страна принадлежит только себе» [China needs...].

В инаугурационной речи 20 мая 2020 г. Цай Инвэнь уже не упоминала о «консенсусе 1992 г.», обвинив при этом Пекин в использовании принципа «одна страна, две системы» для «принижения» Тайваня и подрыва статус-кво в Тайваньском проливе [Чжунхуа Миньго ди шиу жэнь цзунтун...].

В октябре 2021 г. в речи президента Тайваня в честь национального праздника, Дня двух десятков, был выдвинут тезис о том, что Китайская Республика (КР) и КНР не принадлежат друг другу. Впервые за всю историю выступлений тайваньских лидеров на праздновании Дня двух десятков официальные названия Тайваня и Китая фигурировали рядом как две не принадлежащие друг другу суверенные единицы.

Это заявление, названное Канцелярией по делам Тайваня при Госсовете КНР «откровенной пропагандой теории “двух Китаев”», было повторено Цай Инвэнь 6 апреля 2023 г. в США.

Подкрепляя свою риторику практическими шагами по укреплению обороноспособности острова, снижению экономической зависимости от материка, Тайбэй стремится заручиться поддержкой со стороны демократических стран «единомышленников», делая ставку в первую очередь на дипломатическую и военную помощь США.

В последние годы значительно укрепились военные контакты Вашингтона и Тайбэя. При администрации Д. Трампа были авторизованы продажи оружия острову на рекордную сумму более 18 млрд долл., при Дж. Байдене — на 3,5 млрд долл.² Дополнительно в рамках Закона США

² По состоянию на май 2023 г.

об ассигнованиях на национальную оборону на 2023 финансовый год авторизовано выделение Тайваню военной помощи в размере 10 млрд долл. и еще 2 млрд в виде займов в течение следующих 5 лет. Укрепляется взаимодействие американских и тайваньских вооруженных сил. Так, в марте 2021 г. была достигнута договоренность о создании двусторонней рабочей группы береговой охраны. В октябре 2021 г. тайваньские власти впервые обнаружили на острове около 30 военнослужащих США, а в апреле 2023 г. появилась информация об увеличении их числа до 200 человек. Повышается уровень военных обменов: планируется первая отправка на обучение в США подразделения тайваньской армии на уровне батальона.

В соответствии с принятым в 2018 г. Законом США о поездках на Тайвань расширяются контакты между официальными лицами США и их тайваньскими коллегами. При Д. Трампе впервые с 1979 г. остров посетили чиновники в должностях заместителя помощника министра обороны США по делам Восточной Азии (Х. Клинк), министра здравоохранения и социальных служб (А. Азар), заместителя госсекретаря США (К. Крач). При администрации Дж. Байдена с визитом на остров в августе 2022 г. прилетела тогдашний спикер Палаты представителей Конгресса Н. Пелоси, третье лицо в политической иерархии США, в феврале 2023 г. — заместитель помощника министра обороны по делам Китая М. Чейз.

Повышается уровень контактов на территории США: Сяо Мэйцинг стала первым с 1979 г. де-факто представителем КР в США, приглашенным на инаугурацию американского президента; в феврале 2023 г. состоялся первый с 1979 г. визит руководителя тайваньского внешнеполитического ведомства У Чжаосе в столичный район «Большого Вашингтона»; 5 апреля 2023 г. в Калифорнии прошла встреча Цай Инвэнь со спикером Палаты представителей Конгресса США К. Маккарти — первая с 1979 г. встреча тайваньского президента с чиновником такого уровня на территории США.

Углубить взаимодействие американских и тайваньских госслужащих призвана разрабатываемая Тайваньская стипендиальная программа для служащих федерального правительства США. В соответствии с ней сотрудники американского правительства будут направляться на Тайвань на двухгодичные стажировки для обучения и работы в тайваньских ведомствах [Taiwan, US still working...].

Помимо этого, Вашингтон помогает Тайваню в укреплении его «видимости» на международной арене, поддерживает его подключение к работе международных организаций, в частности к системе ООН, привлекает союзников и партнеров к давлению на Пекин и выработке совместных действий в случае конфликта в Тайваньском проливе.

2. Курс Пекина по управлению межбереговыми отношениями с 2016 г.

Происходящие в последние годы подвижки в курсе тайваньских властей по отношению к матерiku и углубляющееся американо-тайваньское стратегическое взаимодействие представляют серьезный вызов для китайских властей. Коллектив Центра международной безопасности и стратегии университета Цинхуа в докладе, посвященном прогнозу рисков для безопасности Китая на 2023 г., ставит ситуацию в Тайваньском проливе на второе по значимости место, вслед за стратегическим соперничеством КНР с США. Исследователи предупреждают, что тайваньский вопрос превратился в инструмент западных политиков для провоцирования Китая и заманивания его в «стратегическую ловушку» [2023 январь... С. 3—4].

Чтобы не допустить дальнейшего дрейфа Тайваня в сторону объявления независимости и окончательного разрушения статус-кво в районе Тайваньского пролива, китайские власти проводят курс так называемого кнута и пряника, сочетающий как методы жесткого воздействия на руководство острова, так и ряд мер позитивного стимулирования в отношении политических сил, готовых выстраивать отношения с Пекином на базе «консенсуса 1992 г.», бизнес-сообщества и простых жителей острова.

Так, ввиду отказа нынешнего тайваньского руководства признать «консенсус 1992 г.» Пекин блокирует участие Тайваня в международных организациях и предпринимает меры для его дипломатической изоляции. Начиная с 2016 г. девять стран разорвали отношения с КР в пользу признания КНР, что свело число дипломатических союзников Тайваня к 13 государствам.

Также принимаются меры, направленные на сдерживание, изоляцию и дискредитацию администрации ДПП. Пекин не поддерживает официальные отношения с нынешним тайваньским руководством, каналы межбереговой коммуникации заморожены. В отношении чиновников ДПП, несущих, по заявлению властей КНР, наибольшую ответственность за «разжигание вражды» между берегами пролива, три года подряд вводятся персональные санкции. В ответ на действия тайваньской администрации, нарушающие с точки зрения материка статус-кво, растет число учений НОАК возле Тайваня, демонстрирующих — как это было в ходе масштабных маневров в августе 2022 г. — возможности китайской армии по полной блокаде острова.

По мере ухудшения межбереговых связей китайские власти предприняли несколько раундов торговых ограничений в отношении тайваньского импорта (в феврале, сентябре 2021 г., в июне, августе и декабре 2022 г.), распространявшихся преимущественно на продукты рыболовства, сельского хозяйства и ряд напитков, включая популярные тайваньские алкогольные бренды. Еще одним инструментом давления на остров мо-

жет стать запущенное Министерством коммерции КНР расследование тайваньских «торговых барьеров», то есть ограничительных мер в отношении 2455 товаров из материкового Китая, которое планируется завершить до 12 октября 2023 г. с возможностью продления до 12 января 2024 г. В худшем случае это расследование может грозить аннулированием 13-летнего межберегового Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве.

Критикуя администрацию ДПП за сепаратизм и возлагая на нее ответственность за ухудшение межбереговых отношений, Пекин вместе с тем демонстрирует готовность к диалогу с оппозиционными силами острова. В последний год заметно активизировались контакты КПК с Гоминьданом. Заместитель председателя Гоминьдана Ся Лянь посетил материк в августе 2022 г. и в феврале 2023 г. В ходе последнего визита делегации Гоминьдана удалось наладить каналы связи с КПК после произошедших там кадровых перестановок высокопоставленных должностных лиц, ответственных за межбереговые отношения. Так, состоялись встречи с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ван Хунином, позже занявшим пост председателя Народного политического консультативного совета Китая 14-го созыва и заместителя главы рабочей группы по Тайваню ЦК КПК; с главой Канцелярии ЦК КПК по делам Тайваня и Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Сун Тао. В ходе переговоров делегация Гоминьдана призвала к скорейшему возобновлению межбереговых обменов и передала просьбу тайваньских фермеров и рыбаков о возобновлении импорта тайваньской продукции на материк.

Также с 27 марта по 7 апреля 2023 г. визит на материк с целью почтения памяти предков совершил бывший тайваньский президент и председатель Гоминьдана Ма Инцзю. В мае на материк с четырёхдневным визитом для посещения могил своих предков направился заместитель председателя Гоминьдана Лянь Шэнвэнь. В ходе своих поездок Ма Инцзю и Лянь Шэнвэнь провели переговоры с главой Канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР Сун Тао.

Благодаря контактам Гоминьдана и других оппозиционных сил острова с Пекином сторонам удалось решить ряд насущных проблем в отношениях.

Так, благодаря встрече главы округа Цзиньмэнь Чэнь Фухая и депутата от Гоминьдана Чэнь Юйчжэнь с Сун Тао 29 января 2023 г. удалось добиться отмены материком запрета на импорт 63 продуктов питания и напитков тайваньских производителей, а также восстановить с 10 февраля 2023 г. паромное сообщение между Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь) и Цзиньмэнем. Более того, при посредничестве Гоминьдана удалось возоб-

новить с марта 2023 г. импорт на материк двух видов тайваньской рыбы, находившихся под ограничениями с августа 2022 г.

Кроме этого, материк не отказывается от мер, направленных на социальную и экономическую интеграцию острова. В ходе инспекционной поездки в пров. Фуцзянь в марте 2021 г. Си Цзиньпин призвал «смело искать» новые пути для межбереговой интеграции и совместного экономического развития. На рабочей конференции по Тайваню в мае 2023 г. в Пекине Ван Хунин особо подчеркнул необходимость восстановления межбереговых обменов и развития дружбы с людьми из всех социальных слоев Тайваня. За последние годы был обнародован целый ряд соответствующих мер: 31 инициатива (2018) и 26 инициатив (2019) Канцелярии Госсовета КНР по делам Тайваня, предлагающих тайваньцам стимулы для обучения, работы и запуска бизнеса в материковом Китае; 11 мер помощи тайваньскому бизнесу на материке для преодоления неблагоприятных последствий пандемии и поддержки развития предприятий и продвижения проектов с участием тайваньских инвестиций (2020); 22 меры по поддержке развития предприятий с участием тайваньских инвестиций в области сельского и лесного хозяйства на материке (2021); и целый ряд других инициатив национального и провинциального уровня.

Пекин также предложил Тайваню целый ряд инфраструктурных проектов по соединению материка и тайваньских территорий сетью автомагистралей и железных дорог. Пример одной из подобных инициатив — включенная в план Госсовета по транспортному развитию на 2021—2035 гг. высокоскоростная железная дорога Пекин—Тайбэй³. Основной проблемой на пути реализации подобных проектов, которые могли бы стать реальными драйверами совместного экономического развития двух берегов Тайваньского пролива, остается отсутствие на то политической воли в Тайбэе.

Важной вехой, от которой будет зависеть дальнейший курс развития межбереговых отношений, станут выборы тайваньского руководства в 2024 г.

3. Расстановка сил на политической арене Тайваня в преддверии выборов 2024 г.

Президентские выборы на Тайване запланированы на 13 января 2024 г. На данный момент все значимые политические силы острова определились с кандидатами для участия в выборах. Правящая ДПП выдвинула кандидатуру Лай Циндэ, вице-президента Тайваня и действующего председателя партии. Представлять Гоминьдан на президентских выборах

³ Проект остановился на стадии строительства секции Пинтань—Тайвань.

будет мэром Нового Тайбэя Хоу Юи. Замыкает тройку кандидатов председатель Народной партии Кэ Вэньчжэ.

Трем кандидатам еще только предстоит выдвинуть свои предвыборные программы, однако некоторые выводы о том, какое влияние победа кого-либо из них может оказать на состояние межбереговых отношений, можно сделать уже сейчас.

Так, Лай Циндэ имеет репутацию активного борца за независимость Тайваня и считается представителем «темно-зеленого» крыла ДПП — фракции более радикальных сторонников независимости. Перед ним стоит задача привлечь на свою сторону «среднего избирателя» Тайваня, выступающего в подавляющем большинстве за сохранение статус-кво в межбереговых отношениях. Лай Циндэ сделал уже несколько заявлений, призванных подчеркнуть его приверженность сохранению статус-кво и готовность к преемственности курса Цай Инвэнь. Так, он заявил, что Тайваню не нужно объявлять независимость, так как он уже является «независимым и суверенным государством», а лозунг «сопротивляться Китаю и защищать Тайвань» в его риторике недавно уступил место призыву «мирно защищать Тайвань». Но, несмотря на попытки смягчения риторики, ожидать стабилизации межбереговых отношений с Пекином в случае его избрания не стоит. Уже в первом предвыборном ралли он заявил об отказе от формулы «одного Китая», что при его победе означает невозможность возобновления каналов коммуникации его администрации с Пекином и высокую вероятность дальнейшего ухудшения ситуации в Тайваньском проливе.

Победа кандидата от Гоминьдана Хоу Юи могла бы стать шансом для выхода из острой фазы конфликтности в межбереговых отношениях. Сильная карта Гоминьдана — демонстрация того, что партия способна поддерживать крепкие связи с США и одновременно стабилизировать отношения с материком. Хоу Юи уже выразил готовность придерживаться Конституции Китайской Республики в отношениях с материком и заявил о признании «консенсуса 1992 г.», приверженность которому также закреплена в политической платформе Гоминьдана, что дает надежду на возобновление каналов коммуникации с Пекином в случае его избрания.

Кандидат от Народной партии бывший мэром Тайбэя Кэ Вэньчжэ позиционирует себя как представитель «белой», третьей силы на тайваньской политической сцене. Он выступает за прагматичный подход к выстраиванию межбереговых отношений, считая, что его партии удастся найти «золотую середину» между двумя крайностями — чрезмерной «покорностью» Пекину Гоминьдана и перекрытием всех каналов коммуникации с материком при ДПП. Кэ Вэньчжэ выступает за восстановление межберегового диалога, придерживаясь позиции, что «два берега пролива — одна семья». При этом, однако, он считает, что «эра консенсуса на Тайване прошла» и Пекин должен предложить другую формулу, которая была бы

приемлема для населения острова. Учитывая, что признание «единства Китая» — отправная точка для поддержания каких-либо отношений с тайваньской администрацией для Пекина, пока неясно, каким образом Кэ Вэньчжэ удалось бы реализовывать свои политические инициативы.

Данные по опросам, отражающим рейтинги кандидатов, на данном этапе крайне подвижны и пока не дают четкой картины о расстановке сил. На партийном уровне преобладающей поддержкой избирателей пользуются ДПП и Гоминьдан. При этом за последний год Гоминьдану удалось усилить свои позиции, что подтверждают итоги местных выборов 2022 г., где представители этой партии победили в 14 из 22 избирательных округов, представители ДПП — в 5. Неудачная предвыборная стратегия ДПП, построенная на попытках вновь разыграть карту «угрозы со стороны материка» и дискредитировать Гоминьдан, а также падение рейтингов из-за разгоревшихся вокруг её кандидатов скандалов и неудовлетворительной работы администрации по борьбе с пандемией COVID-19 привели к худшему поражению партии за всю ее историю.

В преддверии президентских выборов первоочередным запросом избирателей становится решение проблем в тайваньской экономике на фоне продолжающейся рецессии и инфляции, улучшение уровня жизни и более эффективное управление межбереговыми отношениями. Согласно данным опросов Тайваньского фонда общественного мнения (ТФОМ), около половины населения острова негативно оценивают экономическую политику администрации Цай Инвэнь (51,7 %), три четверти опрошенных жителей (76,6 %) выступают за необходимость улучшения отношений с материком. Результаты майских опросов ТФОМ демонстрируют, что 51 % тайваньских респондентов не поддерживают то, чтобы администрация ДПП осталась у власти в 2024 г., доля поддерживающих — 40 % [Цай Инвэнь ци нянь...].

Эти результаты сигнализируют о существовании запроса на изменения у серьезной части избирателей. Однако то, удастся ли оппозиции реализовать этот шанс, будет зависеть от нескольких факторов. Во-первых, от способности предложить избирателям привлекательную экономическую и социальную программу. Во-вторых, мобилизовать поддержку не симпатизирующих ДПП сил острова и колеблющихся избирателей. Для Хоу Юи проблемой станет то, что кандидат Народной партии может оттянуть на себя часть необходимых для его победы голосов независимых избирателей и открыть дорогу к победе для Лай Циндэ. Желательным исходом для Гоминьдана было бы убедить Кэ Вэньчжэ выйти из гонки и поддержать его кандидата. Третий фактор — это возможное возникновение каких-либо форс-мажорных ситуаций, которые могут непредсказуемым образом повлиять на настроения избирателей, как это было в предвыборной кампании 2020 г.

Библиографический список

China needs to show Taiwan respect, says president, 14.01.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51104246>

Taiwan, US still working on details of fellows program, 28.02.2023. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2023/02/28/2003795182>

2023 нянь Чжунго вайбу аньцюань фэнсянь чжаньван [Перспективы внешних рисков безопасности Китая в 2023 году]. Бэйцзин: Цинхуа дасюэ чжаньлюэ-юй аньцюань яньцзю чжунсинь, 2023. 10 с.

Си Цзиньпин: Цзай ди шисы цзе цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй ди и цы хуэйи шан дэ цзянхуа [Си Цзиньпин: Выступление на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей четырнадцатого созыва], 13.03.2023. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/kgfb/202303/6b00950071b14741ad95830bbbf5379a.shtml>

Тайвань цянтьу цзюэи вэнь [Резолюция о будущем Тайваня]. URL: <https://www.dpp.org.tw/upload/download/%E9%BB%A8%E7%B6%B1.pdf> (дата обращения: 25.05.2023)

Цай Инвэнь ци нянь чжичжэн юй 2024 цзунтун дасюань [Семь лет правления Цай Инвэнь и президентские выборы 2024 г.], 16.05.2023. URL: <https://clck.ru/34bJXK>

Цзунтун чжэньдуй Чжунго гоцзя чжуси Си Цзиньпин фабяо «Гао тайвань тунбао шу» 40 чжоунянь цзинянь таньхуа шомин во чжэнфу личан [Президент разъяснила позицию нашего правительства касательно выступления председателя КНР Си Цзиньпина по поводу 40-летия «Обращения к тайваньским соотечественникам»], 02.01.2019. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/24002>

Чжунхуа Миньго ди 14 жэнь цзунтун Цай Инвэнь нюйши цзючжи яньшюу [Инаугурационная речь госпожи Цай Инвэнь, 14-й президента Китайской Республики], 20.05.2016. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/20444>

Чжунхуа Миньго ди шиу жэнь цзунтун цзючжи яньшюу [Инаугурационная речь пятнадцатого президента Китайской Республики], 20.05.2020. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/25319>

References

China needs to show Taiwan respect, says president, 14.01.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-51104246>

Taiwan, US still working on details of fellows program, 28.02.2023. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2023/02/28/2003795182>

2023 nian Zhongguo waibu anquan fengxian zhanwang [External Security Risks Outlook for China in 2023]. Beijing: Qinghua daxue zhanlue yu anquan yanjiu zhongxin, 2023. 10 p. (In Chinese)

Xi Jinping: Zai di shisi jie quanguo renmin daibiao dahui di yi ci huiyi shang de jianghua [Xi Jinping: Speech at the First Session of the Fourteenth National People's Congress], 13.03.2023. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/kgfb/202303/6b00950071b14741ad95830bbbf5379a.shtml> (In Chinese)

Taiwan qiantu jueyi wen [Resolution on Taiwan's Future]. URL: <https://www.dpp.org.tw/upload/download/%E9%BB%A8%E7%B6%B1.pdf> (assessed: 25 May 2023) (In Chinese)

Cai Yingwen qi nian zhizheng yu 2024 zongtong daxuan [Tsai Ing-wen's Seven Years in Power and the 2024 Presidential Election], 16.05.2023. URL: <https://clck.ru/34bJXX> (In Chinese)

Zongtong zhendui Zhongguo guojia zhuxi Xi Jinping fabiao “Gao taiwan tongbao shu” 40 zhounian jinian tanhua shuoming wo zhengfu lichang [The President clarified our government's position on Chinese President Xi Jinping's speech on the 40th anniversary of the “Message to Compatriots in Taiwan”], 02.01.2019. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/24002> (In Chinese)

Zhonghua Minguo di 14 ren zongtong Cai Yingwen nushi jiuzhi yanshuo [The inaugural address of Ms. Tsai Ing-wen, the 14th President of the Republic of China], 20.05.2016. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/20444> (In Chinese)

Zhonghua Minguo di shiwu ren zongtong jiuzhi yanshuo [The inaugural address of the Fifteenth President of the Republic of China], 20.05.2020. URL: <https://www.president.gov.tw/NEWS/25319> (In Chinese).

*Е.Н. Степанова, Д.А. Смирнов*¹

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ЧАСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТАЙВАНЬЦА

Аннотация. В данной работе авторы исследуют религиозные народные верования, привнесенные когда-то на Тайвань с территории материкового Китая, до сих пор существующие в виде религиозной культурной традиции, хотя со временем видоизменившиеся под влиянием индустриализации острова, приведшей, в свою очередь, к трансформации и модернизации самого тайваньского общества. Это культурное наследие, прежде всего культ богини Мацзу, как и общее даосско-буддистское наследие, являясь основой религиозных обменов через Тайваньский пролив, представляется политически важным с точки зрения успешного применения стратегии сдерживания в проливе и создания там механизма взаимного доверия и поддержания мирного сосуществования «двух строев». В свое время японские оккупанты пытались искоренять исконно китайскую религиозную традицию в рамках проводившейся ими насильственной японизации населения острова, в том числе в сфере религии. Религиозные народные верования и в целом религиозное сознание глубоко укоренены в тайваньском социуме, что отмечают как тайваньские, так и зарубежные исследователи. Поэтому религиозный фактор имеет немаловажное значение в политической жизни Тайваня, что учитывается тайваньскими политиками и политическими партиями, причем всех направлений, в ходе проведения своих предвыборных кампаний с целью придания себе имиджа «настоящего» тайваньца. А также представляется удобной ширмой для осуществления межбереговых контактов на почве единой культурной традиции обоих берегов.

Ключевые слова: народные верования, духовная традиция, божества, храмовый ритуал, тайваньская этничность, религиозное поведение, «светская демократия».

¹ В работе авторы использовали обнаруженные ими различные источники, в том числе редкие книги из российских библиотечных фондов, найденные и восстановленные тайваньскими культурными фондами кино-, видео- и фотоматериалы, исследования зарубежных ученых и онлайн лекции в зарубежных университетах, а также приобретенные материалы (и собственные наблюдения) во время поездок на Тайвань в разные годы.

Авторы: Степанова Елена Николаевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: helenstepanova@bk.ru

Смирнов Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: smirnov_da@inbox.ru

E.N. Stepanova, D.A. Smirnov

SPIRITUAL TRADITION AS A PART OF A TAIWANESE'S EVERYDAY LIFE

Abstract. In this paper the authors conducted the scientific research of the folk religion, once brought to Taiwan from the territory of Continental China which still exists as a religious cultural tradition though modified under the influence of the island industrialization which in its turn caused the transformation and further development of Taiwan socium itself. This cultural inheritance, first of all Matsu cult, as well as the common Daoist-Buddhist inheritance, being the basis of the religious exchanges across the Taiwan Strait seems politically important from the point of view of deterrence strategy successful implementation in the Strait, of mutual trust mechanism creation and “the two systems” peaceful coexistence maintenance there. The Japanese occupants in their time tried to root out genuine Chinese tradition in the frames of the coercive Japanization of the island population conducted by them including in the religious sphere. As both Taiwan and foreign researchers note the folk religion and religious consciousness in general are deeply rooted in Taiwan socium. That’s why religious factor has its meaningfulness in Taiwan political life which is (whether deliberately or at random) taken into consideration by Taiwan politicians and political parties of all kinds in a long run of their election campaigns for the purpose of creating an image of «a genuine Taiwanese». Besides, this factor may serve a convenient screen for conducting across the Strait contracts on the basis of the common cultural tradition of the both sides of the Strait.

Keywords: folk religion, spiritual (sacred) tradition, deities, temple rite, Taiwan ethnicity, religious behavior, “secular democracy”.

Authors: Stepanova E.N., Ph D in Political science, leading scientific researcher of the Centre of Contemporary History of China and its relations with Russia of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (Moscow).;

Smirnov D.A., Ph D in History, leading scientific researcher of the Centre of Contemporary History of China and its relations with Russia of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

Мотивом для написания данной работы послужила необходимость обратиться к вопросу, обуславливают ли народные верования, с очевидностью так распространенные в современном Тайване, существование культурного единства или культурного разнообразия социумов, проживающих по обе стороны Тайваньского пролива. При этом основной акцент делается на исторической подоплеке возникновения идей, убеждений и ценностей духовной традиции и способе их дальнейшей передачи. Такой метод помог проследить распространение на Тайване возникших в материковом Китае религиозных культов и те видоизменения, которые они со временем претерпевали на острове. При этом зарубежные исследования показали, что не следует рассматривать Тайвань или какой-либо другой регион как регионы с типичной китайской культурой, так как китайские культурные регионы до сих пор четко не определены и Тайвань может включать в себя культы, происходящие из пров. Фуцзянь и других частей прибрежных юго-восточных провинций Китая. В пров. Фуцзянь, согласно давним российским исследованиям, вплоть до последней четверти XX в. «сохранялась значительная языковая и этнокультурная дробность населения». Фуцзянцы резко отличаются от других групп китайского населения (особенно по языку), что позволяет рассматривать их как отдельную этническую группу. Кроме того, в отдельных поселениях Фуцзяни существовали свои, отличные от соседних, пантеоны с религиозными представлениями и культами, имеющими глубокие древние корни². Постоянное исследовательское сравнение между народными верованиями Тайваня и этих частей материкового Китая с учетом огромного влияния на духовную жизнь китайцев «трех учений» (или “трех религий”): конфуцианства, даосизма и буддизма, поскольку именно в Фуцзяни «в рамках этих «трех религий» процветали верховные божества, обожествленные герои, легендарные деятели и исторические лица — персонажи всекитайских общенародных верований, культ которых имел общее признание и государственную поддержку» [Свиридов А.А., с. 163] — обеспечит новые перспективы нахождения общего и различного в культурных традициях двух

² Свиридов А.А. ссылается на результаты экспедиционных исследований русско-го китаиста Алексеева В.М. в 1912 г. в южных местностях прибрежного Китая (Шанхая, Фучжоу, Гуандуна и др.), согласно которому храмовые постройки в Фучжоу оказались поврежденными и полуразрушенными «миссионерскими учениками», поэтому материал восполнялся им по пути в Гонконг, в портах Сямэни и Шаньтоу. Именно в Фучжоу была учреждена первая протестантская миссия в 1847 г., далее миссия методисткой епископальной церкви, в 1850 г. появляется миссия англиканской церкви; туда же прибыли шведские миссионеры и посланцы римско-католической церкви, там появляются первые христианские церкви и их паства из местных жителей [Свиридов А.А., с. 163—164, 166].

берегов [PhilipClart&Charles B. Jones, p. 116—117]. Помимо всего прочего, культурное наследие является важным ресурсом для государственной власти [Jacob Friedemann Tischer, p. 7].

Одной из важных целей партии Гоминьдан после прибытия на Тайвань в 1949 г. было разрушение власти помещиков и храмов, старых земледельческих элит, посредством земельных реформ и ограничивающего их права законодательства. В связи с этим был принят Закон 1963 г. о «Методах улучшения народных обычаев в провинции Тайвань» «[臺灣省改善民間習俗辦法]», вследствие чего сократилось количество ежегодных храмовых праздников до одного на каждый храм³, что нанесло серьезный вред существованию самой религиозной традиции и храмовых трупп для проведения соответствующих представлений и исполнения оперы. Новые правила также предполагали обязательную регистрацию храмов как профессионально управляемых легальных корпораций, что положило конец ротации ответственности за общинный храм среди представителей местных элит. Это в дальнейшем привело к тому, что управляющие влиятельных храмов сами превратились в политиков с индивидуальным серьезным политическим ресурсом [Jacob Friedemann Tischer, p. 12—13, 21]. Хотя местные храмовые общины, сопротивляясь новым правилам, находили способ их обойти и продолжали участвовать в храмовом ритуале, Гоминьдану все-таки удалось усилить свое влияние на храмы через местные партийные фракции, которыми партия управляла по принципу «разделяй и властвуй». Посредством распределения благ и ресурсов фракции были способны (в некоторой степени вплоть до настоящего момента) контролировать поведение местного электората в пользу престижа находящейся у власти партии, во многих местах приняв на себя профессиональное управление храмами, особенно после принятия упомянутого Закона 1963 г. Инвестиции в профессиональное управление храмами превышали размер инвестиций по секуляризации тайваньского общества, которая при этом осуществлялась согласно постановлениям правительства острова [Jacob Friedemann Tischer, p. 13].

Как отмечают западные ученые, развитие народной религии в послевоенном Тайване, вероятно, произошло под влиянием четырех важных

³ В настоящее время правящая партия ДПП на Тайване добавила восемь новых светских праздников, подчеркивая необходимость скорейшего решения давно существующих важных политических проблем и примирения на внутринациональном уровне: День свободы слова (отмечается два раза: 7 апреля и 15 июля), День Земли (22 апреля), День аборигенных меньшинств Тайваня (1 августа), Национальный день Хакка (20 января), День международного мигранта (18 декабря), Праздник фонарей (15 января), День памяти жертв артиллерийских бомбардировок (отмечается 8 августа, по-видимому имеются в виду бомбардировки островов Мацу и Цзиньмэня «823») (PTSEnglishnewson-line 04.03.2023).

изменений: постепенное обогащение населения, изменения в политике правительства (но сначала населению Тайваня предстояло сообща выживать в условиях введенного в 1948 г. декретом Чан Кайши военного положения на основе «Временных правил на период национальной мобилизации для подавления коммунистического мятежа»), распространенность образования и повышение его уровня, возросшая географическая мобильность, что способствовало трансформации идеи регионализма в идею общности исторической судьбы, экономики и культуры тайваньского народа, в так называемую пан-тайваньскую идентичность [Philip Clart & Charles B. Jones, p. 98].

Значительное количество разного уровня святилищ (около 204) было возведено в послевоенном Тайване с целью застроить или отсрочить конфискацию все еще не застроенной храмовыми и монастырскими постройками земли прибывшим в 1949 г. на Тайвань правительством Чан Кайши⁴. В трудах тайваньских ученых отмечается наличие большого числа храмов, которых даже «слишком много» на острове (при этом чрезмерно высокие цены на землю могли сдерживать строительство храмов в городах⁵). В 1949 г. на Тайване насчитывалось 3495 храмов и кумирен. При Чан Кайши в 1960 г. было 3835, на 300 с лишним больше, чем в период правления японской администрации. Только в Тайбэе в первое десятилетие XXI в. насчитывалось 447 зарегистрированных и незарегистрированных храмов и кумирен. В 2010 г. на Тайване насчитывалось уже 7128 зарегистрированных храмов и кумирен, не считая частных культовых сооружений. Всего же в тайваньском регионе свыше 9 тыс. храмов; получается, что их количество удвоилось с 1960 г. Тогда же (в 2010 г.) один храм был на каждые 1800 человек и на каждые 14 кв. км., что больше, чем в Таиланде, где один храм приходится на каждые 2370 человек и на каждые 27 кв. км. Кроме того, на Тайване существует 1375 католических и примерно 1700 христианских храмов (скорее всего, речь идет о протестантских). Что касается храмов по различным направлениям веры, то среди них в том числе есть храмы, посвященные богине (чадопода-

⁴ См.: David K. Jordan. Changes in Postwar Taiwan and their impact on the popular practice of religion in Cultural Change in Postwar Taiwan. Boulder, Colo.: Westview. 1994. P.146-150 [Cit. Philip Clart & Charles B. Jones, p. 45].

⁵ 李亦园. 信仰与文華。-台北: AiritiPress, 2010. (Ли Июань. Народные верования и культура. — Тайбэй: AiritiPress, 2010). С. 41—42. Автор Ли Июань (1931 г.р.), на момент написания книги (2010) — директор Института этнологии Академии Синика, председатель правления Фонда международных научных обменов имени Цзян Цзин-го, академик Академии Синика, почетный профессор Института антропологии Государственного университета Цинхуа, автор нескольких монографий по вопросам культуры и религии в современном тайваньском обществе; см. также: [PhilipClart& CharlesB. Jones, p. 99].

тельнице) Гуаньинь (441 храм), богине Мацзу (383 храма) и еще девяти основным богам [李亦园, с. 41—42]. Два популярных общенародных культа бодисатвы Гуаньинь и бога войны Гуаньди нередко пользовались в Китае государственной поддержкой, помимо культов родоначальников «трех учений» Конфуция, Лаоцзы и Будды [Свиридов А.А., с. 163—164].

В основном на о. Тайвань приехали выходцы из провинций Фуцзянь и Гуандун, история потомков которых на Тайване прошла через четыре этапа: первый обозначен как пересечение Тайваньского пролива (букв. [渡海] — «переправа через море»), на втором этапе происходило расширение [開拓] (освоение территории), на третьем этапе — поселение [定居] (расселение людей) и на четвертом — развитие [发展]. Все эти периоды в истории заселения Тайваня ханьцами из материкового Китая были связаны с обращением населения к помощи символических сил в лице определенных богов.

Самой большой распространенностью на Тайване отличается культ богини Мацзу, а храм, посвященный Сюань Тянь Шанди (Xuantian Shangdi) [玄天上帝], богу звезды Северного полюса, одному из даосских богов, отвечающего за северные созвездия, — занимает 6-е место среди известных храмов (подробнее см. далее). Объяснением этого обстоятельства является то, что на этапе «переправы через море», когда невозможно было предсказать её исход в условиях высокой вероятности непогоды и штормов, обращались к соответствующим богам — Мацзу (согласно легенде, покровительница рыболовства и мореплавания принадлежала к одному реально существовавшему фуцзяньскому клану; в приморской полосе Китая именно с этой богиней связывались нужды проживавшего там населения, которое в основной массе занималось рыболовством, морскими промыслами и перевозками [Свиридов А.А., с. 164]) и Сюаньтянь Шанди (известному также под именами: Zhen Wu [«безупречный воин»], Xuan Wu, Zhen Wu Emperor, Xuan Wu Dadi и Zhen Wu Dadi⁶), выступающему как ориентир для кораблей для их благополучного пересечения моря и прибытия на Тайвань. После чего изображения этих богов помещались ими самими в храм [李亦园, с. 42].

На начальном этапе освоения Тайваня после пересечения Тайваньского пролива самой главной проблемой для поселенцев была проблема эпидемий и практически отсутствие врачей, ощущалась острая нехватка лекарств. Переселенцам больше ничего не оставалось, как обращаться к соответствующим богам, например к богу Ван Е (Wang Ye-sheng [王爺神]) (первоначально был божеством жителей Южной Фуцзяни⁷), обладавшему

⁶ URL: https://culture.teldap.tw/culture/index.php?option=com_content&view=article&id=612 (дата обращения 24.03.2023).

⁷ По преданию, Ван Е был пастухом у Цинского императора, практиковал буддистские принципы на горе Канлан и стал буддой. См.: URL: <https://eng.taiwan.net.tw/m1.aspx?sNo=0002119&id=R105> (дата обращения 27.03.2023).

силой против эпидемий и болезней. Во время поклонения этому божеству можно было часто видеть, как сжигали бумагу с его изображением, а деревянные кораблики с изображением Ван Е пускали в море, тем самым как бы выталкивая болезни за границу обычного существования. Его культ по популярности был намного ниже, чем культ Мацзу, количество посвященных ему храмов не было большим ([代天府] [букв. — «храм небесных представителей»]; благословляющий и дарящий удачу Ван Е постепенно стал стражем местных божеств). Основным культовым храмом Ван Е считается храм Nankunshen Daitian Temple [南鯤鯓代天府] (1817 г.о.) в г. Бэймэнь (Beimen) у. Тайнань; каждые три года самые большие празднования в его честь проходят в храме Donglong Temple [東隆宮] в г. Дунган [東港] уезда Пиндун.

По пересечении пролива и по завершении начального периода освоения, связанного с вызванными болезнями трудностями, первые поселенцы начинали расселяться, сталкиваясь с новыми проблемами. Прежде всего, с проблемой противостояния с высокогорными аборигенами [高山]⁸ и возникшей вслед за этим конкуренцией за землю с другими сообществами разных поселенцев и необходимостью организовывать общины поселенцев на строительство крупномасштабных ирригационных систем [李亦园, с. 43].

Чтобы решить все эти проблемы, требовалось создание крепких социальных групп. На раннем этапе очень немногие из поселенцев перебирались на Тайвань со своим родом или родовым кланом, поэтому эти поселенцы не могли решать возникшие проблемы при поддержке религиозных клановых структур, а должны были опираться на земляческие или соседские отношения, чтобы создавать эти социальные структуры. Для этого им требовалось такое божество, которое олицетворяло бы собой сплоченность. Эта роль отводилась даосскому богу медицины Баошэн Дади (Baosheng Dadi [保生大帝])⁹ (8-е и 9-е места в иерархии божеств,

⁸ Зарубежные исследователи отмечают мощное влияние ханьской религии на религию аборигенных народов Тайваня (особенно на юго-западе острова, племя Сирая [西拉雅]), которую так и не удалось поглотить, но произошло взаимное проникновение религий, выраженное в заимствовании, сохранении прежних канонов и новой интерпретации ханьской религии и аборигенных практик [Murray A. Rubinstein, p.345-346].

⁹ До сих пор тот или иной ритуал проводится публично (в храмах) или приватно (в «домашних храмах») в зависимости от проблемы. Просители, проявляя прагматичность, обращаются к соответствующим богам: в случае неуспеха, женщины за помощью в период деторождения, для успешной сдачи экзаменов и т. д. Так, в поисках защиты и поддержки в случае болезни, например за защитой от SARS и COVID, обращаются к тому же даосскому богу медицины Baosheng Dadi, которому посвящены 200 тайваньских храмов, главный из них находится в Тайбэе — Taipei's Dalongdong Waoran Temple [大龍峒保安宮] (1830 г.о.). В 1949 г. этот храм служил местом пребывания около 200 военных и их иждивенцев после эвакуации армии Чан Кайши на Тай-

храмы есть в материковом Китае в Гуанчжоу), привнесенному выходцами из г. Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь)¹⁰. Обращались также и к богу Сань Шань Гован [三山國王] (культ пришел из Гуандуна, его храм [三山國王] (1742 г.о.) кантонского стиля расположен в северной части г. Тайнань и посвящен трем богам гор: горы Цзиньшань (Mt. Jin[中山國王]), горы Миншань (Mt. Ming [明山國王]) и горы Душань (Mt. Du[獨山國王]) (9-е место в иерархии), привнесенному переселенцами Хакка. Все эти боги как бы присоединялись друг к другу. Также в каждой деревне стали поклоняться богу земли Тудигуну (Tudigong [土地公]) [См. об этом: Малявин В.В., с. 102—103]. Храмы, посвященные богу земли, есть на Тайване (много храмов этого божества в Илани), Гонконге, материковом Китае (в Фуцзяни), Индонезии, Малайзии, Таиланде [李亦园, с. 44].

Вероятно, существование множества храмов Тудигуна можно объяснить ритуалом, связанным с работами мужчин-крестьян по посадке ростков риса. Процедура перенесения ростков риса в почву «сопровождалась» этим божеством. Храмы Тудигуна посещаются семьями; теперь перед храмами есть места, устроенные на постоянной основе (скамейки и столы под крышами) для совместной трапезы (прежде, после умиротворения божества, крестьяне ели сакральную еду, включавшую мясо, за исключением свинины и птицы, рыбу, вегетарианский суп и др., пили вино, если присоединялись родственники супругов и друзья [См.: Bernard Gallin, p. 247—249]. В настоящее время, как видно на найденных фотографиях и видео, блюда на столах те же). Также очевидно, что храмы посещаемы, судя по очень большому количеству палочек фимиама, выставленных на алтарях перед божеством, и подношений в виде фруктов, цветов, денег. Там же сложены использованные «предсказательные бруски» (см. об этом далее). В 1928 г. во время японского присутствия на Тайване в Уцзе было построено хранилище *Egije Rice Barn* (закрыто в 1993 г., теперь полностью отреставрированное, данное хранилище — объект культурного наследия Тайваня) для произведенного в уезде коротко-зернового сорта риса — *Japonica* (до японского присутствия на острове производился длинно-зерновой рис — *Indica*). Строительство подобных хранилищ расширилось в период с 1937 по 1953 г. до 3 тыс. кв. м., поскольку у. Илань был ответственным за хранение риса в период Второй мировой войны. Более того, в период индустриализации на острове производство риса удвоилось (1962—1963) на всем Тайване; лидирующее место в этом спи-

вань. Далее, начиная с 1952 г. состоятельному предпринимателю Линь Гун-чжэню (LinKung-chen [林拱振]) потребовалось 10 лет для восстановления храма. — Taipei Times. Taiwan in Time: The god of medicine turns 1,042. URL: <https://www.taipetimes.com/News/feat/archives/2021/04/18/2003755888> (дата обращения 15.03.2023).

¹⁰ Dr. Stefania Travagnin (SOAS, University of London). Taiwan Lecture Series (online). “Religion in Taiwan”. Presented at the University of Oslo (Norway). 14.03.2023.

ске производящих рис уездов тогда занимал у. Илань (увеличение производства на 99,7 %, далее по убывающей следовали Чжанхуа, Тайнань и Пиндун)¹¹. Производство риса в у. Илань было прекращено в 2010 г., когда правительство приняло решение о строительстве в уезде научно-индустриального парка (тогда же рисовые поля были практически там уничтожены, что удалось остановить Тайваньскому сельскохозяйственному фронту (Taiwan Rural Front, TRF), как и реализацию проекта химического предприятия Куо Куанг [подробнее об этом проекте см.: Смирнов Д.А., Степанова Е.Н., с. 220—221] стоимостью 20 млрд долл.¹² В целом производство высококачественного риса на Тайване, достигнув своего пика в 2019 г. (свыше 1,9 млн метрических тонн), начало постепенно снижаться к 2021 г., до 1,56 млн¹³. Теперь Илань не упоминается в списке уездов, производящих рис, но храмов Тудигуна, по-прежнему активно посещаемых (значит, жива и религиозная традиция), много в городах по всему у. Илань, например: Юаньшань (Yuanshan, на востоке), Саньсин (Sanxing, на юго-западе), Уцзе (Wujie, в центре этого уезда), Дуншань (Dongshan, на юге), Тучэн (Toucheng, на севере), Цзяоси (Jiaoxi, северозапад) — все выше реки Ланьян (Lanyang). Места расположения храмов Тудигуна практически совпадают с прежними местами полей по выращиванию риса¹⁴.

На этапе заселения, связанного с созданием полей и ирригационным строительством, сообщество переселенцев постепенно стабилизировалось, и из года в год стала возрастать его численность, стали появляться (что важно) города и поселки, вслед за чем получила быстрое развитие торговля, и можно сказать, что к этому времени наступила пора нормального развития общества. После того, как в период заселения постепенно развивалось общество, людям в процессе становления их взаимоотношений, особенно в коммерции, потребовался религиозный символ, и тогда возник культ Гуань Гуна [关公神像] (GuanGong или Guan-Di)¹⁵. Первоначально

¹¹ Doubling the Rice Crop (1964). URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=8,8,12,29,32,32,33,45&post=13945> (дата обращения: 04.04.2023).

¹² Reclaiming Rice in Taiwan. URL: <https://daily.jstor.org/reclaiming-rice-in-taiwan/> (дата обращения: 4.04.2023).

¹³ Paddy rice production in Taiwan from 2011 to 2021(in 1,000 metric tons). URL: <https://www.statista.com/statistics/321769/taiwan-rice-production/> (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁴ См. карту: URL: https://www.researchgate.net/figure/Map-of-Taiwan-showing-rice-fields-and-sampling-sites-for-both-Pomacea-caniculata-and-P_fig1_237523470 (дата обращения: 04.04.2023).

¹⁵ Его прообразом был реальный военачальник Гуань Юй (GuanYu [關羽], или Yunchang, 160—220 г.ж.) — китайский генерал во времена Восточной Ханьской династии в Китае. Почитался в Восточном Туркестане, Тибете, Маньчжурии, Монголии и Корее. Также почитается в пров. Шаньси материкового Китая, Гонконге, Макао, в

Гуань Гун был божеством войны, оружия, армии. Путем эволюции Гуань Гун (вместе с этим менялось и изображение этого божества в храмах) превратился в военного бога богатства (и предпринимательства), бога торговли (торговцы доу-фу почитают его в качестве покровителя), хотя и сам по себе этот бог стал весьма распространенным явлением в верованиях населения Тайваня. Важно уметь определить назначение частого присутствия в домах и офисах изображения Гуань Гуна с кинжалом, направление острия которого передает лояльность божества, его готовность помочь в зарабатывании денег или обеспечении безопасности жилья или офиса¹⁶. В Гонконге «белый» Гуань Гун (с секирой в правой руке) покровительствует полицейским, а «черный» (с секирой в левой руке) — триадам. В деревнях Гуань Гун почитается как бог-целитель или бог дождя [См. об этом: Рифтин Б.Л., с. 420—422]. В последние годы в крупных городах еще распространился культ божества Энь Чжу Гуна (En Chu Kong [恩主公]¹⁷), культ которого как раз и отражает направление развития.

Анализ четырех этапов истории переселенцев на Тайвань объясняет причину превращения Мацзу, Сюаньтянь Шанди, Ван Е, бога медицины Баошэн Дади, Саньшань Гована, Туди Гуна, Гуань Гуна и других божеств в наиболее почитаемых на острове. В силу глубоких исторических истоков эти верования глубоко внедрились в повседневную жизнь тайванцев, и эти культы на протяжении нескольких сотен лет по-прежнему процветают и не увядают. Но иногда эти боги меняют свои функции, а в процессе некоторой «модернизации» их статуса они становятся еще более распространенными.

Эти явления как «новые вина в старые мехи», с одной стороны, показывают глубину исторических источников (факторов), а с другой — позволяют понять сложившуюся ситуацию под углом зрения следующих причин. В период японской оккупации японцы в целях проведения политики «превращения тайваньцев в подданных империи» постепенно запрещали поклонение почитаемым на острове богам и продвигали японский вариант *шэнь* [神] (дух) *дао цзяо*. Под эгидой борьбы с суевериями (частые проявления таковых наблюдаются на Тайване и до сих пор) японская колониальная администрация (особенно в период 1937—1945

Юго-Восточной Азии, Японии, а также среди китайских иммигрантов в Калифорнии, США.

¹⁶ URL: <http://mt.sohu.com/20160115/n434658112.shtml> (дата обращения: 27.03.2023).

¹⁷ В Тайбэе есть клиника неотложной помощи Энь Чжу Гун [恩主公醫院] (1998 г.о.) (построено 17-этажное здание на 540 коек с 4 подземными этажами на месте угольной шахты), где лечат пациентов в рамках социальной (паллиативной) помощи или оказания помощи в тяжелых несчастных случаях. URL: 跳转至: 2.0 2.1 海山一坑煤礦舊址. 文化部國家文化記憶庫. 文化部. [2022-06-29]. 奉獻51年! 陳榮基醫師致力「安寧緩和醫療」. TVBS. 2016-09-14 [2022-06-29].

гг.), поощряя бережливость, запрещала практику традиционных народных верований (folk) [民間信仰] на острове. Тем не менее до сих пор народная религия остается сильной, хотя с 1950 г. отмечается активизация развития буддизма на Тайване, «японизирование» населения острова, в том числе путем насаждения синтоизма с одновременным строительством новых синтоистских храмов [PhilipClart&CharlesB. Jones, p. 45], некоторые из которых сохранились до сих пор (такой как, например, Maruyama shrine [円山水神社] в Тайбэе¹⁸). Но традиционные верования вследствие исторических причин были непоколебимы в народе¹⁹. Поэтому, как отмечает Ли Июань, после освобождения, подобно сдерживаемой и вдруг освобожденной силе, подобно дождю весной, стали непрерывно строиться храмы. К тому же следует учесть факт начала быстрого экономического прогресса и процветания экономики, благодаря чему все больше финансовых средств вкладывалось в строительство культовых сооружений [李亦园, с. 45].

Спустя более чем 30 лет после освобождения Тайваня аграрное общество довольно быстро трансформировалось в индустриальное, но в отношениях между людьми общественную структуру всегда очень трудно трансформировать за короткое время. Поэтому в процессе быстрых изменений в отношении людей возникают и тупиковые ситуации, сомнения и неудачи, даже срывы на уровне отдельных людей, а на уровне общественных групп требуется обновление методов их консолидации. Таким образом, благодаря историческим истокам традиционных религий и верований эти методы подойдут для нового быстрого и повсеместного использования, если придать им консолидирующие функции.

Про верующих обычно говорят, что они являются довольно специфической группой внутри общества. Эти люди обычно в силу различных психоло-

¹⁸ Храм посещен авторами (Д.А. Смирновым, Е.Н. Степановой) в декабре 2019 г.

¹⁹ Некоторые святыни японцами изымались из наиболее популярных храмов (например, в г.Чжунли (Zhongli) в составе у. Таюань) и попали в японские музеи этнографии или были сожжены, что вскоре прекратилось, поскольку японская администрация опасалась волнений. При этом число синтоистских храмов быстро увеличивалось с 1930-х годов. Во времена японского присутствия (в начале XX в.) допускалась традиция «обворовывания одиноких духов», воровство подношений божествам в храмах бездомными молодыми людьми, которые к 1920-м годам исчезли по политическим и экономическим причинам, а ритуал сохранился, превратившись в настоящие атлетические состязания между деревенскими жителями в ловкости добывания подношений божествам. Также оставалась сельскохозяйственная и одновременно религиозная традиция соревноваться в откармливании свиней к празднованию дня рождения храмового божества. Как об этом пишет зарубежный исследователь, в то время это состязание свидетельствовало в большей степени о начале сельскохозяйственной модернизации на острове, чем о проявлении простого суеверия [Murray A.Rubinstein, p. 349—350].

гических потребностей прибегают к религии, чтобы найти с ее помощью психологическое удовлетворение. Несомненно, что активно придерживающиеся народных верований люди в большинстве своем обладают низким уровнем образования и по этой причине относятся к специфическим профессиональным и социальным группам населения. Они не только ищут удовлетворения в религии, для них традиционная религия является средством «идентификации». Этому незаметно способствует возрастание числа храмов в результате деятельности местных политических фракций [Murray A. Rubinstein, p. 349—350] (в направлении своего потенциального электората).

Функции храма в повседневной жизни сводятся к следующим, но ими не ограничиваются: образовательная; социальная: индивидуальная (включая групповое пение, празднование дней рождения, паломничество) и общинная (включая храмовые празднования); психологическая (оздоровительная с целью восстановления сил); экономическая (развлекательно-туристическая); культурно-художественная, историческая.

Следует отметить, что в период демократизации конца 1980-х годов традиционная религия превратилась в мощную политическую силу. Управление храмами обычно осуществлялось местными уполномоченными лицами, с началом демократизации их «политическое пространство» расширилось. Также с конца 1980-х тайваньские храмы в нарушение закона организовывали поездки верующих к божествам, происходящим из храмовых мест материкового Китая, таким образом помогая восстанавливать ветхие полуразрушенные китайские храмы на тайваньские пожертвования и возобновлять ритуальную практику (например, храм Мэйчжоу [湄洲天后宮] в пров. Фуцзянь — место рождения богини Мацзу [Jacob Friedemann Tischer, p. 6—28] — был восстановлен в 1989 г.²⁰, став впоследствии Меккой тайваньских почитателей культа Мацзу²¹).

В 2006 г. КНР легализовала Китайскую ассоциацию Мацзу по культурному обмену [中华妈祖文化交流协会]²², что явилось затем источником прямых контактов тайваньских религиозных лидеров с официальными лицами материкового Китая. Некоторые тайваньские храмы с разрешения китайских властей строили свои филиалы на материке со значительной выгодой от освоения земель. Так, культурно-промышленный комплекс Мацзу через Тайваньский пролив [兩岸媽祖文化產業複合體]²³

²⁰ 中國福建湄洲島媽祖廟 MAZU TEMPLE, MEIZHOU ISLAND, FUJIAN ... (3 июля 2021) (дата обращения: 10.03.2023).

²¹ Shared belief in Mazu sea goddess reinforces cross-Straits exchanges. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/06/WS63e0532da31057c47ebad0df_2.html (дата обращения: 10.03.2023).

²² URL: <https://www.mazuforum.org/article/112> (дата обращения: 07.4.2023).

²³ URL: <https://www.airtilibrary.com/Publication/alDetailedMesh1?DocID=U0004-G0107260001> (дата обращения: 07.4.2023).

стал своего рода сочетанием политической власти и экономических интересов обеих сторон Тайваньского пролива²⁴. Кроме того, непубличные («за закрытыми дверями») встречи официальных лиц КНР с посещением других храмовых мест на Тайване стали результатом работы Единого фронта НПКСК [中国人民政治协商会议] [Ho Ming-sho, p. 8—9].

В связи с такого рода взаимоотношениями через Тайваньский пролив различные учебные заведения, например Институт стратегических исследований Университета национальной обороны Тайваня [國防大學] (учрежден в 2000 г. путем слияния четырех высших учебных заведений КР) в 2014 г. проводили исследования в области социальных и поведенческих наук по теме «Единый фронт КПК против религии и культуры Тайваня — на примере веры Мацзу» [中共對臺宗教文化統戰—以媽祖信仰為例] (автор Чэн Гуаньчжэн [陳冠鋒])²⁵. Также подобные тайваньские исследования проводились в 2021 г. в Институте восточноазиатских исследований Национального университета Чжэнчи по теме «Одна Мацзу, разные интерпретации: пересмотр обменов убеждениями Мацзу по обе стороны пролива» [媽] 各表: 兩岸媽祖信仰交流再檢視] (автор Чэн Юцяо [陳宥喬])²⁶ и т. д. Исследовательская тематика свидетельствует о важности изучения режима религиозных обменов через Тайваньский пролив с точки зрения стратегии сдерживания в проливе и создания там механизма взаимного доверия и гибкости КПК, о важности влияния проводимой компартией политики и социальной стратегии Единого фронта в этом вопросе, а также о необходимости проведения политического анализа управления в области религии на Тайване с использованием храмов Дацзя [大家] и Бэйган Мацзу [北港朝天宮] в качестве культурно-социальных исследовательских центров, необходимости исследований влияния религиозных обменов по обе стороны пролива на национальную идентичность тайваньского социума, а также исследований в области взаимоотношений между религией и властью на Тайване (в аспектах сосуществования и сотрудничества) с развитием законодательства по вопросам религии²⁷.

При этом Министерство внутренних дел Тайваня с целью улучшения качества работы гражданской службы и повышения социального благополучия населения осуществляет консультации религиозных групп для проведения ими благотворительных кампаний и дальнейшего правильного исполнения религиозных функций, разъясняя гражданам, например,

²⁴ См. подробно: Utube: <https://www.youtube.com/watch?v=IJRPTG-NVkl> с кит. субтитрами (дата обращения: 10.03.2023).

²⁵ URL: <https://hdl.handle.net/11296/9uaw92> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁶ URL: <https://hdl.handle.net/11296/msdpg4> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁷ URL: <https://ndltd.ncl.edu.tw/cgi-bin/gsweb.cgi/ccd=Gx8SsL/webmge?mode=basic>; <https://ndltd.ncl.edu.tw/cgi-bin/gsweb.cgi/ccd=Gx8SsL/search?q=kwe=%22Temple%20associations%22.&searchmode=basic> (дата обращения: 10.03.2023).

как правильно обратиться в соответствующие компетентные инстанции за разрешением на законном основании учредить религиозный фонд, заменить руководителя фонда религиозной группы или как иностранным гражданам получить теологическое образование на Тайване²⁸.

Очевидно, что трансформация традиции (ее модернизация) охватывает все сферы общественной жизни Тайваня, включая культовую, и происходит с развитием храмов (в том числе за счет пожертвований) на фоне усиления давления модернизированного общества на сознание простого человека. На самом Тайване огромные денежные пожертвования (индивидуальные или семейные) способствуют увеличению доходов храмов и их развитию. Это один из способов личного или семейного вклада в поддержание функционирования тайваньских святынь²⁹. В современном тайваньском обществе даже раздвоенные искусственно созданными социальными различиями, несправедливостью и жизненными обстоятельствами обездоленные и нищие также несут богам свои последние добытые для пропитания, необходимые для собственного выживания средства³⁰.

Такое обстоятельство, как развитие храмов, имеет прямое отношение к возможности воздействия на духовную жизнь людей, увеличивается степень эзотеричности сознания человека, что внешне выражается в возрастании числа паломничеств и их участников³¹, что немаловажно для развития внутреннего туризма и, несомненно, выгодно для государственной экономики.

²⁸ White Paper. Superior Quality Civil Affairs. Networks. URL: <https://english.ca.gov/taipei/cp.aspx?n=8AD91DEA107C58B1ii>; <https://english.ca.gov/taipei/News.aspx?n=EB3C54A9CB51087C&sms=5B794C46F3CDE718> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁹ Например, в начале 2000-х годов на деньги клана Цай (братья Даниэль Цай (Daniel Tsai [蔡明忠]-председатель компании Fubon Financial Holding Co [富邦金]) и Ричард Цай (Richard Tsai [蔡明興] — председатель Taiwan Mobile Co [台灣大哥大]) восстанавливался храм Lukang Lungshan Temple [鹿港龙山寺] (1738 г.о.) в у. Чжанхуа, стоимость проекта оценивалась от 100 до более 200 млн Н.Т.Д. (Новый Тайваньский Доллар) из-за возникших в процессе трудностей в восстановлении старых конструкций. См.: Taiwan Panorama. Vol.33, № 7. July 2008. P.113.

³⁰ Это хорошо показано в тайваньском фильме «The Bundled» («Спроваженные») (2000 г.). Huang Ming-chuan (production director) и Chen Singing (director/writer).

³¹ Например, в феврале 2023 г. в 300-километровом девятидневном паломничестве из у. Мяоли г. Тунсяо [通霄鎮] в у. Юньлинь в упомянутый храм Beigang Chaotian Temple участвовали 13 тыс. 221 человек (увеличение участников на 25%, самое большое паломничество к богине моря Мацзу на Тайване). В процессии участвовал бывший мэр Тайбэя, председатель Тайваньской народной партии Кэвэнь-чжэ [柯文哲], днем ранее храм Gong Tian Temple [拱天宮] в Мяоли посетили президент Тайваня Цай Ин-вэнь [蔡英文] и вице-президент Лай Цин-дэ [賴清德]. См.: Taiwan's Baishatun Matsu Pilgrimage [白沙屯拱天宮] begins. 2023/02/12. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4807750> (дата обращения: 12.02.2023).

Культ Мацзу достиг такого уровня популярности, что правительство ДПП в 2001 г. выбрало паломничество Мацзу в качестве одного из двенадцати религиозных событий тайваньской духовной культуры для развития внутреннего туризма. Кроме этого, богиня Мацзу стала важным символом для переопределения тайваньской культуры на местном и национальном уровнях, задействованных одновременно в создании панминьнаньской культурной идентичности и транснационального матрицентричного пространства за пределами рамок тайваньской идентичности [Jacob Friedemann Tischer, p. 18]). При этом участие в общественном ритуале паломничества может служить для поддержания или подрыва социального порядка, позволяет политическим представителям Тайваня продемонстрировать себя в качестве лидеров в ритуале паломничества, используя пространство этого ритуала как способ оспаривания правильности правительственной политики или взывая к ней. Оба лидера Тайваня, Ма Инцзю (в 1998 и 2008 гг.) и Цай Инвэнь (в 2011 г.), бывший и действующий главы администрации острова, использовали одну и ту же риторику, обращаясь к культу Мацзу, символизирующему тайваньскую этничность. Также в 2004 и 2007 гг. известные тайваньские политики от разных партий Чэнь Шуйбянь (ДПП), Джеймс Сун Чу-юй (Soong Chu-yu) от Партии близости к народу, Ван Цзинь-пин (ГМД), Люй Сю-лянь (ДПП) и Су Чжэнь-чан (ДПП) обращались к богине Мацзу, приняли участие в паломничестве, превращая, таким образом, священный культ Мацзу в личный мощный религиозно-политический ресурс [Jacob Friedemann Tischer, p. 14, 17]. Не все тайваньцы участвуют в паломничестве, но даже если многие дополнительные зрители лишь виртуально участвуют в нем, сидя у телевизионных экранов, все они признают паломничество как нечто специфически тайваньское, знакомое каждому жителю острова. Ассоциирование этой практики с Тайванем является ее признанием, на чем основывается культурная близость и тесная связь между людьми (при этом отношение самих людей к практике паломничества может быть двойственным), но, в любом случае, возникает чувство коллективной принадлежности к сообществу, проживающему в пределах географических контуров острова [Jacob Friedemann Tischer, p. 7—9].

Одновременно внешнее проявление религиозности (религиозное поведение), такое как большое количество участников в храмовых фестивалях³²

³² Например, похожий на карнавал «Bombing Lord Handan», во время которого бог богатства Handan — один из пяти духов Wulu Caishen [五路財神] (в этой роли выступает обычно местный авторитетный гангстер), боится холода, поэтому он позволяет остальным бросать в себя петарды (во искупление грехов), чтобы согреться, одновременно при этом отмахиваясь от петард символическим венком с листьями. На самом деле так проходит специфическая процедура посвящения и затем превращение в символического бога богатства с получением после этого в реальной жизни

способствует углублению религиозного духа элит [Philip Clart & Charles B. Jones, p. 44]. Хотя оно и не является доказательством религиозной веры или проявлением ее силы, однако свидетельствует о приверженности традициям и обычаям³³ (по сути, проявлением национализма). Тем не менее экономическое процветание Тайваня способствовало интенсификации развития строительства культовых сооружений, что отразилось не только на их количестве и грандиозности сооружений, убранстве и ритуалах, но и духовном соперничестве между храмами³⁴.

С другой стороны, как отмечают зарубежные исследователи, появившиеся на острове практики западной медицины и традиционной китайской медицины несколько ослабили влияние народной религиозной практики. Модернизация острова разрушала культы тайваньцев, в этом заключался ее «ненамеренный эффект» [Philip Clart & Charles B. Jones, p. 30—31]. В свою очередь, религия не оказывала влияние на промышленно-экономическое развитие. Согласно зарубежным исследованиям, в 2020 г. на Тайване 22,9 % опрошенных отдали предпочтение традиционной народной религиозной практике, 19,8 % — буддизму, 18,7 % — даосизму, 6,9 % считали себя христианами, 24 % атеистами [Ho Ming-sho, p. 8] (тайваньское общество все еще не светское, хотя к этому склоняется, согласно западным исследованиям, является «светской демократией»

соответствующих «легитимных полномочий» над остальными местными гангстерами (URL: <https://www.rtaiwanr.com/taitung/bombing-lord-handan;>); см. Video: More than 50 temples to take part in Taitung's 'Bombing of Master Handan' Explosive Lantern Festival (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5edi-vX2a1l> (дата обращения: 19.03.2023).

³³ В этом контексте следует упомянуть двенадцатидневный визит (в конце марта 2023 г.) бывшего президента КР Ма Ин-цзю [馬英九] в материковый Китай (во главе делегации студентов) в связи с приближающимся Праздником чистоты и света Цинмин цзе (QingMingjie [清明节]) для посещения могил его предков и организации студенческих обменов через Тайваньский пролив с посещением нескольких городов: Нанкина, Чанша, Чунцина, Ухани, Шанхая и др. Согласно тайванским СМИ, во избежание воздействия на ситуацию с выборами кандидата от КМТ (Гоминьдан) на президентских выборах в 2024 г. и создания впечатления (в первую очередь в США) о прокитайской позиции КМТ перед выборами Ма Инцзю воздержится от посещения Пекина. См.: Former Taiwan president plans to visit China Ma Ying-jeou plans 12-day visit to China over upcoming Tomb Sweeping holiday. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4840691> (дата обращения: 21.03.2023).

³⁴ В 2023 г. во время праздника Yehliu Cleansing of the Harbor Festival [水裡來火裡去元宵野柳神明淨港登場] рядом с храмом Yehliu Baoan Temple [野柳保安宮開漳聖王] команда из четырех бойцов-смельчаков [勇] ныряла в воду и плыла 100 метров вместе с паланкином для очищения (с помощью богов) набережной и благословления кораблей, ушедших в море, и их благополучного возвращения с богатым уловом. В церемонии участвовали сто человек. New Taipei Harbor Cleansing Festival sends gods swimming. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4800935> (дата обращения: 05.02.2023).

(secular democracy)³⁵. Одновременно в учебниках и учебных программах встречается активная враждебность по отношению к религии. Следует отметить при этом, что увядание «организованной религии» не означает увядание духовной культуры, которая не тождественна религиозной культуре [См.: Philip Clart & Charles B. Jones, p. 44].

Что касается социальной функции храмов, то она представляется исключительно важной в настоящее время, когда, согласно зарубежным исследованиям, продолжается устойчивый рост количества одиноких пожилых людей³⁶. Тем не менее, как видно из статистики, модернизированное азиатское общество остается социо-ориентированным, по-прежнему сильны традиционные родовые и клановые отношения и связи. На Тайване основными причинами таких изменений в структуре традиционной семейной поддержки обозначены следующие: очень низкий уровень фертильности женщин вследствие поздних браков и предпочтений безбрачия; высшее образование; рост числа работающих женщин, которые имеют возможность оплатить услуги няни для ребенка и сиделки для пожилых родственников (с одновременным снижением числа сиделок); миграция молодой рабочей силы из сельской местности в города и в результате этого ее неспособность обеспечить повседневную заботу о пожилых родителях³⁷.

Итак, количественное увеличение практики паломничества³⁸, традиционного способа выражения веры в божество, количественное увеличе-

³⁵ Tami Blumenfield and Helaine Silverman, eds., *Cultural Heritage Politics in China* (New York, NY: Springer New York, 2013); Akira Matsuda and Luisa E. Mengoni, eds., *Reconsidering Cultural Heritage in East Asia* (London: Ubiquity Press, 2016) [Цит по: Jacob Friedemann Tischer, p.7].

³⁶ Одиноких пожилых людей в Азии было в 1990 г. 6 % и 2010 г. 7 %. Для сравнения: в Европе — 24 % и 27 % соответственно и в Северной Америке 27 % и 25 % соответственно, а также одиноких пожилых супружеских пар в Азии было в 1990 г. 12 % и в 2010 г. 20 %, в Европе — 42 % и 49 %, в Северной Америке — 47 % и 46 % соответственно. Пожилых, находящихся на попечении детей в Азии было в 1990 г. 73 % и 2010 г. — 64 %, в Европе — 26 и 20 %, в Северной Америке — 18 % и 19 % соответственно. UN Database on the living arrangements of the old persons. 2017. Представлено Yang Pei-shan (The National Taiwan University). “Taiwan as a super-aged society”. Organized by UCLA Asia-Pacific Centre. 16.02.2023.

³⁷ На Тайване уровень фертильности — 1,07 ребенка на одну женщину в 2020 г. с дальнейшим понижением этого показателя с 2023 до 2070 г. С 2020 г. смертность превышает рождаемость, снижается число рождений детей у людей в возрасте 15—29 лет, фертильность обеспечивается в основном населением в возрасте 40—49 лет. Представлено Yang Pei-shan (The National Taiwan University). “Taiwan as a super-aged society”. Organized by UCLA Asia-Pacific Centre. 16.02.2023.

³⁸ Среди паломников в основном образованная молодежь и люди среднего возраста, видны и пожилые люди, им не запрещается отдыхать прямо на полу в храме. Торжество проходит в атмосфере праздника, хорошо организовано службами безопасности; паломники обеспечиваются питанием; совершенно очевидно, что паломни-

ние пожертвований храмам и подношений богам явились результатом возникшего материального излишка у верующих и представившихся им возможностей, а у храмов и храмовых общин — возможностей зарабатывать и развиваться. Добровольные пожертвования верующих³⁹ — способ самоутверждения и приобретения ими авторитета и определенного звания в общественной иерархии⁴⁰. За счет богатых верующих семей покупается одежда священникам (например, в даосских храмах), которую они носят во время молебнов на закрытой территории храмовых комплексов, куда обычно не допускаются остальные верующие [Philip Clart & Charles V. Jones, p. 41].

ки и туристы в приподнятом настроении (в храме много цветов и подношений богам). Все наблюдают главное действие — проход и «управление» паланкином и «предсказательным креслом» jiaozi (kio-a) [轿子]. См.: несколько фильмов, посвящённых паломничеству 2023 г. на Тайване.: Amazing Taiwan Walk Tour! Baishatun Mazu Pilgrimage 2023 ...YouTube·Duck Travel 走鴨旅行·20 февр. 2023 г. [白沙屯媽祖] (дата обращения: 03.03.2023). Требуется специальные навыки и умения для «управление» паланкином и «предсказательным креслом», которое при определенных интенсивных движениях носильщиков-умельцев (взад и вперед, влево и вправо) оставляет «предсказательные» иероглифы, которые впоследствии специально расшифровываются (поскольку не все способны и умеют их прочитать). Процесс подробно описан в зарубежных исследованиях [См.: David K. Jordan. Gods..., p. 64-67].

³⁹ Денежные пожертвования, иногда производятся подношения богам, например Гуань-ди [关帝], императору Гуань Юю (знаменитый герой эпохи Троецарствия Гуань Юй [关羽], канонизированный как божество войны) в виде различных фруктов, включая dragonfruit, батат и морковь — подходящий корм для лошадей, изображения которых (или их деревянные скульптуры) иногда можно видеть в соответствующих храмах рядом с Гуань-ди (См. храм Guan Di [关帝宮] в Синьчжу).

⁴⁰ Практика пожертвований храмам отображена в старых тайваньских фильмах. В таком как, например, «Brother Wang and Brother Liu tour Taiwan» [王哥柳哥遊台灣] (1959 г., фильм восстановлен в 2016 г. Директор фильма — Ли Син (Li Xing или Lee Hsing [李行], 1930 г.р., родился в материковом Китае, откуда прибыл на Тайвань в 1948 г.). Главные герои, выиграв в лотерею 200 тыс. Н.Т.Д., начинают путешествие по острову, сразу обнаруживая «тайванца в самом себе», обозначая собственную причастность к окружающей их действительности (в границах острова), пожертвовав из (букв.) целого чемодана денег прежде всего на различные храмы (даосскому храму Zhinan Temple [指南宮], 1882 г.о.) в пригороде Тайбэя; буддистскому храму Yuanlong Temple в Синьбэе; буддистскому храму Kaiyuan Temple в г. Тайнань; Tainan Confucian Temple (1665 г.о.); Wenchang Temple, несколько храмов с таким названием расположены вдоль западного побережья о. Тайвань и один расположен в у. Илань, храму богини моря Мацзу — Weigang Heavenly Temples Юньлине, построенному в 1694 г.) и в последнюю очередь отелю Mayflower в центре Тайбэя, а также Green Lake (возможно, клуб) в Тайбэе, New Beitou (северный район Тайбэя) и фортам Zeelandia [熱蘭遮城] (фортификационное сооружение-музей в у. Тайнань, построен в XVII в. Голландской Ост-Индской компанией) и Provintia [赤嵌樓], расположенному также в западной части Тайваня.

Следует отметить и другой факт того, что даосизм в Китае в основном представлен группами — южной и северной. Большинство последователей даосизма совершенствуется в этом учении в даосских *даогуанах* или в даосских академиях и не часто соприкасается с мирскими делами. Северная группа — «полное истинное учение» [全真教], цель сторонников которой прийти к полной чистоте. «Южное направление» даосизма, так называемое учение о небесном учителе [天師教] или [正乙教], подразделяется на ряд направлений. Его представители не обязательно живут в даогуанах. Даосы только южного направления в материковом Китае обычно сконцентрированы во всех провинциях, тогда как тайваньские даосы не живут в даогуанах и не образуют систему, а большинство из них действует самостоятельно. В их жилищах есть индивидуальные алтари, все осуществляется в форме своего рода техники наставничества как частного дела. Поскольку тайваньские даосы испытывают недостаток в организационных формах, их относят к более древним способам действия и учения. Тенденция смешения с другими течениями является основным фактором процветания среди населения техники их наставничества как частных лиц. Среди даосов распространены различные направления, например «корпорация красноголовых» [紅頭公司] или «корпорация птичьих голов» [鳥頭公司], также распространены и «спирит-медиумы» (можно предположить, те же самые, только так называемые транс-медиумы). Старый и сложный феномен (свойственно Тайваню) — «религиозное предпринимательство», как правило харизматических личностей (храмы могут быть и индивидуальными маленькими корпорациями, некоторые часовни управляются «транс-медиумами» — *trancemediums* [恍惚乱童]) — ассоциациями, созданными в конце 1980-х годов, которые легко себя не обнаруживают), рассчитано на щедрость и доверчивость граждан с целью воспользоваться их доходами; вероятно, оно все-таки остается не массовым по характеру явлением, иначе религия окончательно превратилась бы в бизнес [Philip Clart & Charles B. Jones, p. 43].

Классические (спирит или транс) «медиумы» (*luantong* [乱童], на местном диалекте Хокло — *tang-ki*) или шаманы, «одержимые богами», ясновидящие, оракулы, ворожеи (при этом иероглифы могут читаться наоборот; существует еще шесть вариантов написания и произношения этого слова с тем же значением⁴¹) появились в Северо-Восточной Азии. Ри-

⁴¹ Обычно «молодые маги» (от 23 до [даже] 69 лет) — мужчины и женщины, ассоциирующие себя с местными божествами, отвечают на индивидуальные обращения у частных алтарей в домашнем медиуме (обычно женщины-ворожеи). Мужчины посещают семьи просителей или принимают их в храме, там же «ведут» деревенские дела. Во время японского присутствия такая практика запрещалась. В Сингапуре, например, она скрытно оплачивалась, соответственно «медиумы» обогащались, особенно в городских условиях, плата составляла примерно 50 долл. (не разъяснено, дол-

туал повсеместно подразделяется на две разновидности: отдельного человека и групповых церемоний. Способ «отдельного человека» заключается в том, чтобы по приглашению отдельных просителей или нескольких жителей деревни лечить болезни и изгонять нечистую силу. Также магов приглашают для разрешения трудностей, чтобы расспросить о счастье или бедствии в пути. «Групповой» обряд проводится в день рождения духа в храме или в связи с какими-то событиями в деревне. В храме дата рождения (точно определен год, месяц, день рождения, также названы счастливые камни-талисманы этого духа) может быть записана на табличке возле изображения божества или его (чаще) деревянной скульптуры. В обряде обычно используется меч или нож, или железные предметы (может течь кровь по всему телу, отрезаться язык, участники могут спать на шипах или ползать по острию ножа и т. д.). С одной стороны, в этих групповых обрядах «одержимые» используют указанные техники для демонстрации защиты со стороны божественной силы; с другой — для побуждения зрителей поверить во все это с целью усиления атмосферы присутствия бога. Для осуществления обряда лечения болезни необходимо добиться от единоверцев веры в присутствие бога рядом с одержимым и в слово, произнесенное последним, но на самом деле якобы исходящее от бога. Если говорить с точки зрения науки, согласно тайваньским исследователям, когда применяется этот способ, явление духа ясновидящему представляет собой своего рода привычное «раздвоение личности» (personality dissociation), а не настоящее присутствие божества рядом. При таком психологическом состоянии обычное для человека самообладание («самость» [自我]) временно не осознается или он находится в состоянии подавленности и бездействует. И его замещает «другой я» (otherself [其他的]). Тот «другой я» и является божеством, с которым он хорошо знаком. При таком психическом состоянии человек копирует слова других людей, вплоть до того, что произносит слова, которые он обычно не понимает. Одновременно происходит ослабление ощущений, вследствие чего он даже не чувствует боли при нарушении кожных покровов и мышц [李亦园, с. 46—49].

Положение «ясновидящего» в деревне возвеличено. Маг пишет заклипания для использования в качестве лекарства от всех болезней, его присутствие считается необходимым на всех деревенских общественных мероприятиях. При этом сам «одержимый», оставаясь не чувствительным

лар какой страны) или 20 Н.Т.Д. за сеанс (1972). Это активно происходило с 1945 по 1968 г. Исследователями отмечалось, что некоторые «молодые маги», таковых было девять (в описанной деревне Вао-ан на юго-западе Тайваня), упрямо не желали быть «одержимыми» богами, поскольку это состояние может наступить в любой момент. Кроме того, ритуал связан с умерщвлением плоти, и некоторые маги падали в обморок при виде крови. См. подробно о них: [David K. Jordan, Gods..., p. 69—73].

к нуждам деревенской общины, способен хитро манипулировать общественным сознанием по своему усмотрению (то же самое свойственно городским магам-мошенникам [神棍] [David K. Jordan. Gods, p. 73—74]).

Среди проходящих к этим «одержимым» (или «ясновидящим») за помощью в лечении болезней большинство больных страдали душевными и психическими расстройствами и хроническими заболеваниями. При этом их не интересовало обычное лечение болезней и не болезни других людей, а интересовало — почему заболел «я сам». При таких психических заболеваниях лечение могли проводить именно эти «ясновидящие», способные удовлетворить потребности таких больных, используя социально-культурные факторы, такие как, например, таблички предков, курительные палочки и прочие традиционные вещи. Причину болезней и несчастий эти «одержимые» искали по фэншуй (неправильное расположение дома или обрабатываемого поля). Исходя из этого, больной должен принять какие-то меры для разрешения своих проблем, в результате чего на душе станет спокойнее, и ощущение болезни будет ослабевать. «Такой способ лечения болезней в медицине называется социо-культурной терапией (social-cultural therapy) или этнической психиатрией (ethnopsychiatry). В сфере медицины и антропологии в настоящее время это является чрезвычайно актуальной темой исследования» [李亦园, с. 50]. Согласно тайваньскому исследователю, в традиционной тайваньской деревне «ясновидящие» могут в некоторой степени действительно добиваться эффекта в отношении нескольких распространенных душевных или физиологических заболеваний, вызванных социальными причинами, особенно в отношении плохо образованных людей. Даже в условиях нынешней модернизации Тайваня «ясновидящие» по-прежнему оказываются эффективными. Поскольку физиологические заболевания во многих случаях связаны с душевными расстройствами, «ясновидящие» в отношении людей с низким уровнем знаний ведут себя так же, как врачи-психиатры или домашние консультанты, помогающие людям с высоким уровнем знаний. По причине коммерциализации современного общества современные «ясновидящие» отличаются от прежних, работавших во вне рабочее время за символические подношения. Их прагматичный подход позволяет теперь зарабатывать деньги, а деятельность превратилась в специальность. И такого рода трансформация напоминает превращение бога войны, армии и оружия в бога торговли и предпринимательства У-шэн Гуань Гуна. Таким образом, «одержимые» разбогатели и превратились в духовных мошенников [李亦园, с. 50].

В настоящее время религиозна ситуация на Тайване характеризуется не только множеством храмов, широким распространением «ясновидящих» и т. д. Много таких людей, которые ходят в храмы возжигать свечи и поклониться богам, кидают жребий и гадают. В результате исследова-

ния тайваньских ученых, которое проводилось в районе Суншань в Тайбэе и в районе в Чжанхуа, четко выявилась следующая тенденция в религиозном поведении, а именно: сравнительно большая доля населения обращается к богу с гаданием, чтобы получить ответ о своем будущем, а также последовательно пытается улучшить свою судьбу или разрешить какие-то житейские проблемы с использованием сверхъестественных методов. В тайваньском исследовании (представлено в соответствующих таблицах) с участием 77 респондентов видно, что более половины из них занимались гаданием в отношении судьбы, не считая бросания жребия. Из этих людей были и такие, которые не только обращались к богам или к сверхъестественным силам, но и последовательно активно использовали сверхъестественные методы для улучшения своей судьбы. Среди тех, кто привержен традиционным народным верованиям, большинство людей с низким уровнем образования, кругозора и знаний. Однако в тайваньском обществе есть люди и с довольно высоким уровнем знаний, которые по-прежнему совершают разные суеверные обряды вплоть до того, что некоторые сотрудники административных органов и чиновники чрезвычайно суеверны в отношении фэншуй, судьбы; есть и такие, которые пытаются гадать о судьбе страны по каким-то явлениям и т. д. Фактически можно сказать, что в кругах тайваньской интеллигенции многие преисполнены верой во всякие запреты (табу) [李亦园, с. 52—54].

Далее, в данной работе мы рассматриваем суеверность как одну из форм религиозного сознания, пусть и не всегда в виде каких-то конкретных религиозных образов с внешним проявлением, например в виде ритуального обращения к богам за советом во время целой процедуры гаданий [卜问] на золотисто-красных деревянных «предсказательных брусках»⁴², внешне напоминающих «апельсиновые дольки».

Так, если выпадает shèngjiǎo [聖筊] (два бруска падают на пол плоской и круглой стороной вверх, т. е. получается один отрицательный и один положительный ответ), это означает одобрение богов. Если выпадает nùjiǎo [怒筊] (оба бруска повернуты круглой стороной вверх, два отрицательных), это означает, что бог рассержен или не согласен с просьбой. В случае получения lìjiǎo [立筊] бруски не падают, а становятся на ребро (как дольки), это означает, что боги не понимают и требуется повторить

⁴² На местном диалекте звучание названий «предсказательных брусков» записано как shing-bwei, yin-bwei, kia-bui, chiu-bwei соответственно по порядку. Эту форму суеверий можно наблюдать в храме, посвященном культу бога Сюаньтянь Шанди. Храм был перестроен в 1804 г. с добавлением помещений для временного размещения солдат и горожан в задней части храма. Позже храм был дважды снесен ради расширения дороги на несколько метров в 1907 и 1964 гг. Фасадная часть храма была восстановлена городским правительством г. Тайнаня в 1971 г. Все описанное замечено авторами в храме Северного полюса (Beiji Temple [北极殿]) г. Тайнань, Тайвань, 2019.

вопрос. Xiàojiǎo [笑筭] (два позитивных, т. е. плоской стороной вверх) означает, что бог улыбается, но не отвечает: либо объяснение неясно, либо нет решения вопроса или не время задавать вопрос. Это может также означать, что человек уже принял решение и нет смысла спрашивать бога. Получивший одобрение богов прихожанин, согласно «предсказательным брускам», вытягивает из стоящей рядом емкости одну из «предсказательных палочек» с номером⁴³, обозначающим в шкафу ящик-ячейку с небольшими листками, как представляется, содержащими дальнейшие инструкции-советы богов (иногда пожилые люди обращаются к окружающим за помощью в поиске нужного ящика)⁴⁴.

В середине XVII в. китайские поселенцы принесли с собой на Тайвань традицию сжигания ритуальных денег (joss paper [金银纸]) в качестве подношения богам, так что местом происхождения «золотых» ритуальных денег считается Китай. Процесс сжигания ритуальных денег в поисках утешения и надежды, ниспосланных из неизвестного мира, облегчает духовную трансформацию вины и раскаяния в прощение и освобождение, за это в древности духов «подкупали» предметами в виде нефрита, монет и шелка, и только со времен Шести Династий [六朝] (220—589 гг.) используются ритуальные деньги. Процедура сжигания «золотых» или «серебряных» ритуальных денег свидетельствует об уважении или благоговении перед богами или предками независимо от цвета самих ритуальных денег. Обычно предприниматели, чтобы защитить свой бизнес (церемония zuoya [作迓] — для бизнесменов и церемония kaojun [犒軍] — для всех остальных, обращающихся к «бродящим духам» предков за благословлением и мирным годом, при этом подношения складываются перед входом в дом), осуществляют ежемесячное сжигание ритуальных денег, которое входит в повседневную часть жизни тайваньца. Ритуал осуществляется в любое время (даже в течение рабочего дня⁴⁵), начинается с обращения за протекцией к богу TaiSui [太歲], который иногда изображается как воин — императорский телохранитель (также с косичкой). Поскольку японская администрация на Тайване запрещала производить⁴⁶ и сжигать ритуальные деньги (вместе с этим

⁴³ Храм Cijin Tianhou Temple [旗津天后宮] (известный также как Chi Jin Mazu Temple). Отмечено авторами. Остров Цизин, Тайвань, 2015 г.

⁴⁴ Отмечено авторами в храме Taichung Dajia Mazu Temple, Тайвань, 2016 г.

⁴⁵ Отмечено авторами в 2016, 2019 гг. на Тайване. См. об этом также: Dr. Stefania Travagnin (SOAS, University of London). Taiwan Lecture Series (on-line). “Religion in Taiwan”. Presented at the University of Oslo (Norway). 14.03.2023.

⁴⁶ В у. Мяоли (Zhonggang) налаженное производство ритуальных денег при японской администрации стало «подпольным»; только в 1966 г. стали искать рынки сбыта за пределами Тайваня, что привело к их дефициту на самом острове. В 1967 г. была основана Jiuhe Spirit Money Corp., производящая ритуальные деньги для Гонконга, Таиланда и Малайзии, а также для китайской диаспоры в Японии и США. В 1977 г. г.

и сжигать ритуальные деньги (вместе с этим удаляя из храмов идолов, запрещая и другие народные традиции и церемонии), отношение населения острова к нарушению этой традиции отразилось на изображении TaiSui как японского солдата (менялось имя на TaiShuai [太帥]), что можно рассматривать в качестве внешнего проявления социального напряжения в процессе вынужденного сотрудничества колониальной администрации и покоренного населения острова.

Обычно священниками используются не цветные бумажные деньги без фольги с текстом или изображением, указывающим на их назначение, например, чтобы «изгнать сатану» или помочь недавно усопшим найти «свой путь в мир иной», или иногда попросить принести успех живущим и отвести от них бедствия. Деньги, сделанные из бамбуковой бумаги, использовались как лекарство против укуса пчел и яда других насекомых из-за недоступности других предназначенных для этого медицинских средств. За последнее время количество сжигаемых бумажных денег (и бесполезно потраченной древесины) резонно ограничено из-за неблагоприятной экологической обстановки на Тайване, и, как написано в храме, количество неважно, поскольку при этом «учитываются помыслы» прихожан⁴⁷.

Согласно зарубежным исследователям, массовые развлекательные мероприятия⁴⁸ и публичные шоу⁴⁹ угнетают дух поклонения, богослуже-

Чжунань (Zhunan) у. Мяоли стал центром производства ритуальных денег, поскольку было образовано 385 таких компаний с 1/4 частью занятого в этом бизнесе населения города. С 1990-х годов производство ритуальных денег было признано искусством, теперь организуются специальные выставки ритуальных денег и фестивали духов по всему Тайваню: Тайбэе, Цзилуне, Илани и др. Они представлены в картинной галерее Президентского дворца. См: Taiwan Panorama. Money to burn: Spirit money Guru Zhang Yiming. Vol. 36, № 7, July 2011. P. 105—109.

⁴⁷ Taipei Times. More Taiwanese using 'ghost money' burning services. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2007/08/26/2003375859> (дата обращения: 14.03.2023); [Taiwan Panorama, p. 103—109].

⁴⁸ Широко рекламируются возможности совместных трапез [濟人好呷物] из тайваньских деликатесов (супов, мяса, риса, чая) по стилю тайбэйских и Dadaochengde как для самих тайваньцев, так и для приезжих туристов на территории храмов (во дворе храма Dadaocheng Cisheng Temple [大稻埕慈聖宮] в Тайбэе) одновременно с целью приобретения экономической выгоды в трудные времена экономического кризиса для поддержания наиболее пострадавших от последствий COVID-19 индустрий сервиса и туризма. The Faithful Gourmand: Enjoying Taiwanese Brunch at Dadaocheng Cisheng Temple (2019). URL: <https://international.thenewslens.com/article/126798>. С этой же целью популяризации национальных традиций и привлечения туристов проводятся, например, фестивали лапши (the Longgang Rice Noodle Festival) в Тайбэе, в культурном парке Zhongzhen в Таоюане и культурном парке Yunnan. Можно предположить, что фестиваль лапши одновременно используется Гоминьданом для популяризации вновь избранного мэра Тайбэя среди аборигенных меньшинств Тайваня (в период пока неразрешенных с ними противоречий по поводу отобранных Гоминьданом

ния, что может стать свидетельством проявления постепенной секуляризации общества. Остается небольшое количество верующих, проявляющих искренность и религиозность (внешнее проявление которых не поддается измерению), в чьих жизнях религия по-прежнему занимает важное место. Оживление духовного знания и осведомленности происходит у таких через межличностные и групповые контакты, в процессе которых распространяются религиозные убеждения внутри религиозной общины и вне ее (с помощью сект, таких как Игуаньдао, распространенных по всему Тайваню), на местном уровне с помощью большого числа небольших организаций, собранных в одном храме в виде специально устроенных *луаньтанов* [齋堂] (молитвенных залов Феникса). Члены этих открытых религиозных организаций принадлежат к нижнему уровню среднего класса, «духовный рост и будущее спасение» которых остаются приоритетными целями религиозной организации, чья активная деятельность подразумевает написание наставлений (похожих на афоризмы, например «душа альтруиста — чистая душа, которая не просит ни результата, ни вознаграждения» [利他, 是不求果報及回饋的清淨心]⁵⁰) в форме «мудрых советов» по поведению в разных жизненных ситуациях, публикуемых еженедельно или ежемесячно в журналах и (бесплатных) книгах [Philip Clart & Charles B. Jones, p. 41—42].

Согласно тайваньскому ученому Ли Ююаню, религия занимает лишь незначительное место в жизни китайцев, не такое, как у населения западных стран, где религия может заполнить всю человеческую жизнь. Религия у китайцев является «тенью структуры китайского общества». Если религия находится в гармонии со структурой китайского социума, не от-

когда-то у аборигенных общин принадлежащих им земель и охотных угодий) и карьерного продвижения правнука Чан Кайши и внука Цзян Цзинго Цзян Ван-аня ([蔣萬安], 1978 г.р.), а также для утверждения в новой должности избранного мэра г. Таоюань, хорошо образованного, опытного, а потому авторитетного и весьма влиятельного Саймона Чжан Шань-чжэна ([張善政], 1952 г.р.), по формулировке ГМД, «человека, способного изменить город». Longgang Noodle Festival. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2023/04/18/2003798163> (дата обращения: 24.04.2023).

⁴⁹ Например, исполнение ритуала «поисков воды» в условиях дефицита воды на юге Тайваня с участием духовенства и представителей власти. Taipei Times. Water-search. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2023/04/19/2003798225> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵⁰ Master Sheng Yen (1930—2009) — один из «четырёх небесных царей» Буддизма (Four Heavenly Kings), современных буддистских наставников на Тайване (из монастырского комплекса Dharma Drum Mountain [法鼓山]). Стал монахом в возрасте 14 лет, прибыл на Тайвань с армией Чан Кайши в 1949 г.) [Sheng Yen, p. 8]. См. также: Taiwan's Fo Guang Shan founder Master HsingYun passes away. The passing of another 'Four Heavenly Kings' of Taiwanese Buddhism. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4801424> (дата обращения: 07.02.2023).

вергается им, то такую религию китайцы легко воспринимают и принимают. Кроме того, как пишет Ли Юань, китайская культура обычно способна вобрать в себя иностранные религии и делать так, чтобы эти религии развивались, превращаясь в более зрелые религиозные догматы (так, католичество и протестантизм успешно «трансформировались» на основе китайской культуры, став, по его словам, «частью Китая») [李亦园, с. 55].

С точки зрения тайваньского ученого, также важен тот факт, что в настоящее время религии, пришедшие из-за рубежа, при распространении на Тайване получают наибольшее влияние на проживающих в горных местностях крестьян, которые массово становятся верующими. При этом трудно сказать, принесли ли религиозные общины больше вреда или пользы, поскольку проповедники не заботились о возможных злоупотреблениях. В некоторых деревнях имеется по 4—5 храмов, конкурирующих каждый за своих прихожан в одной деревне. Взаимная конкуренция столь большого количества храмов может привести к тому, что между единоверцами в деревне возникнут противоречия, то есть возможны расколы деревенских общин и отдельных семей по религиозному признаку. Случается, что люди в одной семье разделяются на три религиозные группы или течения так, что не представляется возможным собрать вместе всех односельчан, чтобы делать одно общее дело и жить гармоничной жизнью. Выход из положения может быть найден самими религиозными предводителями, способными указать действующим миссионерам на необходимость избегать узкого подхода к своим религиозным течениям и находить решение проблемам, вносящим раскол в деревенских общинах [李亦园 с. 56].

Традиционные (синкретические) «новые религии», несмотря на проведенную на Тайване индустриализацию и модернизацию, становятся видимой частью жизни в основной массе урбанизированных тайваньцев, независимо от их возраста. Народные верования (лишь частично исследованные в данной работе), согласно тайваньским авторам, до сих пор в основном существующие в сельской местности усилиями местных храмов и храмовых общин, поддерживают традицию ритуала поклонения и паломничества, осуществляя, тем не менее, социальную сетевую работу и связи с религиозными центрами более высокого ранга, в том числе расположенными географически за пределами о. Тайвань. Тайваньцы ходят в храмы еще и по причине того, что от рождения принадлежат храмовым и деревенским общинам и отдают предпочтения тем божествам, с которыми связывает свои нужды эта конкретная группа населения.

По мнению российского исследователя П.М. Кожина, если оставить неизменным соотношение сельского и городского населения, то соблюдение этого соотношения сделает возможным решение двух проблем: проблемы питания и проблемы производственной занятости. Сохранение духовных традиций (а также управленческих и производственных) на

сельском уровне помогает обеспечить устойчивость структуры сельской жизни, поскольку именно в традиции аккумулируется долголетний человеческий опыт, который затем определенным способом и быстротой передается потомкам. Традиционная сфера лишь отчасти потеснена городскими условиями и модернизацией городской жизни, хотя иногда обнаруживается резкое различие между действием традиций в условиях сельских поселений и современных городов. Отметим, что даже на уровне элиты отход от традиции оказывается далеко не всегда последовательным. По нашему мнению, именно традиция и традиционные институты являются постоянно действующими организующими силами, способствовавшими сохранению определенных слоев, групп и организаций [Кожин П.М., с. 193—198].

По мнению зарубежного исследователя Саймона Скотта, религии в современном Тайване являются продуктом модернизации. Исповедующему буддизм тайваньцу теперь не обязательно осуществлять паломничество в далекие святые места и буддистские монастыри, расстояние к ним сокращается с помощью услуг связи, телевидения и Интернета. Улучшение условий жизни в результате модернизации, облегчение процесса добывания средств к существованию, материальный достаток и превращение тайваньского общества в общество потребления обратили миллионы тайваньцев к организованным формам религий: Чань-буддизму, христианскому баптизму и т. д. Таким образом, технологический прогресс не привел к «религиозной кончине», а скорее усилил религиозную активность и помог добиться увеличения аудитории⁵¹.

При этом понятие личной идентичности на Тайване среди этого религиозного разнообразия сведено в большей степени к различию между коренными тайваньцами и китайцами, прибывшими из материкового Китая, и к тому, насколько успешно каждый справляется с возросшей степенью осознания самого себя тайваньцем⁵². Это непосредственно отражается в обнародованных тайваньскими СМИ цифрах, полученных в результате опроса, проведенного центрами изучения избирательных кампаний в 2023 г.: 60 % респондентов считают себя тайваньцами (в три раза больше, чем в 1990-е годы), число тех, кто считает себя китайцами, уменьшилось с 25 до 3 %, и 1/3 опрошенных полагают, что обладают смешанной идентичностью, то есть относят себя как к тайваньцам, так и к китайцам. Как представляется, это старые гоминьдановцы, которые не отрицают факта своей внешней схожести и схожести образа мыслей с материковыми китайцами. Немногим больше 1 % опрошенных желает воссоединения Тайваня с материковым Китаем. Эти последние, по-види-

⁵¹ Scott Simon. Taiwan Diary #6. Urban Religion, Part I. URL: <https://www2.kenyon.edu/Depts/Religion/Fac/Adler/Reln270/Taiwan-rel.htm> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵² Ibidem.

тому, не входят в число тех, кого волнует вопрос об идентичности собственных тайваньских элит, поскольку вопрос теперь ставится иначе: ассоциируют ли себя с Тайванем тайваньские политические лидеры?⁵³ Те самые лидеры, которые в предвыборный 2023 г., как и в прежние годы, следуя старинному ритуалу раздачи прихожанам храмов настоящих денег «на удачу» в «красных конвертах» (hongbao [紅包])⁵⁴ в преддверии Нового года по китайскому календарю во множестве храмов по всему Тайваню, умело используют видимый политический (популистский) ресурс представителей политических элит (независимо от собственной партийной принадлежности и политических амбиций) как один из способов своеобразного личного осязаемого контакта со своим потенциальным электоратом (и саморекламы) и непрямого воздействия на его сознание⁵⁵.

Согласно российскому исследователю П.М. Кожину, «роль традиций разной глубины и мощности действия резко возрастает в те периоды, когда по тем или иным причинам ослабевает центральное административное руководство, а законы, нормы, рекомендации, принятые на начальном этапе существования этого “нового руководства”, утрачивают силу». Это, наверное, в определённой степени можно отнести и к текущему — предвыборному — 2023 г. на Тайване⁵⁶, когда на фоне резко усилившегося

⁵³ Taipei Times. China threat toughens Taiwanese identity. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2023/04/20/2003798281> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵⁴ Одновременно огромное количество прихожан, по 70 тыс. человек, порой ожидают в очереди по пять дней получение так называемой материнской монеты [錢母] и участия в храмовой лотерее с денежными призами от 600 до 4800 Н.Т.Д. и выигрышами в виде золотого кольца, золотой монеты или слитка стоимостью 12 тыс. Н.Т.Д. С одной стороны, вероятно, это может служить примером сочетания духовной традиции с китайской национальной традицией азартных игр [賭博], с другой, все это происходит на фоне замедления роста экономики Тайваня, высокой инфляции, низких заработков на протяжении нескольких лет (26 400 Н.Т.Д. в месяц, что составляет 865,74 ам. долл.), 176 Н.Т.Д. в час в 2022 г., хотя до окончания своего президентского срока Цай Инвэнь планирует повысить минимальную оплату до 30 тыс. Н.Т.Д.) и закрыть предприятия частного бизнеса по причине роста цен на сырье, электричество, транспортных и других расходов. Taipei Times. Zihnan Temple draws 70,000 visitors, politicians distribute red envelopes. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2020/01/26/2003729869>; Taipei Times. Minimum wage hike not a panacea. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/04/18/2003798130> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵⁵ President Tsai Ing-wen distributes Chinese New Year Red Envelopes. URL: <https://www.gettyimages.in/detail/news-photo/president-tsai-ing-wen-distributes-a-red-envelope-to-a-news-photo/1196268517>. Taipei Times. Officials, politicians greet temple-goers. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2023/01/23/2003793046> (дата обращения: 24.04.2023).

⁵⁶ Taiwan's Dajia Mazu completes pilgrimage procession. Record crowds turn out for religious pilgrimage delayed by COVID for two years. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4879086> (дата обращения: 01.05.2023).

ся военно-политического давления со стороны материкового Китая с целью окончательного решения проблемы национального объединения происходит обострение внутривосточной борьбы между сторонниками воссоединения с материком и приверженцами независимости острова или сохранения де-факто его самостоятельности в рамках сложившегося статус-кво. Представляется важным отметить, что проведение разнообразных политических кампаний сильно дезорганизует управление социумом и отрицательно влияет на хозяйственную жизнь. Изучение духовных традиций в повседневной жизни китайского/тайваньского социумов является актуальной задачей, поскольку «законсервированность» действующих духовных традиций⁵⁷ с учетом общей социальной ситуации, основных тенденций и динамики её развития (включая рост либо отсутствие прироста населения, изменение баланса между городским и сельским населением и прочие факторы) даёт дополнительные возможности для прогнозирования характера многих массовых политических акций [Кожин П.М., с. 194—198].

Библиографический список

Кожин П.М. Проблемы изучения традиций КНР // Информационный бюллетень № 32. Академия Наук СССР. Институт Дальнего Востока. Москва, 1982. 243 с.

Мамаева. Н.Л. (сост., отв. ред.). Исторические события в жизни Китая и современность. *Смирнов Д.А. Степанова Е.Н.* Политический аспект экологической проблемы модернизации Тайваня и Большого Китая // Выпуск VI. К 100-летию Коммунистической партии Китая: сборник статей. М.: ИДВ РАН, 2021. 296 с.

Свиридов А.А. (ИЭ АН СССР, Ленинград). Религиозная ситуация в провинции Фуцзянь (конец XIX — начало XX в.) // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть II. Москва, 1986. 224 с.

Титаренко М.Л. (главный редактор). Энциклопедия «Духовная культура Китая». Мифология и религия. *Малявин В.В.* «Народные верования»; Рифтин Б.Л. «Гуань-Ди» // Издательство «Восточная литература» РАН, ИДВ РАН, 2007. 872с.

李亦园. 信仰与文華. -台北: AiritiPress, 2010. (Ли Ююань. Народные верования и культура. — Тайбэй: AiritiPress, 2010) (на кит.яз.). 293 с.

Bernard Gallin. Hsin Hsing, Taiwan: a Chinese village in change // University of California Press. Berkeley and Los Angeles. 1966. — 324р. (Редкая книга на хранении в ИНИОН и ИКСА РАН — прим. авт.).

⁵⁷ Имеется в виду неизменное действие «малых» традиций, что «передаются с помощью традиционных институтов семьи, клана, сельского поселения, этнической группы и др.», и резкая внешняя изменчивость «больших» традиций, что «являются достоянием господствующей расы (нации)», на их взаимосвязи основывается «политическая культура» [Кожин П.М., с. 60—61].

David K. Jordan. “Changes in Postwar Taiwan and their impact on the popular practice of religion” in “Cultural Change in Postwar Taiwan”. Boulder, Colo.: Westview. 1994. P. 146—150.

David K. Jordan. Gods, Ghosts, and Ancestors. The Folk religion of a Taiwanese Village // University of California Press. Berkeley, Los Angeles, and London, England. 1972. 197 p. (Редкая книга на хранении в Синологической библиотеке ИНИОН РАН и ИКСА РАН — прим. авт.).

Global Civil society in geopolitical age: how civic activism is being reshaped by great power competition (*Richard Youngs, editor*). *Ho Ming-sho* (professor of the National Taiwan University, the director of the Research Institute for the Humanities and Social Sciences at the National Science and Technology Council. Taiwan). China’s influence campaigns among Taiwan’s religious organizations // Carnegie Endowment for International Peace Public Department. 2022. P. 8—9.

Jacob Friedemann Tischer (Department of Anthropology at the University of Boston). (2018) “Mazu Nation: Pilgrimages, Political Practice, and the Ritual Construction of National Space in Taiwan.” In *Global Politics Review*, vol. 4, no. 2: October 2018. 28 p. URL: http://www.globalpoliticsreview.com/2464-9929_v04_i02_p006/ (статья в открытом доступе ISSN 2464-9929).

Murray A. Rubinstein (editor). Taiwan. A New History. Robert P. Weller. Identity and social change in Taiwanese religion. An East Gate Book. M.E. Sharpe. Armonk, New York, London, England, 1999. 520 p.

Philip Clart & Charles B. Jones. Religion in modern Taiwan. Tradition and innovation in a changing society Paul R. Katz. The cult of the Royal Lords in Postwar Taiwan. // University of Hawai’i Press. Honolulu, 2003. 310 p.

Sheng Yen. 108 adages of wisdom (II). *zi zai yu* [自在语]. Sheng Yen Education Foundation. Taipei. Taiwan, 2008. 226 p.

Taiwan Panorama. Money to burn: Spirit money. Guru Zhang Yiming. Vol. 36, № 7, July 2011. 102—109 p. (126 p.)

References

Kozhin P.M. Problemy izucheniya traditsiy KNR // Informacionniy bulletin’ N 32. Akademiya nauk SSSR, Institut Dal’nego Vostoka. Moskva, 1982. 243 s.

Mamaeva N.L. (sost., otv. red.) Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost’. *Smirnov D.A., Stepanova E.N.* Politicheskij aspekt ekologicheskoy problemy modernizatsii Tajvanya i Bol’shogo Kitaya // Vypusk VI. K 100-letiyu Kommunisticheskoy partii Kitaya: sbornik statej/— Moskva.: IDV RAN, 2021. 296 s.

Sviridov A.A. (IE AN SSSR, Leningrad). Religioznaya situatsiya v provincii Fujian (konec XIX- nachalo XX v.)// Semnadcataya nauchnaya konferentsiya “Obschestvo i gosudarstvo v Kitae”. Tezisydokladov. Chast’ II. Moskva, 1986. 224 s.

Titarenko M.L. (glavnyj redactor) Enciklopediya «Duhovnaya kul'tura Kitaya». Mifologiya i religiya. *Malyavin V.V.* «Narodnye verovaniya» //Izdateľstvo «Vostochnaya literatura» RAN, IDV RAN, 2007. 872 s.

Li Yi-yuan. Xinyang wenhua [信仰与文華]. Taipei. Airiti Press, 2010. 293 p. (in Chinese).

Bernard Gallin. Hsin Hsing, Taiwan: a Chinese village in change// University of California Press. Berkeley and Los Angeles, 1966. 324 p.

David K. Jordan. “Changes in Postwar Taiwan and their impact on the popular practice of religion” in “Cultural Change in Postwar Taiwan”. Boulder, Colo.: Westview, 1994. P.146—150.

David K. Jordan. Gods, Ghosts, and Ancestors. The Folk religion of a Taiwanese Village // University of California Press. Berkeley, Los Angeles, and London, England, 1972. 197 p.

Jacob Friedemann Tischer (Department of Anthropology at the University of Boston).(2018) “Mazu Nation: Pilgrimages, Political Practice, and the Ritual Construction of National Space in Taiwan.” In *Global Politics Review*, vol. 4, no. 2: October 2018. 28 p. URL: http://www.globalpoliticsreview.com/2464-9929_v04_i02_p006/ (статья в открытом доступе ISSN 2464—9929).

Murray A. Rubinstein (editor). Taiwan. A New History. *Robert P.Weller.* Identity and social change in Taiwanese religion// An East Gate Book. M.E.Sharpe. Armonk, New York, London, England. 1999. 520 p.

Philip Clart & Charles B. Jones. Religion in modern Taiwan. Tradition and innovation in a changing society Paul R.Katz. The cult of the Royal Lords in Postwar Taiwan. //University of Hawai'i Press. Honolulu, 2003. 310 p.

Sheng Yen. 108 adages of wisdom (II). zi zai yu [自在语]. Sheng Yen Education Foundation. Taipei. Taiwan, 2008. 226 p.

Taiwan Panorama. Money to burn: Spirit money Guru Zhang Yiming. Vol. 36, № 7, July 2011. 102—109 p. (126 p.).

Научное издание

Исторические события в жизни Китая и современность

Выпуск VIII

*Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией ИКСА РАН*

(Москва, 17 апреля 2023 г.)

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Редактор *Н.И. Иванова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 18.12.2023.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 13,6. Усл.-изд. л. 13,8. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).

ФГАУН ИКСА РАН

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.

АО «Т8 Издательские технологии»

109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5